

РАЗМЫШЛЯ ОБ АНАРХИЗМЕ

Ж. Грав

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Размышляя об анархизме

Jean Grave
LA SOCIÉTÉ FUTURE

Ж. Грав

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Перевод
с восьмого французского издания

Вступительная статья
доктора исторических наук
В. В. Дамье

Издание второе, дополненное

URSS
МОСКВА

Грав Жан

Будущее общество: Пер. с фр. / Вступ. ст. В. В. Дамье. Изд. 2-е, доп.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 232 с. (Размышляя об анархизме.)

Автор настоящей книги Жан Грав — один из самых известных французских анархистов конца XIX — начала XX веков. В данной работе он доходчиво, просто, ясно и ярко излагает основы как анархистской критики старого мира, так и анархо-коммунистической альтернативы последнему; приходит к выводу о неизбежности социальной революции и описывает отношение к ней разных политических сил; рисует широкую картину анархистской утопии — будущего общества.

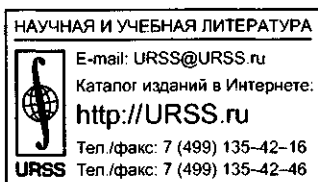
Книга будет интересна не только профессиональным историкам, философам и политологам, но и широкому кругу неравнодушных читателей.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 14,5. Зак. № 2013.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-00354-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009

6344 ID 87503

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Жан Грав, теоретик анархизма

Жана Грва по праву можно считать одним из самых известных французских анархистов конца XIX — начала XX вв. «Маленький, коренастый и широкоплечий человек, с животом, склонным к полноте. Голова его кругом поседела. Щетка усов перерезает его добродушное лицо» — таким он запомнился современникам. Грав не был неистовым оратором, как Луиза Мишель, или блестящим теоретиком, ученым-энциклопедистом, как Кропоткин или Элизэ Реклю. Но в пропаганду анархистских идей он внес, пожалуй, не меньший вклад...

Жан Грав родился 16 октября 1854 г. в городке Брейль, в овернском департаменте Пюи-де-Дом, в бедной семье. Его отец работал мельником, крестьянствовал, а потом плюнул на все и в поисках лучшей доли отправился в Париж. Мать оставила мальчика на попечение своих родителей — бонапартистов по убеждениям. В 6-летнем возрасте Жана привезли в столицу, где его отдали в «Школу Братьев», куда принимали детей бедняков. Мальчик рано познакомился с несправедливостями школьных порядков и насмешками отца. Он был тих и робок; ничто еще не выдавало в нем будущего анархиста-бунтаря. В одиннадцать с половиной лет учеба Жана окончилась, и он пошел работать — учеником механика, потом сапожника. Отец решил открыть сапожную мастерскую и взял мальчика работать к себе, но тот всячески сопротивлялся отцовскому деспотизму. Его неудержимо тянуло к чтению, и он поглощал все подряд — от приключенческих романов до серьезных статей.

1871 год... В Париже провозглашена Коммуна. Отец Грва, убежденный республиканец и бланкист, вступает в Национальную гвардию. Жан тоже ходит на бланкистские собрания; он хочет последовать примеру отца, но его не принимают в гвардейцы — слишком уж болезненным и маленьким он выглядит. Поражение Коммуны открывает период несчастий в семье Гравов: сначала умирает мать, затем — сестра, а в 1875 г., когда Жан был призван в армию, — и отец. Вместе с сапожным ремеслом юноша наследует и отцовские политические симпатии и связи. С 1877 г. он вместе с товарищами по работе регулярно

ходит на социалистические собрания, через два года вступает в Рабочую партию, которую возглавляет Жюль Гед, и организует рассылку ее газеты «Эгалитэ». Но Жана интересует не только марксизм; он знакомится и с другими течениями социализма. Его избирают секретарем парижской «Группы социальных исследований», в которой состояли не только приверженцы Геда, но и видные анархисты — Карло Кафiero, Эррико Малатеста, Варлам Черкезов и др.

Очень скоро ему предстояло сделать решающий выбор между авторитарным и антиавторитарным социализмом, между марксизмом и анархизмом. Газета «Эгалитэ» открыто высказалась в пользу парламентской деятельности социалистов. Возмущенный Грав в 1880 г. вышел из ее руководства. Он заявлял, что предпочитает «динамит избирательному бюллетеню». С ноября 1881 г. Грав возглавил издание ежемесячного бюллетеня французских анархистских групп.

В 1881–1882 гг. увидели свет первые анархистские статьи и брошюры Жана Грава. Публицистический и пропагандистский талант молодого активиста быстро привлек к себе внимание старших товарищей. Петр Кропоткин и Элизэ Реклю публикуют его материалы в газете “Le Révolte” («Бунтовщик»), которую они издавали в Швейцарии. С обоими ветеранами Грав связывала близкая дружба до самой их кончины.

В начале 1883 г., по приглашению Элизэ Реклю, Грав переезжает в Женеву, согласившись временно — всего на полгода — возглавить это издание после того, как Кропоткин был арестован во Франции и осужден судом за анархистскую деятельность. Когда этот срок минул, ни сам Грав, и никто другой уже не сомневались в том, что лучшего главного редактора газете не найти. С 1885 г. «Револьте» издавалась в Париже, в следующем году стала выходить еженедельно, но уже в 1887 г. под угрозой запрета вынуждена была сменить название на «Ля Револьт» («Бунт»). С 1895 г. по 1914 г. газета выходила под новым именем «Тан нуво» («Новые времена»). Бессменным руководителем издания оставался Жан Грав.

Граву удалось превратить издаваемую им газету в фактически «главное» издание французского анархистского движения, его неофициальный печатный орган. Он не только сам писал статьи, но и привлек к сотрудничеству наиболее известных анархистских теоретиков и публицистов того времени. Для «Тан нуво» писали Кропоткин, Бернар Лазар, Октав Мирбо, Элизэ и Эли Реклю, Малатеста и другие. Изданию активно помогали Шарль Бенуа, синдикалисты Поль Делессаль, Пьер Моннат, Амеде Дюнуа, поэт и адвокат Жан Ажалбер, архитектор Франсис Журден, известный фотограф Надар; его иллюстрировали гравюрами знаменитые художники Камиль Писарро, Максимилиан Люс, Поль

Синьяк. Тираж газеты составлял от 7 до 18 тысяч экземпляров. В серии библиотеки «Тан нуво» было издано 72 брошюры, которые были посвящены различным общественным проблемам и вопросам анархизма.

Газета Жана Грера сильно отличалась от большинства других современных ей анархистских изданий своим подчеркнуто серьезным тоном и высоким аналитическим уровнем публикуемых материалов. Ей надлежало, как писал сам Грав, быть «чистой от всяких личных пристрастий и сплетен» и посвященной «исключительно одной идее» — идее анархизма.

Облик Грера был во многом обманчив. Внешне спокойный, почти робкий, смущавшийся перед аудиторией, он таил в себе резкость, непреклонную убежденность в своем идеале и железную волю, страстно и без каких-либо уступок отстаивал «чистую» доктрину анархистского коммунизма. Ему не нравился раскол движения на отдельные темы и направления: антимилитаризм, неомальтузианство, кооперативизм и т. д. Но особенно нетерпим Грав был к анархо-индивидуализму. В 1880-х и начале 1890-х гг. он был готов взять под защиту тактику «пропаганды действием», точнее индивидуальных покушений: в ту пору многие анархисты всерьез полагали, что общество уже вполне готово к социальной революции и установлению строя анархистского коммунизма; достаточно лишь разбудить народ, этого «великого спящего», с помощью пары—тройки громких акций, взрывов или выстрелов. Но вскоре Грав пересмотрел эту точку зрения. Он понял, что действий «инициативного меньшинства» недостаточно. Необходимо распространять анархистские идеи в массах. Социальная революция, считал он, может начаться и победить, только если произойдут глубокие изменения в сознании. Следует «вдохнуть идеи в головы людей». Именно этому делу и отдал все свои силы Жан Грав.

Этим же отчасти объяснялась и его неприязнь к индивидуалистам и анархистским «бандитам»-нелегальщикам 1900-х гг. Те, в свою очередь, платили «папе с улицы Муфтар» той же монетой. Виктор Серж и его подруга Риретта Метржан ревниво именовали Грера «сектантом». Однако Грав отнюдь не был бесчувственным носителем абстрактной идеи: он готов был всем пожертвовать ради друзей, продолжал с любовью относиться к семье своей первой жены, умершей при родах в 1885 г.; в его письмах к близким светятся нежность и мягкий юмор. И среди его произведений — не только идейные и политические работы, но также сказки и анархистская утопия для детей «Приключения Ноно», социальные романы, театральная пьеса.

Немалый вклад Грав внес в дело либертарного (анархистского) образования. В 1899 г. он принял участие в попытке открыть «либер-

тарную школу» в столице Франции. Правда, создать школу для детей на сей раз не удалось, но были организованы вечерние курсы для взрослых. В 1900—1902 гг. Грав издавал в Париже международный ежемесячный журнал «Эдюкасьон либертэр». Позднее его «Приключения Ноно» использовались в качестве учебного пособия во многих анархистских «современных школах».

Хотя Грав больше занимался просвещением и агитацией, нежели организационным активизмом, его не миновала привычная судьба революционера. Не раз довелось ему познакомиться с тюрьмами Французской республики. Впервые это произошло в июне 1891 г., когда его приговорили к шестимесячному заключению за публикацию в «Ля Револьт» статьи с гневным осуждением событий в Фурми. В этой местности на севере Франции 1 мая 1891 г. войска расстреляли забастовку шахтеров. Во второй раз Грав был отдан под суд в феврале 1894 г. за написанную им книгу «Умиращее общество и анархия»; пропаганда «подрывных идей» стоила ему приговора к двум годам тюрьмы и штрафу в 1000 франков за «провокационные призывы к грабежу, убийству, краже, поджогу и т. д.». В августе того же года власти инсценировали «процесс 30-ти» над ведущими французскими анархистами: Гравом, Эмилем Пуже, Себастьяном Фором, Шарлем Шанталем, Луи-Арманом Матта, Феликсом Фенеоном, Полем Реклю, Максимилианом Люсом и другими. Их обвинили в причастности к анархистским покушениям. Но на сей раз Грав был оправдан.

Когда началась Первая мировая война, Жан Грав, убежденный противник милитаризма и военщины, покинул Францию и эмигрировал в Великобританию. Верность друзьям сыграла с ним злую шутку. Вместе с Кропоткиным он подписал печально известный «Манифест 16-ти», призывавший анархистов поддержать войну с Германией до победного конца. Этот призыв был осужден подавляющим большинством анархистов во Франции и во всем мире. Прежние товарищи так и не простили Граву этот вираж. После войны он вернулся на родину, пытался возобновить анархистскую работу, но до самой смерти оставался в движении кем-то вроде изгоя. Умер Жан Грав 8 декабря 1939 г. в местечке Вьен-эн-Валь в департаменте Луаре.

Человек ушел. Осталась память о нем. И остались его книги — 5-томная серия, в которой он доходчиво, просто, ясно и ярко излагает основы анархистской критики старого мира и анархо-коммунистической альтернативы «по Кропоткину». Одна из них — книга «Будущее общество», написанная в 1895 г.

*Доктор исторических наук
В. В. Дамье*

Посвящается всем немущим современному обществу, чтобы они могли сравнивать и размышлять.

Ж. Г.

ГЛАВА I.

На следующий день после революции.

Настоящий труд был уже раньше издан под названием: *Общество на следующий день после революции*; название это не отвечало в точности проводимой мною мысли и поэтому, расширив объем моего труда, я изменил его название на более соответствующее излагаемым в нем воззрениям.

Действительно, когда идет речь о революции, такой, как мы ее понимаем, нельзя говорить о завтрашнем дне. „Завтра“ существует для политических революций, заканчивающихся в 3 дня, неделю, месяц или год, но социальная революция окончится только в тот день, когда власть бесследно исчезнет с земли, и тогда не понадобится больше вмешательства революции для обеспечения эволюции, и последняя будет совершаться свободно и беспрепятственно.

Пока настанет этот день, революция происходит ежеминутно, ежечасно, повсеместно...

Это непрерывная борьба будущего с прошлым, движения с застоем, справедливости с неправдой.

Началом ее был первый независимый акт личной инициативы, и неизвестно, когда наступит ее конец...

В настоящий момент для нее „завтра“ не существует.

С другой стороны, заглавие: *Общество на следующий день после революции* как бы указывало на то, что в ближайшем будущем должен наступить совершенный переворот в современном строе, что на смену ныне существующего внезапно появится новое, вполне организованное общество.

Эволюционисты упрекают нас, будто мы не считаемся с естественными законами, согласно которым все на свете прогрессирует постепенно и медленно. Поэтому, мы должны избегать всего, что могло бы дать повод к недоразумениям, ибо отлично знаем, что обществен-

ный строй, к которому стремимся, не появится вдруг, как по маговению магической палочки, а сформируется постепенно, от соединенных усилий многих поколений, путем ли уступок, насильно исторгнутых, господствующих классов, или одержанных над ними побед, которые дадут возможность устраиваться помимо их согласия.

Политические революции довольствуются тем, что низвергают людей, стоящих у власти; ограничиваются переменной названия правительственного механизма, оставляя его функции, и поэтому такие революции совершаются более или менее быстро; исполнив свое назначение, достигнув цели, они останавливаются в своем движении.

Политическая революция оканчивается в момент, когда люди, которые ее совершили, или—что бывает чаще всего—побудили других совершить, устранят представителей прежней власти, и вместе со своими сторонниками займут их места: „Завтрашний день“ такой революции тот, в котором эти люди празднуют победу, чувствуя, что власть в их руках.

Социальная революция не может совершиться так быстро: политические революции суть только отдельные эпизоды ее, и их удача, или неудача несколько не влияют на конечный результат.

Иногда поражение влечет за собою столь грандиозный и плодотворный под'ем духа, какой вряд ли мог бы быть вызван победой; примером может служить вооруженное восстание коммунаров 71 года. Казалось, репрессии, после его подавления, окончательно восстановят старый порядок вещей. Реакция ликовала, полагая, что пролетариат обуздан раз на всегда и не сумеет сбросить ярмо своих политических и экономических хозяев.

Между тем именно с этого времени требования рабочих приняли определенную экономическую окраску; рабочие поняли, что политические перевороты несколько не влияют на их экономическое положение, что власть—только орудие, а настоящий хозяин—капитал.

Социальная революция есть плод эволюции; последняя при столкновении с социальными учреждениями, задерживающими ее течение, превращается в революцию.

Она подобна реке, разлившейся во всю ширь по равнине; незаметно движется она в своем русле, как бы засыпая и нежась под горячими лучами солнца; они освещают ее и согревают и отражаются в ее гладкой поверхности, как в огромном зеркале.

Эволюция также медленно перерождает умы, и медленно, постепенно, от поколения к поколению, незаметно для отдельных индивидуумов, перерабатывает и изменяет нравы, стремления и идеалы; но если при этом старые учреждения остались неподвижны, то конфликт неизбежен.

Так и река: по выходе из равнины, ее берега становятся высокими, крутыми, сдавливают ее и принуждают ее воды течь по узкому каналу; река, походившая на гладкое, спокойное, почти неподвижное

озеро, сразу перерождается: волны катятся быстро, с шумом ударяясь о скалы, преграждающие русло, и подмывая сжимающие их берега; и река, прежде спокойная и безобидная, превращается в бурный поток, уничтожающий все на своем пути.

Этого то не могли понять правительства, и вот почему—исполняя, впрочем, только свое назначение—всегда пытались поработить поток новых идей и заставить его течь узким каналом, промеж плотин, безрассудно воздвигаемых ими; и когда раз'яренный поток, став сильнее этих преград, размывает их, разрушает окопы, казавшиеся правительствам столь прочными, то до того велико ослепление этих безумцев, что они винят поток, не понимая, что катастрофа—неизбежный, роковой результат плотины, воздвигнутых ими; что несчастьем они обязаны собственной неумелости; что в нем не виноват поток, который, если бы не они, нес бы на своих волнах плодородие, вместо разрушения.

Говоря о революции, я подразумеваю не только борьбу с оружием в руках; всякая борьба против существующей власти, против современной общественной организации, будь это борьба активная, или пассивная, прибегает ли она к физической силе, или моральной; стремится ли к цели, вопреки существующим законам, но не навлекая на себя их кары, или же путем открытого нарушения их; раз только эта борьба ведется во имя устранения какой-либо несправедливости, какого-либо предрассудка, она уже этим самым содействует социальной революции, и каждый ее шаг вперед является успехом в общем ходе революции.

Когда добросовестно изучив наш социальный строй, ученый критик провозглашает, что немощные классы смогут выйти из своего положения только посредством насилия, что только насилие освободит их от экономического гнета, тяготеющего над ними, то вывод такой нельзя назвать субъективным и заподозрить ученого, что он более сторонник насильственных мер, чем мирных. Ему хорошо известно, что революции нельзя декретировать, ни импровизировать. Из своих наблюдений он вывел истину, помимо своих личных симпатий, безразлично на чьей бы они ни были стороне: эксплуатирующих или эксплуатируемых; он констатирует то, что ему кажется правдой, и будущее покажет, ошибся ли он.

В наши дни немислимо организовать революцию; прошли те времена, когда народ воспламенялся речами трибунов и по их воле шел приступом против правительства; если такая сила слова и существовала когда-либо, то в настоящее время она ничтожна.

Конечно, ораторы и писатели влияют на умы; влияние это бывает большее или меньшее, непосредственное, продолжительное или скоро преходящее, в зависимости от дара слова, силы убеждения, образности речи и интенсивности логики; но в наше время критицизма оно всегда очень ограничено и имеет только частичное значение;

значение большое, сравнительно с другими факторами, но в общей совокупности действующих сил и условий времени и среды—довольно, в сущности, ничтожное.

В наше время народным вождем можно сделаться лишь под условием: не выдвигаться вперед толпы; толпа следует только за тем, кто умеет идти шаг-в-шаг с нею, и если в истории иногда встречаются народные вожди, увлекавшие за собою толпу в бой, можно с уверенностью сказать, что толпа раньше их проникнулась сознанием необходимости борьбы, и сама выдвинула их из своих рядов.

Кто ищет истину, не заботится о том, следует ли за ним толпа. Если он одновременно с этим пропагандирует,—а это делает всякий, кто искренно увлечен идеей,—то он стремится сделать эту истину доступной для толпы, и для того, чтобы толпа могла усвоить ее, облакает ее в возможно более понятную и доступную форму; если ему удастся убедить ничтожное меньшинство, оторванное от толпы,—он может поздравить себя с успехом, но на этом и кончается непосредственное влияние пропагандиста; остальное довершают время и события.

Мыслитель, убедившийся в необходимости революции, может, конечно, много сделать в смысле распространения своих убеждений в народе; тем не менее, его труды не ускорят революцию ни на одну секунду, и если бы—что совершенно нелегко допустить—он достиг того, что весь народ сознал бы необходимость ее, все-таки она произойдет не раньше, чем когда обстоятельства сделают ее неизбежной.

В деле революции недостаточно быть готовым к ней; необходим случай; и очень многие, не думающие когда-либо принимать участие в революции, в момент, когда она загорится, могут сделаться ее самыми горячими защитниками.

Поэтому, когда правительство издает репрессивные законы против социологов, проповедующих на основании научных данных неизбежность революции, оно походит на страуса, о котором рассказывают—наверно ошибочно,—что он в опасности прячет голову под крыло, думая этим спастись. Можно запретить открыто констатировать факт, но это не мешает всем, умеющим думать, признавать его наличность, и никакие запретительные законы не в состоянии остановить хода событий.

Итак, между теми, которые жаждут освобождения, и теми, кто стремится удержать власть навсегда в своих руках, война неизбежна. Она замедлится, или будет ускорена, в зависимости от того, какие меры примут правительства, а также от степени энергии и сознательности борцов за освобождение; но, так или иначе, борьба неизбежна.

Как я сказал уже выше, социальная революция не может совершиться в несколько дней; возможно, что она продлится всего несколько лет, но возможно также, что будет делом нескольких поколений; кто может знать это?

Революция есть ряд мелких стычек и больших сражений с правительством и капиталом; в этой войне победы беспрерывно чередуются с поражениями; за наступлением следует отступление, иногда столь поспешное, что может казаться, что мы возвратились к временам первобытного варварства.

Тем не менее, побежденный и задержанный в одном месте, прогресс в другом продолжает борьбу, и сторонники его, в данный момент разбитые, сумеют извлечь пользу из своего поражения и лучше скомбинировать силы для целого ряда новых сражений.

За победой следует поражение; сегодня разрушен один из господствующих предрассудков, завтра реакция уничтожает целый ряд пионеров прогресса; вот падает одно из учреждений старого режима, а вот репрессивные законы декретируют жестокие кары за преступления против существующего строя. Все это проявления борьбы, это революция делает свое дело. И в результате власть предрассудков постепенно ослабнет, исчезнет доверие к тяготящим над нами учреждениям, и настанет день, когда они рухнут столько же под тяжестью собственных преступлений, сколько от ударов, наносимых им противниками.

Во всяком случае, борьба началась и окончится только тогда, когда человечество, страхнув оковы, получит возможность эволюционировать на свободе, без каких бы то ни было препятствий.

Длинный период борьбы нужен, чтобы идея воплотилась в факт, и отдельными моментами этого периода будут и вооруженные восстания и мирный прогресс; нам и нашим потомкам придется переживать все его фазисы, и сама революция заменит человечеству тот эволюционный фазис, которого требуют сторонники постепенного развития.

Высказанные мною взгляды во многом не сходятся со взглядами тех, кто воображает, что революцию можно сделать, и что для реорганизации общества достаточно силы. Те, кто так думает, в сущности только политиканы, и к сказанному прежде можно прибавить только следующее: даже если бы мы были абсолютными сторонниками самой полной свободы, сила может нам только помочь уничтожить то, что нас связывает, но создать новый социальный строй может только свободная индивидуальная инициатива.

На это мне возразят, что насилие не может и никогда не могло ничего создать, и все будет достигнуто только эволюцией и мирной борьбой.

Из тех, кто говорит это, многие отлично знают, что борьба ради мирных реформ есть вздор, который на руку правительствам и капиталистам, и что последние перестанут быть эксплуататорами лишь тогда, когда у них будут отняты средства быть ими; но и многие искренни, ибо видят только одну сторону дела и не могут понять, что иногда бывает полезно, необходимо, даже неизбежно, чтобы эволюция временно перешла в революцию с тем, чтобы потом опять принять свое мирное течение.

Ясно, что сила одна не может ничего создать; то, что держится силой, силой же может быть свержено, и сама сила имеет значение и может держаться лишь постольку, поскольку рядом с нею, поддерживая ее, имеется некоторое стремление, некоторое настроение умов, благодаря которому навязанный нам силою порядок считается нами неизбежной необходимостью.

Конечно, я говорю о таких политических и экономических явлениях, когда меньшинство поработило массу, а не о завоеваниях, где численность завоевателей, а следовательно одна грубая сила явилась залогом победы и единственной причиной господства; хотя и в этих случаях сила помогла низшая степень развития покоренных народов.

Даже во времена, когда абсолютно царствовала одна грубая сила, она не могла бы держаться, если бы предрассудки, суеверие, вера в провидение, не оказывали ей моральной поддержки, более существенной, чем мечи и копыя феодальных баронов. Но поскольку власть нуждается в силе, и ею поддерживается, постольку же сторонники свободы не должны, рискуя быть непоследовательными, мечтать об осуществлении своих идеалов при посредстве силы.

Если с одной стороны нельзя силой создать порядок вещей, единственным основанием которого должна быть свобода, то с другой стороны невозможно долготерпением и смиренностью заставить правящие классы отказаться от своих привилегий.

Не всякий способен подставить правую щеку, получив удар по левой: это — дело характера и темперамента. Может быть, в одном отдельном случае обидчика обезоружит покорность, зато в массе других случаев он воспользуется смирением жертвы, чтобы повторить удар.

Я не говорю уже о том, что такой акт смирения мыслим разве только, когда дело происходит между двумя индивидуумами, но становится совершенно невозможным, когда тот, кто наносит удар, находится за сотни верст от того, кого он бьет, как это происходит при современной организации общества, где всякое насилие отражается рикошетом.

Из диких народов миролюбивые, принявшие европейцев с раскрытыми объятиями, в очень скором времени были ими обращены в рабство, и исчезли с лица земли; те же, которые сопротивлялись, хотя и были поработаны, но не так скоро, и от того, что они сопротивлялись, судьба их не стала хуже.

Сила управляет миром, и если разум нас учит, что мы не должны злоупотреблять ею ради притеснения других то вместе с тем он учит, что ее мы можем противопоставить попыткам поработить нас и ею же можем разрушить рабство, навязанное нам в период нашего физического или интеллектуального бессилия.

С самых древних времен до Американской Междоусобной войны включительно невольники выбивались из своего рабского положения только путем многократных восстаний.

Христианство, пройдя через гонения, утвердилось только тогда, когда противопоставило силе силу, и в свою очередь стало притеснителем. Точно также реформация только с оружием в руках добилась признания своей равноправности. А сколько войн пришлось вести крестьянству, прежде чем оно добилось своего современного положения! Идея монархического единства восторжествовала только тогда, когда были разрушены рыцарские замки, а феодальные бароны были казнены. В свою очередь, буржуазия освободилась от опеки, разгромив бастилию и дворцы, казнив священников, дворян и короля, и конфисковав их земли и поместья; теперь она злоупотребляет приобретенной силой, эксплуатируя нищие классы и этим заставляет их прибегать к силе же, ради защиты от ее притязаний.

Насилие порождает насилие,—таков мировой закон! Кто виноват в этом?

Социальная организация с ее антагонизмом классовых интересов ведет нас к революции; сила событий толкает к ней рабочий класс больше, чем убеждение, что эмансипация мирным путем невозможна. Это факт общепризнанный, и отрицать его могут только те, кто хочет уверить нас, будто революция 89 года, отдав власть в руки буржуазии, самым этим фактом навсегда покончила с требованиями, предъявленными старому режиму. Конечно, рабочий класс, принуждаемый насилием нести на себе тяжесть власти и ужасы беспощадной эксплуатации в свое время роковым образом будет вынужден прибегнуть к тому же насилию, чтобы освободиться от своих притеснителей; тем не менее утверждать, что будущее общество будет создано насилием, могут только те, кто хочет сделать людей счастливыми помимо их воли, или же самоуверенные честолюбцы, мнящие, что они обладают всей суммой человеческих знаний.

Мы, сторонники освобождения, столь великих надежд на силу не возлагаем и рассчитываем при помощи ее лишь устранить препятствия: уничтожить власть и капитал, и освободиться от их учреждений: от того мы и противники централизации и не признаем представительства власти, ни мандатов, вручаемых отдельным индивидуумам, имеющим действовать и голосовать вместо нас и от нашего имени. Пусть всякая попытка преведения всех индивидуальностей под один уровень вызовет протест каждого отдельного „я“ и встретит отпор со стороны индивидуальной инициативы, долженствующей быть свободной от каких бы то ни было стеснений.

Людам должна быть предоставлена свобода группироваться. Если такие группы затем найдут нужным вступать между собою в федерации, пусть делают это в той мере, в какой сочтут полезным для себя. Желющие остаться вне федерации—пусть остаются; пусть каждый умеет уважать свободу соседа, если хочет, чтобы уважали его свободу.

Одна лишь индивидуальная инициатива может обеспечить успех революции. Централизация всегда является тормазом в распростра-

нении новых идей, между тем как нужно не затруднять их развития, а напротив способствовать их свободному расцвету.

Каждый отдельный человек должен быть приучен мыслить и действовать за собственный риск и страх, не ожидая импульсивного толчка со стороны. Если мы достигнем того, что в своих делах будем рассчитывать только на самих себя и сумеем заставить уважать нашу личную свободу, одновременно уважая чужую, то в этом будет заключаться один из элементов успеха в осуществлении нашего будущего благополучия.

Не декреты центральной власти, а наша собственная энергия уничтожит все механизмы современного социального строя.

Лишь только начнется борьба, мы должны будем прежде всего стараться распространить вокруг себя начавшееся движение, не путем рассылки в деревни огромных количеств прокламаций, как это делали во время прежних революций, а доставлением туда предметов первой необходимости, сельскохозяйственных орудий, какие найдутся в городах, а также людей, которые научат крестьян пользоваться ими.

Факты красноречивее слов, и указанный способ—единственный, каким можно убедить крестьянина, что его интересы тесно связаны с интересами фабричного рабочего, и что, так как интересы их общи, то общими должны быть и стремления.

По всей вероятности движение примет самые разнообразные формы: то оно будет местное, ограничится одной деревней и будет немедленно подавлено; то распространится в целом округе и на некоторое время удержится, причем будут делаться попытки провести в жизнь те или иные формы социальных концепций.

Точно также разнообразны будут и причины: они могут быть экономические или политические, но какова бы ни была исходная точка движения, оно, если борьба продлится, неизбежно примет экономический характер.

Кто может предсказать, где и когда начнется это война? Величайшие социальные несправедливости творятся, видимо не вызывая протеста толпы, и рядом с этим какой-нибудь пустяк способен зажечь всеобщий пожар.

Конечно, может случиться, и наверно даже случится, что движение будет подавляться прежде, чем рабочие окрестных местностей присоединятся к восставшим; но в области идей, как в физике, сила не теряется; сотрясение передается всем тем, кто страдает от тех же причин, что и восставшие, и стремится к одной с ними цели.

Пример заразителен, и идеи, как бы носясь в воздухе, передаются быстро. Бывают моменты, когда напряженность положения событий увлекает отдельных личностей, помимо их воли, в общем урагане. Одни и те же причины порождают одни и те же факты: везде рабочие истомлены игом эксплуатации; везде они хотят, чтобы их считали равными, а не низшими; везде в них проснулись чувство личного

достоинства и сознание своей силы, и везде у них одно и то же горе и одни и те же упования.

В настоящий момент мир можно сравнить с площадью, уставленной фейерверком, где, смотря по направлению, которое примет первая ракета, или по очереди загорится каждая следующая, или все вместе вспыхнут одновременно; легко может статься, что от первого же толчка нарушится в обществе равновесие, поддерживаемое насильем.

ГЛАВА II.

Революция и Дарвинизм.

Когда Дарвин обнародовал свою теорию „Эволюция“, все официальные ученые, видя в ней только ниспровержение догмата о сотворении мира Богом, ополчились против него. Ранее они точно также расправились с Ламарком, но с того времени мысль прогрессировала, умы были подготовлены, и идея „эволюции“ устояла против их нападок и получило права гражданства в ученом мире.

В противовес к сказанному, в некоторых сферах усмотрено было в этой теории оправдание современного политического режима и осуждение революционных стремлений пролетариата, оправдание эксплуатации, тяготящей над ним, и „борьба за существование“, „половой подбор“, „эволюция“ появились под столь разнообразными приправами, что английский ученый, наверно, не мог признать за воплощение своей идеи ту крошку, которую ему преподнесли.

Ухватившись за теории продолжателя Ламарка, Гете и Дидро толпа жалких комментаторов вздумала применить теорию „борьбы за существование“ к человеческому обществу, расшарив ее до пределов, о каких, несомненно, никогда не мечтал сам автор.

„В виду тяжелых условий существования—говорят они—общество естественно разделилось на два класса: на обеспеченных и рабочих (*). Земля не производит достаточно, чтобы обеспечить каждому удовлетворение его потребностей, отсюда происходит борьба, а следовательно имеются победители и побежденные. Правда, побежденные обращаются победителями в рабов, но ведь это естественное последствие борьбы; зато борьба двигает прогресс человеческого рода, побуждая отдельных индивидуумов развивать свои умственные способности, чтобы не исчезнуть с лица земли“.

*) Иные утверждают, что такого разделения нет и что его выдумали социаллисты и революционеры. (Прим. автора).

„В доисторические времена—продолжают они—победитель поедал побежденного; в настоящее время он заставляет его трудиться на пользу общества и приумножать богатства на пользу ему, следовательно, прогресс—несомненен; к сожалению, условия жизни так тяжелы, средства существования так ограничены, что нет возможности удовлетворить потребности всех; необходимо, чтобы одни согласились отказываться себе в удовлетворении; таков естественный закон. Удовлетворение потребностей в полном объеме приходится на долю небольшого числа избранных, которые являются наиболее одаренными, наиболее способными уже потому, что они—победители“.

„Конечно, очень жаль, что борьба уносит столько жертв, и общество должно быть реформировано, но это дело времени и будет результатом эволюции человечества. Пусть те, кто сильнее и одареннее, прокладывают себе дорогу в толпе и становятся во главе общества! Так было всегда, и соперничество—одна из причин прогресса!“.

Жестокый эгоизм буржуазии особенно откровенно обрисовывается в нижеследующих строках, так часто цитируемых ее представителями: „Земля уже распределена, и человек, рождающийся на свет, если у его родителей нет средств прокормить его, или обществу не нужен его труд, не имеет ни малейшего права требовать своей доли пропитания; такой человек действительно лишний на земле. На великом пиру природы не приготовлено для него прибора. Природа велит ему уходить прочь, и немедленно сама приводит свой праговор в исполнение. Там, где природа приняла на себя обязанности приказывать и карать, было бы безумие идти ей наперекор, а потому, пусть этот человек подвергнется каре, к которой он приговорен природою за то, что он немущий!!! Пусть он поймет, что он и его семья осуждены природою, и что если он и его семья не умирают от голода, то этим они единственно обязаны какому-нибудь милосердному благодетелю, который, помогая им, совершает преступление против законов природы“ (Мальтус, О народонаселении).

Как видите, признаки откровенно и угроза очень категорична: „Бедняк не имеет права жить! Если ему удастся кормиться крохами от щедрот общественной или частной благотворительности, то и за это пусть благодарит господ!“

Рабочие! когда, вынужденные безработицей, вы прибегаете к закладам и мелким займам, не забывайте, что вы не имеете права жить, если у вас нет сбережений! Не надоедайте же своим „правом на существование“, и не кричите об нем громко; берегитесь! Вам сумеют напомнить, что родиться немущим—преступление, и что если вы существуете, то единственно благодаря снисходительности имущих классов!

Не забывайте, рабочие, вы, которые в старости умираете от голода, истратив силы на производство богатств, должностующих увеличить сумму наслаждений ваших эксплуататоров, что преступно родиться от немущих родителей, и не суметь в течении жизни скопить

денег на старость. Будьте довольны уж тем, что сострадательным благодетелям угодно было, пока у вас были силы, пользоваться вашими услугами для того, чтобы пустить в обращение свои капиталы, которые, без вас, не приносили бы им дохода; теперь, когда вы калеки и ни на что не годитесь, уходите прочь; вы мешаєте движению; ничего для вас больше сделать нельзя“.

Вышеуказанное признание не единично. Послушаем еще: „Дарвинизм ничего общего не имеет с социализмом. Если можно ему приписать какую-либо политическую тенденцию, то разве только аристократическую, ибо теория „подбора“ учит, что в человечестве точно также, как в мире растений и животных, везде и всегда только очень ничтожное меньшинство привилегированных развивается и живет полной жизнью, огромное же большинство чахнет и раньше или позже погибает. Жестокая борьба за существование царствует повсюду, и только избранное небольшое число сильнейших и способнейшее в состоянии победоносно выдержать конкуренцию; большинство же в силу необходимости должно погибнуть“. (Цитата из Геккеля в «Darwinisme social» Готье).

На этот раз, нищие и голодные, с вами не церемонятся: развитие буржуазии роковым образом влечет за собою гибель пролетариата, если не всего пролетариата; каждое новое наслаждение, приносимое наукою в дар буржуазии, соответствует новому страданию для рабочего класса. Чтобы существование буржуазии было обеспечено, необходимо приковать пролетариат на веки к ярму, под которым она его держит. Так говорит ученый буржуа Геккель, вероятно, понимающий то, что говорит, ибо на то он ученый.

Разве не возмутительны претензии буржуазии на превосходство! Ведь единственное их превосходство состоит в том, что они появились на свет после своих отцов, среди роскоши, с капиталами, обладая всеми средствами, необходимыми для развития, с одной только заботой: жить и наслаждаться!

Прежде высшим классом считало себя дворянство; имея возможность упомянуть кого-либо из более или менее отдаленных предков, какое-нибудь деяние его, часто достойное бандита или сутенера высокой марки, дворянин считал себя неизмеримо выше всякого не дворянина, не записанного в родословные книги. Ныне дворянское происхождение уступило первенство капиталу. Достоинство человека измеряется не предками его, а деньгами. Дворянин определял цену себе количеством чужих жизней, насильственно прекращенных его предками; капиталист—количеством совершенных им грабежей.

Убийц и грабителей, вот кого хотят представить „цветом“ человечества!

Они то цвет! Ведь прошло едва столетие, как их сословие получило власть, и оно уже разлагается, и неизвестно, что оно представляло бы из себя теперь, если бы не постоянный живительный приток

перебежчиков из рабочего класса, которыми жажда наслаждений и власти пополняет их ряды.

На каком поприще доказали они свое превосходство? Не в области ли науки? Но, ведь, известно, что их официальная наука всегда тормозила истинную науку; всякое научное открытие прежде всего подвергается ими гонению, и признается только тогда, когда его значение слишком для всех очевидно. Усилия официальных ученых авторитетств направлено, главным образом, к тому, чтобы из всякого научного явления выжать и выудить оправдание для господствующего эксплуататорского строя.

Или в области искусств и литературы? Нет ни одного истинно талантливого произведения человеческого творчества, которое не осмевало бы современных предрассудков и учреждений, и не отказывалось бы от солидарности с ними.

Они всегда преследовали всякого, вливающего свежую струю в искусство, и расточали милости и награды мелким посредственностям и бездарным ничтожествам.

Но, может, быть они обнаружили свое превосходство в сфере политики? В политике они представляются сбродом проходимцев и наильников, не имеющих за душою ни одного положительного устоя, ни одной идеи, на которой могли бы обосновать свои претензии на превосходство; это—люди сомнительной репутации, торгующие своей влиятельностью и пользующиеся властью для скорейшего обогащения.

Все они хорошо сознают свою гнусность; так хорошо, что в борьбе, которую они ведут для защиты своих классовых интересов, не осмеливаются выступать с той дикой энергией, с какой действовали в 89 году члены конвента; последние, как истинные сектанты-фанатики своих сословных интересов, выказали себя беспощадными к тем, у кого отняли власть, несправедливыми и жестокими по отношению к рабочему классу, при содействии которого одержали победу, но за то они не боялись своих поступков, заплатили своими головами и имеют, по крайней мере, то достоинство, что не были вульгарными: Приемники их,— вероятно, более жестоки, чем были они, но трусливы и неспособны пожертвовать жизнью.

Потомки этих сильных людей, ведших свое происхождение от мощных средневековых общинников, исчезли с исторической сцены, преданы забвению, и места их заняли политические фокусники, держащиеся на подмостках парламентаризма только за полным отсутствием стыда, благодаря которому они проглатывают самые обидные оскорбления с тем же спокойствием, с каким прячут взятки в свои карманы. Они сильны и управляют другими разве только потому, что наглы, и это заменяет ум, которого у них нет.

Буржуазия сделалась паразитствующим сословием, живущим на счет тех, кто работает, и потеряла способность производить что-либо, и когда люди с высшим образованием, в роде цитированных мною

раньше, обладавшие всеми средствами, необходимыми для приобретения научных познаний, из всех научных данных, которые они имели возможность проанализировать, извлекли только те выводы, какие я привел выше, то спрашивается, какова же была бы степень их знания, если бы они не располагали средствами учиться?

Они называют себя лучшими! Но, ведь, исключив нескольких человек, действительно сумевших использовать все средства, доставляемые богатством и общественным положением, мы увидим целую массу таких, которые в отношении умственного развития остались далеко позади рабочих, и которые не сумели бы жить, если бы были вынуждены сами вырабатывать средства для своего существования.

За то, сколько среди рабочих гибнет от непосильного беспросветного труда таких, которые имеют право повторить, указывая на свою голову, слова, сказанные якобы Андре Шенье, когда он шел на эшафот: «А, ведь, у меня было кое-что здесь».

Да, интересно было бы собрать статистические данные о знаменитостях, которыми гордится современная цивилизация, и на основании таковых выяснить, сколько таких знаменитостей выдвинулось при ее содействии, и сколько помимо нее и наперекор ей, и затем сравнить их относительную ценность.

Сами принадлежа к классу, эмансипация которого сделалась возможною только путем насилия, мы намерены для доказательства правоты наших претензий, воспользоваться аргументами официальных ученых; обращая против них их же диалектику, мы докажем, что право рабочего класса прибегнуть к насилию явствует из их собственной аргументации. Затем, когда будет доказано, что подобно копыю Ахиллеса их аргументация задевает раны, ею нанесенные, мы докажем всю несостоятельность этой аргументации; докажем, что борьбой за существование об'ясняется только одна ничтожная часть всех явлений, относящихся к эволюции, что будучи применимой в мировой жизни вообще, она—абсурд, когда речь идет об общественном строе, ибо таковой держится на законах солидарности и взаимопомощи, которые суть противоположности борьбы за существование.

Докажем, наконец, что в современном обществе благоденствуют не самые способные и даровитые, а напротив расслабленные и истощенные; что пресловутый недостаток средств пропитания есть плод их фантазии, что он создается ими самими ради того, чтобы держать в своей власти рабочего, который—они это знают—не замедлит освободиться из-под гнета в тот момент, как над ним перестанет тяготеть страх за свое существование и за жизнь его семьи.

Даже если «борьба за существование» и участвует до некоторой степени в совокупности факторов, движущих прогресс в эволюции человечества, то во всяком случае неверно, что ею одной об'ясняется этот прогресс.

Только путем подтасовки фактов можно доказать справедливость требований, проистекающих исключительно из алчности и жестокости;

общественные науки и история отрицают превосходство, приписываемое себе известными расами, классами и индивидуумами, хотя бы их притязания на таковое опирались на силу и численном превосходстве.

Когда начался упадок религиозных верований среди народных масс, буржуазии необходимо было искать, на чем обосновать свое господство; выход, казалось, был бы найден, если бы существующий режим был санкционирован наукой, которая убедила бы рабочий класс в том, что его положение является роковым последствием естественного хода вещей, столь же логичного, как математическое уравнение или закон тяготения; и вот они набросились „на борьбу за существование“, в которой, как им казалось, и заключаются искомые доказательства.

„Борьба, — говорят они — принуждая человека изыскивать средства к пропитанию, развила его природные способности; конкуренция поддерживает эти способности в постоянном напряжении, и благодаря этому уже приобретенные способности сохраняются и продолжают развиваться, и приобретаются еще новые. Таким образом, „борьба за существование“ — мать прогресса, ибо заставляет отдельных людей и целые расы непрерывно прогрессировать из опасения быть уничтоженными. Кроме того, уничтожая самых слабых, менее способных и хуже одаренных, она очищает место для даровитейших и сильнейших“.

„И так и должно быть всегда, — продолжают они — ибо, если бы установился такой общественный строй, при котором все имели бы возможность свободно удовлетворять свои потребности, все были бы равны, никто бы не повелевал, и никто не повиновался, а всякий производил бы сообразно своей воле; тогда не было бы соревнования ни инициативы, и общество распалось бы и возвратилось бы в первобытное состояние варварства, неустройства и господства грубой силы“.

Чтобы доказать несостоятельность этого аргумента, достаточно цитировать самих же представителей буржуазии:

„Социальная война по сравнению с естественной „борьбой за существование“ представляет то великое неудобство, что так как силы естественного закона более или менее стеснены человеческой волей и человеческими учреждениями, то шансы на победу не всегда на стороне лучшего, сильнейшего и даровитейшего; напротив, чаще всего индивидуальное величие ума приносится в жертву какой-нибудь личной симпатии, внушенной социальным положением, происхождением, богатством“ (Бюхнер, *L'homme selon la science*, стр. 207—208).

Точно также борьба является не последствием естественного неравенства, а причиной его, и защитники „борьбы за существование“ напрасно ссылаются на нее, для оправдания буржуазного строя.

„Все эти неравенства, все эти уродливые явления должны быть приписаны социальной борьбе за существование, еще не регулируемой разумом и справедливостью; борьба эта поддерживается, главным образом, бесчисленными проявлениями политического гнета, насилия,

грабежа, захвата, которыми переполнена история прошлого, и которые мало просвещенным современникам кажутся следствиями социального движения". (Бюхнер, *L'homme selon la science*, стр. 222).

Возможно, что в те отдаленные времена, когда человек еще не выделился из среды остального животного мира, когда единственным оружием его были инстинкты питания и размножения и рудиментарный мозг, в котором каждый приобретенный опыт и новое приспособление запечатлевались чрезвычайно медленно, возможно, говорю, что тогда борьба за существование являлась для него вопросом жизни или смерти, и он вынужден был вести ее: убивать, что бы не быть убитым, поедать другого, чтобы не быть съеденным самому. Если таково было начало истории человечества, то те отдаленные времена по справедливости могут быть названы золотым веком политической экономии, ибо — как уверяют натуралисты — конкуренция была тогда единственным законом, управляющим миром.

Относительно размеров, в каких велась эта конкуренция, существует много гипотез, но, в сущности, неизвестно ничего. Правда, в земле находят человеческие кости, со следами поранений, причиненных первобытным оружием; за то откапываются и такие кости, на которых сохранились следы ран, залеченных, что доказывает, что раненный пользовался уходом близкого ему человека, уходом продолжительным, ибо по рубцам видно, что человек пережил рану; что зарубцевание шло медленно, и что местонахождение раны не позволяло раненому обходиться без посторонней помощи.

Итак, если у колыбели человечества мы находим следы насилия, то находим также следы солидарности и взаимопомощи; таким образом, открыт новый „естественный закон“, о котором политики-комментаторы Дарвина благоразумно умалчивают.

Вывод из предыдущего тот, что если борьба — первый двигатель человеческих поступков, то этим только объясняется, почему первобытные человеческие общества с самого момента их возникновения оказались запятанными первородным грехом и послужили более сильным и ловким рычагом для эксплуатации слабых и неразумных, но несколько не доказывает, что именно борьба была причиной прогресса. Интересно выяснять вопрос, совершался ли прогресс вследствие борьбы, на которое обречено было человечество, или помимо нея; но вряд ли когда либо он выяснится.

Как бы там ни было, если даже борьба и была одной из причин прогресса, то все-таки ясно, что ею объясняется далеко не все, и что причинами эволюции являются еще и другие естественные законы, между которыми „взаимопомощь“ занимает не последнее место; ибо наличность ее объясняет нам, почему люди продолжали организоваться в общества, несмотря на то, что для многих такая организация оказалась весьма неудобной.

Когда после целого ряда перерождений и постепенных приспособлений появились на земле организованные существа, естественно, что среди всех этих организмов, лишенных разума и высших инстинктов и живущих только потребностью питаться и плодиться, должна была вестись беспрерывная война, не знавшая пощады для побежденных.

Но это не была „борьба за существование“, о которой говорят экономисты. Правда, виды воюют между собою, но не особи одной разновидности; растение питается минералом; плотоядное животное поедает травоядное и других более слабых своих сродственников, но, конечно, принадлежащих к другой разновидности.

Только какая-нибудь непредвиденная катастрофа, какие-нибудь исключительные обстоятельства, вследствие которых животное поставлено в невозможность добыть себе обычный корм, может заставить его поедать особей одной с ним разновидности. Р. Уоллес в своем сочинении „Darwinisme“ говорит (стр. 146 и 148), что близкие между собою разновидности обитают в территориях, отдаленных друг от друга, что доказывает, что после распада на две разновидности они предпочли раз'единиться и жить в дали, чем вести между собою войну за существование.

Достаточно прочесть хоть одно сочинение по естественной истории, чтобы убедиться в том, что война между особями одной и той же разновидности—явление исключительное, между тем как ассоциация для совместной борьбы—нападения или защиты, взаимная помощь, одним словом, солидарность, являются общим правилом. Солидарность эта существует не только между особями одного вида, но даже, когда дело идет о добывании корма или защите,—между различными видами. Даже растения некоторых видов бессознательно группируются и таким образом оказывают сопротивление разрушительным силам, от которых гибнут одинокие особи.

Экономисты и прочие, так называемые, эволюционисты отлично понимают, где слабый пункт их аргументации, и поэтому пытаются об'яснить борьбу несколько иначе.

„Борьба—говорят они—не всегда ведется при помощи физической силы; между особями одного вида может вестись борьба, без того, чтобы соперники шли грудь грудью друг против друга“. Между прочим, для примера они указывают на диких лошадей в Тибете, голодающих в зимнее время, когда снега покрывают их пастбища. Из них те, которые послабее, будучи не в силах пробивать ледяную кору, препятствующую доступу к корму, погибают от голода, более же сильные выживают и плодятся.

Остановимся на одном этом примере, ибо остальные однородны с ним. Г-м экономистам мы возразим следующее: Ваш пример доказывает только то, что одни особи гибнут при тех же условиях, при которых другие выживают: но это не есть доказательство, что

оставшиеся в живых выиграли оттого, что те погибли: кроме того, гибель в данном случае произошла от естественных атмосферических явлений, а не как следствие борьбы за существование, и если бы в этом случае была больше развита взаимопомощь, то, по всей вероятности, в живых осталось бы гораздо более значительное количество.

Точно также экономисты говорят, что если бы все зародыши рождались на свет, развивались и достигали зрелого возраста, то, принимая во внимание плодовитость некоторых видов, виды эти в очень непродолжительном времени покрыли бы собою всю земную поверхность, в ущерб остальным видам, и особи одного вида были бы вынуждены поедать друг друга. „Таким образом жизнь одних особей обуславливается гибелью других. И здесь побеждают те, кто сильнее и даровитее“.

Мы согласны с тем, что действительно одни виды живут за счет других видов, и что множество особей гибнет еще в зародышах, это факты, которых никогда никто не оспаривал; мы желали бы только выяснить следующее: 1) имеет ли один человек, раз он родился на свет, право жить и развиваться в тех же условиях, как другой? 2) полезно ли для людей воевать между собою ради взаимного порабощения и эксплуатации? и 3) возможно ли полное счастье одного человека, пока рядом с ним другие люди страдают и терпят лишения?

Полагаем, что ответ готов у всякого, кто только не преклоняется перед властью и богатством: поэтому не будем здесь останавливаться на этих вопросах, тем более, что к ним вернемся в дальнейших главах этой книги.

Точно также неоспоримым фактом является и то, что человеческие общества эволюционировали в смысле развития до крайних пределов индивидуальной конкуренции, и что соединяясь в общества, люди продолжали враждовать между собою; но если изучить причины этого явления, то увидим, вопреки уверениям пристрастных ученых, что эволюция в вышеуказанном направлении вовсе не—неизбежный закон, и что она могла бы совершиться иначе; что во всяком случае, как для отдельного человека, так и для всего человеческого рода желательно, чтобы в настоящее время она проходила иначе.

Если бы та тесная солидарность, которая наблюдается у некоторых видов растений, у некоторых животных и насекомых, как то муравьев, пчел, ос и т. д., а также у некоторых некультурных народов, в свое время одержала верх в борьбе инстинктов в человеке, то эволюция приняла бы совершенно иное направление и человеческие общества были бы совершенно иными. Следовательно говорить, что «борьба за существование» есть неизбежный закон—является абсурдом.

Человек, выйдя из состояния животного нагим и безоружным, окруженный со всех сторон сильно вооруженными врагами, должен был нести огромные трудности ради того, чтобы отстоять свое существование; он должен был напрягать свой мозг на придумывание всевоз-

можных ухищрений и изворотов, пока наконец, его интеллект не развился настолько, что заменил собою мускульную силу, в которой ему отказала природа: человек начал выделять наступательное и оборонительное оружие.

Жизнь первобытного человека, полная лишений и трудов, непрерывная борьба его с природой и другими видами, лучше, чем он, вооруженным, у которых он вынужден был оспаривать корм и права на существование, способствовали тому, что в нем накопилась некоторая доза наследственных инстинктов воинственности и властолюбия. Этим объясняется, почему при первых же опытах солидаризации сил и интересов, несмотря на то, что люди понимали полезность ассоциаций, тем не менее те из них, которые были сильнее и хитрее, воспользовались ассоциациями, чтобы господствовать над другими и пристроиться паразитами на новообразовавшемся организме: обществе.

Но неужели так должно продолжаться и в настоящее время, когда человек сознает, сравнивает и мыслит; когда он обладает превосходно развитой речью и письменностью, посредством которых передает потомству свои звания и открытия; когда его мозг приспособлен к абстрактнейшему мышлению; увы! часто черезчур абстрактному!

Очевидно, нет. Человек должен уразуметь, что его предки, избивая, грабя, эксплуатируя друг друга, шли неверным путем, и должен возвратиться к той солидарности, задатки которой уцелели в нем, несмотря на тысячелетия непрерывной войны.

Враждебных элементов достаточно находится в самой природе, и на борьбу с ними еле хватит соединенных сил всего человечества. Таким образом, когда буржуа заговорят о прогрессе, о правах общества и проч. и проч., мы можем на основании аргументов самих же буржуазных ученых, — посмеяться над ними и в ответ указать им на права личности, которой нет дела до прогресса, раз она должна будет продолжать быть жертвой его.

Дальше мы увидим, что общество, в котором человек имел бы возможность удовлетворять полностью все свои потребности, такое общество отнюдь не задержит прогресса, а наоборот поможет ему, ибо человеку свойственно создавать себе все новые потребности, по мере того, как ему облегчается возможность удовлетворения его прихотей. Пока докажем только, что в современном обществе богатства и наслаждения достаются вовсе не тем, кто интеллигентнее, сильнее и способнее и может споспешествовать улучшению человеческого рода, а напротив выпадает на долю людей, процветание которых влечет за собою вырождение не только общественного класса, к которому они принадлежат, но и всего человечества.

В течении своей борьбы с дворянством за равноправность буржуазия развила в себе некоторые положительные качества, благодаря которым она достигла цели и добилась столь желанной власти; но затем с нею произошло то, что происходит в мире животных со всеми

чужеродными организмами, а в частности с одним видом ракообразных, о которых Геккель упоминает в своей „Истории мизродвипя“: ракообразные эти в первоначальной стадии развития обладают более сложной организацией, чем взрослые особи; взрослый экземпляр, поместившись на спине моллюска, теряет способность передвижения, и в нем продолжают развиваться только одни щупальцы, которыми он обхватывает и присасывается к эксплуатируемому им организму: быв раньше животным деятельным, подвижным, воинственным, он теперь превращается в простой пищеварительный аппарат. Таково современное состояние буржуазии, по крайней мере, рассматриваемой как общественный класс.

В современном обществе силу представляют не физические, не нравственные и умственные качества человека, а только деньги. Можно быть золотушным, рахитиком, слабоумным, уродом в физическом и нравственном отношении, но, если есть деньги и связи в высших сферах, то можно добиться всего; при таких условиях человек может быть уверен, что найдет жену, от которой продолжится его род.

Что касается пролетария, то еслибы он родился с очень выдающимися способностями, они ему бесполезны, потому, что у его родителей нет средств дать ему образование, необходимое для развития его интеллекта; даже если ему удастся получить образование, то и тогда природные дарования не принесут ему пользы, ибо у него нет ресурсов применить их к жизни. Он осужден довольствоваться зависимым положением у какого-нибудь эксплуататора, который ниже его во всех отношениях, но обладает именно тем, чего недостает у пролетария: капиталом.

Будь он богатырь в физическом отношении, непомерный труд, лишения и нужда состареют его прежде времени, и, если случайно найдется несчастная женщина, которая согласится связать свою судьбу с его, то потомство получится малокровное и чахлое, ибо непосильный труд и физическая истощенность жены и мужа не могут не повлечь за собою вырождения детей. Вынуждаемая заботами о семействе, женщина три четверти своего времени отдает труду и, еле держась на ногах, работает на фабрике, или в мастерской до последнего момента, пока предродовые боли не свалят ее на постель: если к этому прибавить отвратительные гигиенические условия, при каких в большинстве случаев ведется труд, то получится больше, чем нужно, чтобы атрофировать семью на продолжительное время.

Конечно, я взял крайность, не все рабочие до такой степени удручены нуждой, и между человеком, в буквальном смысле умирающим от голода, и миллиардером тратящим несколько тысяч франков ради гонимости, на погребение своей собаки, есть целая промежуточная градация с бесконечным числом оттенков.

Отрицательным подспорьем является еще военная служба, благодаря которой самые здоровые и сильные субъекты обрекаются на хо-

достую жизнь, в гнилой атмосфере городской проституции, на нравственную и интеллектуальную атрофию казарменного общежития и военной дисциплины.

„Совершенно отрицательным, в сравнении с искусственным подбором индейцев и древних спартанцев является в современных государствах подбор людей, которыми пополняются постоянные армии. Этот способ подбора мы выделим в особый вид и назовем его „военным подбором“. К сожалению, в настоящее время, больше, чем когда либо, милитаризм играет главную роль в том, что называется цивилизацией. Цвет и богатства сил цивилизованных государств расточаются на то, чтобы довести милитаризм до высшей степени совершенства. Напротив, воспитание молодежи и народное просвещение, т. е. самые прочные устои истинного процветания государств, находятся в достойном сожаления пренебрежении. И это делается у народов, претендующих быть лучшими представителями самой высокой культуры и считающими, что они стоят во главе цивилизации!“

„Известно, что для увеличения наличного состава постоянных армий рекрутским набором выбираются самые здоровые и сильные молодые люди. Чем сильнее и нормальнее молодой человек, тем больше шансов, что он погибнет от пули скорострельного ружья, снаряда нарезной пушки, либо какого нибудь другого цивилизаторского оружия в том же роде. Наоборот, малосильные, страдающие какими-либо телесными недостатками молодые люди забраковываются рекрутским набором, остаются во время войны дома, женятся и производят потомство. Чем слабее, малокровнее и болезненнее молодой человек, тем больше у него шансов избежать военной службы и обзавестись семьей. В то время, как цвет молодежи проливает кровь на поле битвы, забракованные заморыши женятся, размножаются и передают свои болезни и телесные недостатки детям.“

„В силу законов наследственности последствием такого рода подбора является то, что физические, а вместе с ними и умственные недостатки не только распространяются, но и принимают все более острые формы; этим же искусственным подбором, в соединении со многими другими причинами объясняется и тот прискорбный факт, что в современных цивилизованных обществах телесная и умственная ослабленность прогрессирует, и все реже встречается сильный и независимый ум в здоровом и сильном теле.“

„Если бы кто-либо отважился выступить с предложением, чтобы по примеру индейцев и древних спартанцев, все дети слабые и болезненные, умерщвлялись тотчас после рождения, наше якобы гуманное общество подняло бы общий крик негодования; между тем это же самое гуманное общество находит в порядке вещей и молчит, когда сотни и тысячи молодых жизнерадостных людей, лучших представителей поколения, гибнет на войне. И спрашивается, ради чего приносятся в жертву этот цвет народонаселения?“

„Ради чьих-то выгод, не имеющих ничего общего с интересами цивилизации? Ради династических интересов, чуждых для тех народов, которых заставляют беспощадно пестрелять друг друга!“

„Так как цивилизация прогрессирует в смысле непрерывного увеличения состава постоянных армий, то конца войнам не предвидится; напротив, они должны стать все более и более часты.“*

„Отмену смертной казни „гуманное цивилизованное общество“ называет „либеральной мерой“! (Геккель, История естественного мироздания).

„Во всех странах, где существуют постоянные армии, рекрутский набор отнимает у общества самых красивых молодых людей; они или преждевременно умирают во время войны или, что часто бывает, приучаются к порочной жизни, и во всяком случае лишены возможности рано жениться; молодые же люди слабые, малорослые, плохо развитые физически остаются дома и имеют возможность жениться и оставить после себя потомство“. (Дарвин, Потомство человека).

Пролетариат, устоявший в течении сотни веков против всех вышеупомянутых факторов ведущих к вырождению, и продолжающий выдвигать из своих рядов людей сильных телом и душою, доказал свое нп с чем несравнимую жизненность, и буржуазия, успевшая в столь короткий промежуток времени совершенно выродиться, не имеет права заявлять, что лучшие и даровитейшие индивидуумы происходят от нея. Факты доказывают, что это не верно, и что она ниже того, чем могла бы быть, благодаря занимаемому ею положению в человеческом обществе.

Из сказанного выше мы видим, что свободная „борьба за существование“, на которую ссылается буржуазия—только фиктивно свободна и смело может быть сравнена с примерными сражениями, какие когда-то устраивались во время кровавых оргий римскими аристократами, где против вооруженных с ног до головы рыцарей выгонялись несчастные рабы, совершенно нагие, с жестаными мечами в руках. И когда представители буржуазии нам говорят, что жизнь—беспрерывная борьба, что слабые обречены на гибель и должны очистить место сильным, мы вправе им ответить: мы согласны с вами; вы говорите, что побеждают сильные и лучше организованные? Хорошо, пусть будет по вашему! На основании ваших теорий, победа принадлежит нам, рабочим!

Ибо вашу силу составляет тот почтительный трепет перед вашими привилегиями, который вы сумели нам внушить; ваше могущество покоится на учреждениях, воздвигнутых вами, как средостение, между вами и народом, которого вы собственными силами не могли бы защитить; ваше превосходство основано на том непонимании наших интересов, в котором вы держали нас до сих пор; наконец, ваша даровитость заключается в той ловкости, с которой вы умели заставить нас быть защитниками ваших привилегий, назвав их: отечеством! нравственностью! собственностью! обществом! и т. д.

Теперь мы прозрели и поняли, наконец, что ваши интересы прямо противоположны нашим; что ваши учреждения вместо того, чтобы защищать нас, все глубже и глубже низвергают нас в нищету, и поэтому мы вам говорим:

Долой предрассудки! Прочь бессмысленное преклонение перед устаревшими учреждениями! Долой фальшивую нравственность! Мы сильнее и способнее вас, потому, что столько веков боремся с голодом и нуждой, работая до изнеможения, при невозможных гигиенических условиях и в явно болезнетворной обстановке, и несмотря на все это, мы живы еще и работоспособны! Мы даровитее вас, ибо нашим трудом держится ваш общественный строй.

Победить должны мы, потому что лучше приспособлены, чем вы: вы могли бы в любой момент исчезнуть с лица земли, и это не помешает нам производить и послужит только на пользу нам; но если бы мы отказались работать для вас, вы не сумели бы сами приняться ни за какой производительный труд!

Победа должна быть наша уже потому, что нас больше, а этого, как вы сами говорите, достаточно, чтобы узаконить все смелые замыслы, оправдать все честолюбивые стремления, и заставить простить все содеянные несправедливости! В день роковой битвы мы будем в праве применить к вам смертный приговор, произнесенный вами же самими, и устранить вас из общества, на организме которого вы лишь паразиты и тлетворные микробы!

Вы сами сказали: Победа принадлежит сильнейшим.

ГЛАВА III.

Борьба с природой и взаимопомощь.

Как мы видели выше, не нужно далеко искать аргументов в пользу права на восстание, а достаточно воспользоваться теми, которыми официальные буржуазные ученые защищают привилегии эксплуататоров. Нет ничего легче, как подкопать устой современного социального строя при помощи теорий, которыми буржуазия пытается их укрепить.

Но наши взгляды шире и понимание социальных отношений — яснее. Мы знаем, что даже среди роскоши человек не может быть счастливым, если вынужден защищать занятую им позицию от требований голодающих масс; что как-бы несознателен ни был кто-либо из привилегированных, он чувствует иногда угрызения совести при мысли, что его богатство — продукт нищеты сотен несчастных людей; знаем, что насилие не решает вопроса, и намерены доказать справедливость наших теорий посредством положительных и рациональных аргументов, а не путем неверного толкования естественных законов.

Поэтому мы не смотрим на человеческое общество, как на поле битвы, где победа достается тем, у кого большие аппетиты, а полагаем, что все усилия человека должны быть направлены единственно против природы, в которой он встретит не мало трудностей, препятствий, упрямого нежелания производить то, что ему нужно для жизни; не мало тайн, еще не раскрытых; и в борьбе с нею найдут себе достаточно применения его воинственные инстинкты. Борьба эта будет так продолжительна и упорна, что для успешного ведения ее понадобятся соединенные усилия всего человечества и все количество труда, накопленное рядом поколений; зато она будет для человечества несравненно плодотворнее, чем все кровавые междоусобные войны.

Так много сил истрачено; столько жизней загублено в борьбе за существование и той бессмысленной борьбой, которая ведется в обществах и называется национальным антагонизмом! Сколько интеллектуальных дарований погибло, которые при других условиях работали бы производительно на пользу эволюции человечества!

Экономисты говорят, что каждый человек представляет из себя капитал, и вместе с тем ищут оправдания для порядка вещей, вслед-

ствие которого, — они вынуждены сознаться в этом — тысячи несчастных гибнут, прежде чем отдадут обществу половину, четверть и часто даже меньше того, что могли бы дать. Какая нелогичность!

А что сказать о тех, которые тупеют умственно и нравственно в военных лагерях и казармах? Разве не выгоднее было бы для человечества использовать их силы на работы по оздоровлению местностей или разработке земель под пашни, или какие-либо другие общепользные работы, как-то: проведение дорог, каналов и туннелей, устройство плотин, дренажные и ирригационные работы, лесонасаждение и т. д., вместо того, чтобы заставлять их делать: „ружье вольно!“ и „на караул!“, или стоять на часах у стены, мимо которой никто не пройдет, или у ворот, чтобы не пускать на двор собак? Когда, наконец, поймут люди, что для человечества полезнее, чтобы силы расходовались на какую-либо производительную работу, чем на выделку смертоносных орудий, и что всякий организм, терпящий на себе паразитов, гибнет сам и влечет с собою в погибель и самых паразитов, так как они совершенно лишены способности приспособляться к условиям новой жизни?

Если бы все силы, расходуемые на производство оружия, разрывных снарядов, всего этого военного материала, предназначенного единственно для разрушения, были употреблены на производство машин и усовершенствованных орудий производства, то доля усилий, вносимых каждым индивидуумом в общую кооперацию производства, уменьшилась бы до крайнего предела, и каждому потребовалось бы минимальное время, чтобы произвести все необходимое к удовлетворению его потребностей, и тогда не нужно было бы прибегать к общественному принуждению, которое экономисты считают полезным, чтобы обеспечить существование всех.

Если бы все способности изобретателей, направленные к изобретению брони и блиндажей, от тяжести которых корабли не могут двигаться на море, и которые завтра же сделаются ненужными, вследствие новозобретенной пушки или торпеды, если бы все их вычисления и формулы, применялись к изысканию средств увеличить производительные силы человека и к изобретению новых орудий производства, разве это не было бы лучше, чем расходовать все эти данные на поистине труд Пенелопы, в котором то, что сделано сегодня, должно будет завтра быть переделанным заново? Сколько проектов, кажущихся нам теперь фантастичными, могли бы тогда быть осуществлены?

Так как всякий изобретатель обладает неисощимой энергией в области экспериментов и вычислений, то в будущем обществе, в котором надобность держать постоянные армии исчезнет, энергия эта будет по необходимости обращена на открытие новых полезных сил, сами же открытия сделаются общественным достоянием, ибо, за отсутствием спекуляторов, некому будет приобретать их в собствен-

ность и превращать в орудия эксплуатации, в пользу меньшинства и во вред большинству, как это происходит в современном обществе, в котором самые полезные открытия рабочему классу приносят только лишний труд и увеличивают его нищету, удесатеряя в то же время капиталы эксплуататоров.

И, наконец, какая польза в том, что целая нация, целые расы и отдельные люди взаимно истребляют друг друга? Земля наша достаточно обширна и может прокормить всех и удовлетворить потребности всех. Буржуа отрицают это, но их отрицанию нельзя придавать никакого значения.

„Жизненных припасов нет в достаточном количестве, чтобы каждому хватало на его потребности“,—говорят буржуазные экономисты, и в доказательство эти близорукие ученые приводят в своих книгах, неизвестно на чем основанные вычисления, из которых, якобы, следует, что предметы потребления количественно возрастают в арифметической прогрессии—2, 4, 6, 8 и т. д., тогда как народонаселение увеличивается в геометрической прогрессии—2, 4, 8, 16 и т. д.

Никакими цифрами нельзя доказать этого. Самая добросовестные статистические данные оставляют так много сторон невыясненными, что совершенно невозможно строить на них что-либо положительное, в особенности, когда дело идет о производстве, и при использовании этих данных повторяется обыкновенное явление, а именно: всякий видит в них то, что ему хочется видеть. И, несмотря на все это, не только ничто не доказывает верность выводов экономистов, но и сами цифры не подкрепляются никакими документальными данными.

Но, когда с особенным ударением произносят: „прогрессия арифметическая“, „прогрессия геометрическая“ и прибавляют к этому две три алгебраические формулы, которые не всякому известны,—то выводы эти получают чопорный псевдоученый вид, достаточно убедительный, чтобы зажать рот профану и заставить его поверить, что доказательство заключается именно в той формуле, которую он не понимает.

И экономисты торжествуют и доказывают, что если бы дела на земле продолжались в том же порядке, то пищевые продукты в концеконцов совершенно истощились бы, и люди были бы вынуждены возвратиться к первобытной антропофагии.

К счастью,—говорят они—этому препятствует социальная организация с ее спутниками: войнами и болезнями, проистекающими от излишеств или лишений всякого рода; она распределяет пищевые продукты между людьми, уничтожает лишние рты, и таким образом не допускает, чтобы люди поедали друг друга... заставляя их умирать от нищеты и голода!

Все их вычисления и доводы лживы, ибо—оставляя в стороне необработанные пространства на земном шаре, которые могут быть превращены в плодородные нивы—доказано, что несмотря на крайнюю

парцелляцию земельной собственности, не допускающую рационального применения интенсивной культуры, вследствие чего земля родит меньше, чем она могла бы, — вздорожание хлебов вызывается в гораздо большей степени спекуляцией и ажиотажем, чем недородом.

Не только у диких народов, но и в цивилизованных странах много земли пропадает за отсутствием культуры; так, напр., Шотландия в скором времени вся заростет лесами и превратится в охотничий участок. Вся Ирландия превратилась в пастбище для овец, тогда как в Австралии избыток их, и от них пользуются только шерстью. В Южной Америке пасутся бесчисленные стада дикого рогатого скота, который потребляется только из-за шкур; мясо же пропадает, не за неимением рынка, — ибо в Европе ощущается недостаток мяса, — а потому, что импорт его понизил бы цены на местное мясо, чем причинил бы ущерб группе скотопромышленников и ажпотаторов, и те, отставив свои интересы во вред общественным, и, пользуясь своим богатством, умеют через своих креатур в законодательных сферах добиться так называемых „покровительственных“ законов.

Точно также высокие цены на хлеб объясняются не недостатком его. Южная Россия и Америка с ее необъятными равнинами, где громадные пространства земли распаханы вдоль и поперек посредством паровых плугов, где все земледельческое хозяйство с начала до конца производится при помощи усовершенствованных орудий, давно бы разорили французское земледелие, если бы и здесь не помогли „покровительственные законы“, благодаря которым мы платим за хлеб больше, чем следует.

Будучи лишены возможности производить хлеб так дешево, как в России и Америке, французский земледelec должен был бы приняться за усовершенствование своих орудий и способов производства или обратиться к производству каких-либо других продуктов. Это было бы уж слишком просто... Кроме того, и здесь понадобилось «покровительство» неким крупным интересам! А расплачивается за все бедняк.

Далее, естественная история учит, что плодовитость видов обратно пропорциональна степени их развития; т.-е. чем ниже какой-либо вид стоит на социальной лестнице, тем больше он плодится, ради заполнения пустых пространств, причиняемых войною с видами, выше его стоящими.

Чем многочисленнее причины уничтожения вида, тем интенсивнее плодовитость его. Так напр., в некоторых видах растений, один стебель приносит в год тысячи и сотни тысяч зерен; из рыб такой же плодовитостью отличаются сельди, треска и др.; плодовитость кроликов и голубей вошла в пословицу.

Среди млекопитающих высшего разряда, к которым принадлежит и человек, плодовитость уже значительно меньше, но человек, сумевший приручить самые полезные виды из них, нашел также сред-

ство управлять их плодovitостью на пользу себе, равно как и плодovitостью тех растений, которые служат ему и им в пищу.

Что касается диких животных, которых нельзя было приручить то, если бы люди солидаризировали свои силы, вместо того, чтобы тратить их на взаимное истребление, они сумели бы и этим животным создать условия существования, которые бы способствовали рациональному их развитию и согласовались бы с интересами всего человечества.

Может быть, земля действительно производит недостаточно, чтобы обеспечить пропитание всего человечества,—против такого вывода можно спорить, но я допускаю верность его, ибо это несколько не вредит дальнейшей аргументации,—во всяком случае она в состоянии производить гораздо больше, чем мы можем потребить; для этого нужно только организовать общество так, чтобы благосостояние одних не порождало нищеты других; нужно создать такой общественный строй, в котором отдельные индивидуумы были бы заинтересованы помогать взаимно друг другу.

Мы видели выше, что взаимопомощь является одним из естественных законов, управляющих эволюцией видов: так как книга эта не касается области естествознания ни антропологии, то я не стану цитировать факты в доказательство этого положения, а отсылаю читателя к статьям моего друга Кропоткина, напечатанным в „Société Nouvelle“ и перепечатанным в „Suppléments de la Revolté“ и к брошюре Ланессана „L'Association dans la lutte“. Мы будем считать закон солидарности неоспоримым и ограничимся тем, что укажем, какие были бы достигнуты результаты, еслибы этот закон применялся во всем его объеме в области социальных и индивидуальных отношений.

Есть еще одна книга, которую следовало бы прочитать, чтобы лучше уразуметь непродуманные траты, истекающие от плохой социальной организации. Эта книга г. Новикова: „Les gaspillages dans les sociétés modernes“. Автор становится в ней на точку зрения экономистов и капиталистов; приводимые им цифры более или менее фантастичны, но как бы там ни было, книга заслуживает внимания, равно как и выводы, к которым пришел автор.

Индивидуальный антагонизм, закон „всякий для себя“, господствующий в современном капиталистическом обществе, совершенно извратили понятие об истинном богатстве. Богатство, в настоящем значении этого слова, если верить некоторым экономистам, состоит в приспособлении земного шара к потребностям людей. Между тем, вместо того, чтобы стремиться к приспособлению земного шара, каждый человек всегда старался присвоить чужой труд и получить себе временную выгоду, не обращая внимания на вред, наносимый этим общественному богатству.

Примером такого индивидуального присвоения и его последствий может служить следующее: отдельные люди нашли для себя выгодным

вырубать леса на вершинах гор, и получили таким образом временно верную прибыль, но так как никто не был непосредственно заинтересован в сохранении этих лесов и не позаботился о посадке новых на место вырубленных, то горные вершины обезлесились, и почва, не будучи укреплена корнями деревьев от влияния дождей и других причин, сползла вниз к подножию гор, и горы стали разрушаться без какой-либо пользы для долины.

Затем, так как дождевая вода не всасывается более корнями лесов, то вместо того, чтобы как прежде постепенно стекать в долины, и регулировать количество воды в реках, она стала извергаться вниз потоками, производящими иногда в долинах разрушительные наводнения; между тем как в сухое время реки стали сильно мелесть.

Отсюда в стране произошла и перемена климата. Ветры не задерживаются более лесами, и несомые ветрами дождевые тучи не изливаются над ними. В такой-то местности, климат, прежде умеренный, стал холодным или жарким, в зависимости от географической широты, или вследствие засух, или от недостатка прохлады, навевавшейся прежде горными лесами.

Некоторые местности в Испании, в настоящее время представляя из себя пустыни, тогда как во времена мавров они были превосходно возделаны; ибо изгнание мавров повлекло за собою гибель превосходной системы орошения, которую они ввели и поддерживали. То же замечается и в Египте; с исчезновением цивилизации времен пирамид, песчаная пустыня захватывает там все больше и больше обработанной земли. Точно так некоторые части древней Халдеи, Ассирии и Месопотамии, когда то плодородные и цветущие, ныне превратились в песчаные пустыни.

Таковы результаты войн между отдельными индивидуумами и целыми обществами. Здесь-то открывается обширное поприще для солидарности, во имя приобретения для культуры этих потерянных ею пространств, и, если правда, что борьба полезна человеку, то на такую только борьбу должны быть расходуемы его силы.

И это еще не все; есть громадные пространства, покрытые болотами и дюнами, где летучие пески засыпают города и почвы, расположенные у морского берега; есть берега, которые нужно защитить от вторжения моря.

Некоторые работы, обещающие дать верную прибыль, в настоящее время уже производятся; за то много есть таких, которые никогда не будут предприниматься капиталистическим обществом, потому что не сулят немедленных барышей.

Так, напр., говорят об осушке Зундерзея с целью отвоевать обратно у моря землю, захваченную им несколько веков тому назад; но когда примутся серьезно за работы неизвестно. И сколько предстоит еще иных, подобных этой, работ, которые дали бы многочис-

ленным поколениям людей возможность применить свои воинственные наклонности на пользу и благо всего человечества.

В дальнейшем я докажу, что в будущем обществѣ трата сил будет представляться человеку не мучением, как теперь, а гимнастикой, необходимой для его жизнеспособности. Время и усилия не будут приниматься в расчет, ибо мотивы человеческой деятельности переродятся под влиянием среды.

В Европе имеются огромные пространства непроизводительной земли вследствие сухости почвы, и рядом с ними реки вливают в море миллионы кубических метров воды и вместе с нею уносятся весь аллювиальный чернозем, который смывается ею на всем протяжении рек и загромождают устья, затрудняя навигацию. Достаточно было бы хорошо сконструированной системы каналов, чтобы перехватывать на пути этот плодородный чернозем, пропадающий без всякой пользы и посредством него обратить в пашни бесплодные равнины.

И так стоит только упомянуть работы, предстоящие будущим поколениям ради превращения земного шара в пригодный для обитания на всей его поверхности, чтобы понять, что недостаток жизненных припасов, о котором нам прожужжали уши экономисты, вместо того чтобы оправдать существование капиталистического строя, является формальным доказательством его непригодности, ибо плохая его организация принуждает миллионы людей работать в отрицательном направлении, в то время, как человеческая деятельность требует так много дел положительных.

Нужно только, чтобы люди согласились между собою и договорились, и тогда они в самом труде найдут вознаграждение за истраченные силы; нужно, чтобы „борьбу“ заменил „договор“, и человечество избежит нищеты, которую считают неизбежной, и которая есть не что иное, как плод хищности одних, и глупости тех, кто терпеливо ее переносят.

Чтобы закончить с вышеизложенным, послушаем одного писателя, которого нельзя заподозрить в революционности и пристрастных тенденциях. Искренно увлеченный истиной, он провозглашает ее вдохновенными словами, может быть слишком проникнутыми сентиментализмом, но сентиментализм в сущности хорош, если не удаляется от правды и логики:

„В настоящее время человек сильный, богатый, ученый властвует почти неограниченно над слабым, неученым и вообще человеком низшего класса и находит совершенно естественной возможность эксплуатировать чужие силы на свою личную пользу. Все общество неизбежно страдает от такого порядка вещей; людям следует уразуметь, что им необходимо всем соединить свои усилия, в видах взаимной поддержки, и направить их к одной цели, а именно стремиться освободить себя от *ига сил природы*, вместо того, чтобы расходовать жизненную энергию на взаимное уничтожение и эксплуатацию. Соперни-

чество само по себе полезно и должно существовать, но оно должно сбросить с себя отживший и грубый облик всеуничтожающей борьбы за право на существование и принять облагороженную форму конкуренции, имеющей в виду благо человечества; другими словами, на место *борьбы за личную жизнь* должна стать *борьба за жизнь вообще*; на место всемирной ненависти—всемирная любовь. По мере того, как человек прогрессирует на этом пути, он удаляется от первобытного звереподобного состояния, освобождается от подчиненности силам природы и ее неумолимым законам и приближается к идеалу человека! На этом же пути он обретет тот рай, фантастический образ которого рисовался воображению всех, даже самых древних народов; рай, которого человек лишился вследствие грехопадения, как говорит легенда, с той разницей, что будущий рай не плод фантазии, а реальность; что он обретается не в начале, а в исходе эволюции человечества и что он не награда, даруемая богом, а результат труда, победная добыча человека и человечества“. (Бюхнер, *L'homme selon la science*, стр. 210 и 211). От себя прибавим:

Рай, в который рабочему классу не суждено войти, пока он не сознает, что его хозяева не отворят ему его врат, и в котором рабочим позволено будет жить только тогда, когда у них найдется энергия захотеть завоевать его себе, отстранив прочь тех, кто загроживает вход.

ГЛАВА IV

Революция и интернациональность.

В дальнейшем ходе этого труда я постараюсь развить намеченную мною выше аргументацию, но чтобы не отвлечься в сторону, я должен теперь вернуться к своему исследованию о революции, и здесь-то прежде всего приходится иметь дело с самым солидным возражением сторонников власти: социалистов и буржуазии; а именно, что для общества нецентрализованного, нерасполагающего постоянной армией, не имеющего во главе провиденциальных людей, которые бы думали и действовали за всех, для такого общества невозможно будет удержаться среди окружающих его народов, в случае, если таковые останутся при капиталистическом строе. При этом теоретики буржуазии советуют продолжать давать себя эксплуатировать в ожидании, что капиталисты станут менее алчными. Социалисты советуют нам избавиться от современных хозяев и вручить власть им, социалистам, и обещают сфабриковать для нас за свой страх и риск, весьма дешево стоющее благополучие, которое наши неуживчивые соседи не преминут уважать.

Нет ни малейшего сомнения в том, что буде революция локализуется в одной народности, то окружающие ее плутократические государства не замедлят об'явить ей войну, быть может, даже не соблюдая формальностей об'явления войны, какие приняты между бонтонными противниками, которые обмениваются комплиментами в то время, как другие сражаются за них, и иногда доводят любезность до того, что продают друг другу смертоносные орудия, сработанные теми, кто должен испытать на себе же их действие.

Революция 89-го года, бывшая делом эмансипации одного только сословия, доказала, что дворянство, духовенство и монархия, господствовавшие во всей остальной Европе, обнаружили свою солидарность с дворянством, духовенством и монархией Франции, и мы знаем, какую сильную коалицию они создали против нарождающейся республики, и что не их была вина, если последняя не была уничтожена в самом начале своей жизни.

Плутократия столь же хищная, если не больше, поступила бы одинаково, если бы почувствовала, что ей грозит опасность. Не может

быть сомнения, что смежные буржуазные государства не потерпят у себя под боком центра новых идей, которыми могли бы заразиться и их подданные. Мы знаем, на что способна буржуазия, когда грозит опасность ее материальным интересам. Она не замедлит огнем и мечом покарать дерзновенный народ, осмелившийся не хотеть дольше корчить на свой счет своих эксплуататоров.

Зато революция 89-го года показала нам также, на что способен народ, защищающий свою свободу; люди становятся непобедимыми, когда они сражаются за свою независимость и имеют противниками лишь бездействующих автоматов, а сознание, что борьба идет за свой семейный очаг, за свою свободу, стоит больше, чем многочисленные батальоны солдат.

Сторонники власти могут возразить нам, что в республике 89-го года мы видим сильно централизованную нацию, сумевшую отстоять свое единство даже от внутренних врагов, и что именно потому то они и требуют централистической организации, которая дала бы возможность защищаться против попыток переворота, как исходящих из внутри страны, так и угрожающих из-вне.

Прежде чем согласиться с этим, следовало бы внимательно изучить философию истории той эпохи, и затем задаться вопросом: не подчинялись ли иногда, против воли, давлению безымянной толпы некоторые тогдашние люди, кажушиеся нам теперь самыми ярыми сторонниками централистической власти? Не началось ли падение республики, окончившееся гибелью ее от руки грубого насильника, в тот именно момент, когда личная инициатива оказалась совершенно подавленной, и толпа окончательно обессилена?

В сущности тот или другой ответ на эти вопросы несколько не повлияет на нашу аргументацию. Как бы велика ни была энергия людей, стоявших тогда у власти, как бы велика ни была их умелость в ведении дел, они бы мало значили, еслибы эти люди не имели себе поддержки в тех, кто остался безымянным; кто неоднократно умел принудить их принимать те или другие меры к общественной безопасности, и вместе с тем умел проводить эти меры в исполнение, собственной инициативой, не ожидая согласия главарей.

Государственные тюрьмы были разрушены; произвол, цепи связывавшие индивидуальность во всех ее проявлениях—уничтожены; имения дворянства и клира конфискованы, ибо должны были быть возвращены нации; всего этого, в соединении с убеждением, что наконец засветит для всех самая неограниченная свобода, было более, чем достаточно, чтобы воспламенить и сделать непобедимыми людей, которые еще накануне даже своего тела не могли считать полной собственностью.

А между тем всего этого не было бы достаточно, если бы этим людям не пришлось иметь дело с армиями наемников, сражавшихся без их энтузиазма, и способных противопоставить пламенному натиску противников лишь слепое повиновение военной дисциплине.

Но и этого, вероятно, не было бы достаточно, если бы люди, борющиеся за свободу, не нашли себе симпатий у наций, правительства которых вели с ними войну; симпатии эти были на их стороне и парализовали враждебные им силы. Врагами новых идей были привилегированные всех стран; за то симпатизировали им все обездоленные, ожидавшие освобождения и требовавшие его от новых людей, которые явились как бы для их спасения. В этом-то и заключается секрет успеха великой революции, и все наши надежды и усилия должны быть направлены в эту сторону.

Революция не может быть делом одной нации, и не должна локализоваться в одном месте. Чтобы победить, она должна быть интернациональной. Рабочие одной страны могут освободиться от своих эксплуататоров только при том условии, что их братья из смежных стран произведут у себя такую же оздоровительную операцию; они должны наконец забыть бессмысленную рознь, в которой их воспитали, и вычеркнуть фиктивные, существующие фактически лишь на бумаге, демаркационные черты, которыми постарались изолировать их друг от друга.

Революция должна быть интернациональной; пусть это помнят те, кто мечтает о переформировании собственности. Каково ни будет будущее общество: мирное или воинствующее; будет ли оно организовано в духе власти, или в духе свободы, оно немедленно подвергнется нападению со стороны окружающих плутократий, если только новый порядок вещей действительно нарушит интересы буржуазии.

В настоящее время вошло в моду называть себя интернационалистом. Так называют себя социалисты; экономисты тоже, а также и многие буржуа... „Да здравствует интернационал, сударь!“

„Все народы нам
Братья, братья, братья“.

говорится в одной песенке. Да, народы нам братья, но если поскрести всех этих интернационалистов, в том числе и многих социалистов, то скоро в каждом найдешь шовиниста, интернационализм которого весьма охотно примирится с каким-нибудь завоеванием. О, конечно, что бы сделать покоренных счастливыми! Они ведь нам братья!

Такой интернационализм—только пародия. Другие народы стдят столько, сколько мы стдим, и мы также не способны дать им счастье, как они не способны дать его нам, ибо, вообще, ни один человек не может сделать счастливым другого, помимо его воли. Мы можем подать друг другу руки, чтобы сообща освободиться от тех, кто нам делает зло; мы должны себя считать равными и обязанными, когда представится случай оказать взаимную услугу. В этом и состоит интернационализм, и не нужно доверять тому показному интернационализму, который правым глазом посылает любовные взгляды нашим

братьям по ту сторону границы, а левым хитро подмигивает „нашей браво́й национальной армии“.

Французы, немцы, италиянцы, англичане или русские,—все мы безразлично страдаем от эксплуатации, на один и тот же лад. На нас кишит паразитное меньшинство и ведет нас, куда хочет. Как осел в басне Лафонтена, мы должны уразуметь, что „наш враг это наш хозяин“, и тогда не будет больше национальной розни. Во Франции, как в Германии, в Англии, или Италии, эксплуататору нет дела до национальности того, кого он стрижет, и если он отдает кому-либо предпочтение, то тому, кто покорнее других позволяет себя стричь. Таким образом, человечество делится только на два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых. Это должны помнить обиженные всех стран.

Впрочем, и здесь ход событий является лучшим воспитателем отдельных индивидуумов, ибо приучает их приспособляться к обстоятельствам, из него вытекающим, и время в конце концов заставит отдельных личностей считать своим единственным отечеством вселенную.

Если интернационализм еще не привился людям в интеллектуальном отношении, то фактически он господствует повсюду; в наше время все—международно, и нет такой нации, которая могла бы изолироваться и замкнуться в себе самой. Как ни велика энергия наших „покровителей“, они не в состоянии довести свое „покровительство“ до желательного для них предела, ибо вынуждены считаться с взаимным обменом некоторыми международными услугами.

Телеграф, почты, железные дороги—международны; торговые сношения до того связали друг с другом разные народы, что некоторые торговые фирмы как-бы стоят вне всякой национальности; то же можно сказать о некоторых банкирских домах и маталлургических заводах.

Производство оружия, долженствовавшее бы, с точки зрения патриотизма, быть отраслью промышленности исключительно националистической,—космополитичнее всех других: французские фирмы снабжают пушками и снарядами такие нации, которые в любой момент могут быть призваны употребить их против Франции; также делают английские, германские и италиянские фирмы. Некоторые из наших депутатов стоят во главе таких фирм, и это кажется до того естественным, что не вызывает удивления ни в ком.

Международные конгрессы организуются ежедневно, по всем отраслям человеческой деятельности, так как ни одна из них не в состоянии функционировать изолированно, у себя дома; этим великим движением захватываются и личные сношения между индивидуумами и не могут не выходить за пределы границ отдельных народностей.

Сам прогресс—интернационален и может совершаться одновременно по сю и по ту сторону границы любого данного государства. Идея, блеснув в одном пункте земли, в тот же момент вызывает

отблеск в другом пункте, за тысячи верст, и может в несколько часов осветить собою весь земной шар. Высказанная кем-либо истина всегда тотчас же находит нескольких человек, претендующих на ее открытие, и доставляющих даже доказательства своих прав на нее, что, говоря между прочим, доказывает, что всякое открытие—дело не одного человека, а целого людского поколения. Таким образом и революция, если она будет истинно социальной, вспыхнув в одном месте, найдет себе отзвук в сердцах всех наций, и это обеспечит ее успех.

Если бы нам не была столь хорошо знакома самоуверенность сторонников власти, мы удивлялись бы их претензии обеспечить успех революции путем установления „твердой власти“.

Пусть бы „твердая власть“ попробовала затронуть буржуазные привилегии, и немедленно, как бы ни велики были ее средства и силы, против нее поднимется могущественная коалиция и окружит ее лесом штыков; коалиция, во сто-крат более свирепая, чем монархическая коалиция 89-го года.

Только наивные мечтатели могут верить, что достаточно с'организоваться точно так, как с'организован противник, чтобы быть в силах победить его. В этом состояла ошибка коммуны, верившей, что она может завести себе солдат таких же, какими располагало Версальское Правительство, и давать правильные сражения, и это ее погубило.

Если рабочие вздумают играть в эту игру, они в этом раскаются очень скоро. Новым идеям нужны новые пути; различным элементам нужна тактика, приспособленная к их способу мышления. Предоставим блестящие каски и стратегию тем, кто хочет играть роли Бонапартов и Веллингтонов, но воздержимся благоразумно следовать за ними. Какую бы революционеры на этих ролях ни развили энергию и деятельность, как бы великолепно ни были организованность и дисциплина их отрядов, они потерпят поражение, ибо будут сломлены численностью врагов, которых им создадут ненависть всем тем, чьим аппетитам будет угрожать опасность.

Сторонники власти возлагают надежды на то, что сумеют заставить признать себя законной властью правительствами других стран. Будучи в сущности политиками, и только политиками, они рассчитывают быть признанными за равных, путем дипломатических сношений с другими правительствами.

Новое революционное правительство только тогда будет признано, когда откажется от всякой попытки социальних реформ. Чтобы быть хорошо принятым „любезными кузенами“ по власти, оно должно будет сдерживать нетерпеливые порывы народных масс, выведших его на высоту власти, при помощи ими же данных ему сил и, в случае попыток восстания у новых союзников, не допускать эти народные силы идти на помощь восставшим.

Следовательно, только путем отречения от своих принципов народное правительство будет в состоянии приобрести авторитет у окружающих держав.

Развитие международных сношений способствует повсеместному развитию одинаковых потребностей и распространению одинаковых тенденций. Причины страданий рабочих везде одинаковы, и везде одинаковы их идеалы. Этого достаточно, чтобы революция, вспыхнув в одном месте вызвала одинаковые вспышки в ста других разных местах.

Если рабочие приучатся предварительно солидаризировать свои интересы и группировать свои силы наперекор своим хозяевам, то они сумеют поддерживать друг друга гораздо существеннее, чем это сумело бы сделать любое правительство.

Восстание или попытки к восстанию заставят каждое буржуазное правительство сосредоточить свои силы у себя, и отвлекут его внимание от того, что делается у соседей. Вынужденное защищаться у себя дома от прежних своих невольников, ныне восставших против него, оно будет лишено возможности идти на помощь соседу, гибнувшему рядом с ним от тех же причин. Диверсия—умная тактика, которой не пренебрегали лучшие стратеги, и чтобы произвести ее не требуется иметь готовую армию.

Рабочие одной какой-либо местности победят и освободятся от своих господ только при том условии, что восстанут рабочие окрестных местностей. Это верно по отношению к рабочим одной и той же национальности, в видах разделения сил господ; верно и по отношению к рабочим разных национальностей, ради воспрепятствования господам помогать друг другу. На свете одно связано с другим. Международная солидарность рабочего класса не должна оставаться пустой формулой, и осуществление ее не должно быть отсрочиваемо до отдаленного будущего; она является условием *sine qua non* успеха революции.

Такова логика вещей. Братское объединение рабочих всех стран должно выйти из области мечтаний о будущем; оно средство борьбы с нашими хозяевами, и даст нам победу, если сумеем победить.

Буржуазия не без страха следит за стремлением рабочих объединиться в международный союз, ибо знает, что в день, когда народы перестанут быть врагами, ей нечем будет оправдывать постоянное держание миллионов людей готовыми к ее защите, и те громадные вооружения, за которыми она считает себя неприступной. В противовес к вышеуказанному стремлению рабочих она возвела в культ догмат об отечестве, и ее восхвалители спешат бить в набат всякий раз, лишь раздастся чей-либо независимый голос, чтобы заклеить зверства, прикрываемые знаменем патриотизма, или провозгласить, что единственное отечество человека—вселенная.

„Агенты заграницы“, „низкие негодяи“, вот те эпитеты, какими они награждают этих независимых людей. Впрочем, брань их понятна,

ибо эти господа судят о других по себе, и думают, что писать можно только то, за что получена плата. Они привыкли торговать пером и словом, и поэтому не верят, что есть люди, пишущие и говорящие только то, что они думают.

„Вы не хотите унижать чужое отечество, значит, вы негодяи; не хотите кричать вместе с нами, что ваша родина царица между нациями, что все другие народы—жалкий сброд, значит вы агент заграницы!“ Такова логика этих господ, и исходя из нея они убеждают слабоумных людей, что тот, кто не хочет закрывать глаза на все вопиющие безобразия, прикрываемые знаменем патриотизма становится врагом своего отечества.

Вот почему, когда интернационалисты называют антипатриотами всю эту компанию глашатаев милитаризма и шовинизма, направленных к взаимному избиению, те клеветуют, называя антипатриотами и врагами Франции французов, врагами Германии немцев, Италии итальянцев и т. д., хотя антипатриотизм их состоит лишь в том, что они любят все человечество и ненавидят войну.

Антипатриотами не могут быть названы люди, стремящиеся распространить любовь с отдельного индивидуума на все человечество. Когда они восстают против власти и капитала, как таковых, они являются противниками их не только у себя дома, но и во всех других странах. Они не требуют перемещения власти от одной группы к другой, но полного уничтожения ея.

За то, что мы противники власти, нас обвиняют в стремлении к хаосу: за то, что мы противники законных форм семьи и того принуждения и запретов, которые закон противопоставляет естественной эволюции ея, нас обвиняют в том, что мы хотим уничтожить семью; за то, что мы противники узкого патриотизма, требующаго, чтобы на другие народы смотрели как на врагов, что мы сторонники всемирного братства, нас обвиняют в том, что мы проповедуем унижение нашей родины и подчинения ея соседям!

Не лучше ли объяснитьсь. Известно, что у всякого человека есть свои привязанности. Он всегда с любовью вспоминает места, где ему хорошо жилось, где развились его симпатии, его влечет с особенным радостным чувством в страну, где он уверен, что найдет друзей. Когда мы говорим, что любим такую то страну, то это значит, что любим воспоминания, связанные с нею, пережитые в ней ощущения, и друзей, там оставленных, и совокупность всего этого и составляет предмет нашей привязанности, а не почва, страна сама по себе.

Когда людям кажется, что они должны больше всего любить местность, где они родились, потому только, что с нею связаны воспоминания о рождении, то никто не подумает возражать против этого, ибо не всегда для нас ясны источники того или другого нашего чувства; но из того, что мы больше любим такую-то данную местность, еще не следует, что жители других местностей—наши враги; если бы патриотизм был

исключительно привязан к почве, к месту рождения, он не распространялся бы на целую страну например, Францию, Германию, Россию и т. д. Тогда стала бы понятнее любовь к одной провинции; еще более понятней любовь к месту жительства или рождения. Почему в таком случае не признать наличие причин вражды между обитателями одной улицы? И если человек способен любить даже тех, кто связан с ним случайно, то почему его любовь должна сосредотачиваться на какой-либо данной группе, а не на любой иной? Почему не распространить ее на все человечество?

ГЛАВА V.

Революция—детище эволюции.

Из предыдущего мы знаем, что революция сопутствует эволюции. В действительности нет перерыва между вчерашним днем и сегодняшним, и завтрашний день есть продолжение кануна. Поэтому будущее общество не явится сразу совершенно готовым, а будет только тем, к чему подготовили предшествующие события. Въ виду этого мы не должны выжидать революции, чтобы жить согласно нашим идеалам, а должны стараться, по мере наших сил, согласовать свои действия с нашими воззрениями.

Мы считаем доказанным, что от реформ, даруемых сверху, буржуазией, нельзя ожидать освобождения рабочего класса. До тех пор, пока не будут бесследно уничтожены учреждения, задерживающие свободное развитие человечества, всякие реформы будут не что иное, как грубая приманка, рассчитанная на легковерность рабочих, или же какое-нибудь новое усовершенствование в пользу капитала, которое ему облегчит эксплуатацию рабочего класса.

Ниспровержение властей, уничтожение личной собственности и отмена денежных знаков одни только могут обеспечить освобождение рабочего класса, и было бы абсурдом ждать такового не только от буржуазного, но даже и от рабочего правительства.

Между тем, как ни обманчивы и призрачны реформы, есть люди, искренно верующие, что посредством них можно произвести улучшения в положении рабочих. Они уверены, что от парламента можно добиться таких реформ в социальном строе, которые дадут рабочим, если не богатство, то по крайней мере материальную обеспеченность. Игнорируя совершенно опыт прошлого и настоящего, они трудятся над тем, чтобы убедить выборщиков в целесообразности своих панацей и заставить их подавать голоса за тех кандидатов, которые обещают работать в духе проведения вышеупомянутых реформ.

Само собою разумеется, я говорю здесь только о людях убежденных, не делающих себе из политики профессию, и проповедующих только то, что они считают истинной.

Восхваляя реформы, убежденные эволюционисты бессознательно играют в руку политикам и сбивают рабочих с правильной дороги

надеждами на улучшения; они помогают, таким образом, держать рабочих в заколдованном круге парламентаризма, в котором горечь каждого обманутого ожидания сглаживается надеждою на успех в будущем.

Но во всякой медали есть оборотная сторона. Если проповедники реформ, с одной стороны, бессознательно удаляют рабочих от верного пути, то с другой стороны, они также бессознательно, в отрицательной форме, работают над уничтожением доверия к парламентаризму; ибо хотя вся масса избирателей не разочаровывается от обманутых ожиданий и после каждого такого обмана, продолжает нести бюллетени к урнам, но отдельные личности среди них, умеющие думать, убеждаются в бессилии парламентарного режима и ищут путь к освобождению в другом направлении.

От времени до времени случается с искателями легальных лекарств от нищеты и эксплуатации, что им попадается в руки реформы, подкапывающие фундаменты буржуазного строя, и тогда буржуазия смотрит на них, как на простых революционеров. Вызываемые ими политические движения готовят рабочих к восприятию последствий социальной революции, и в зависимости от хода событий могут переродиться в движения определенно выраженного экономического характера.

Тем, кто понял, что освобождение возможно только посредством силы, нет, конечно, никакого дела до реформ; с их точки зрения,—будут ли реформы искренни, или вытекут из мотивов личного честолюбия,—работа сторонников парламентарного режима направлена к отвлечению рабочего класса в сторону от настоящего пути, и поэтому необходимо бороться с этим движением.

Всякий раз, когда в споре мы имеем дело с оппонентом, предполагается, что он искренен, и что оспаривается не его убеждение, но выводы, делаемые им из идей, выразителем которых он является, и результаты этих выводов; можно очень неискренно высказывать очень хорошие мысли и наоборот очень искренно высказывать абсурд, поэтому мы должны обсуждать идеи оппонента, а не его искренность.

Так как мы убедились, что легальная агитация не может привести к желанному результату и старались доказать рабочим, что им не стоит терять время на эту игру, то нас обвинили, якобы мы противники временного улучшения положения рабочих и задались целью помешать таковому.

Это тоже не верно. Когда мы доказываем рабочим, что им нечего ждать от сословия, которое их эксплуатирует и что половинчатая реформа—вздор, мы не говорим, что рабочие должны отказываться от полуреформы, раз она им предлагается; мы только оспариваем логику, направленную к тому, чтобы уверять рабочих, что эта полуреформа и есть цель, к которой им должно стремиться, и что она-то, по существу своему, может создать им освобождение.

Мы хотим уберечь их от разочарования и разорвать тот заколдованный круг, по которому они беспрестанно гонятся за какой-то новой реформой.

Если бы было возможно вести кампанию на два фронта, т. е. добиваться реформ и в то же время пропагандировать их нецелесообразность, мы не преминули бы это делать, ибо применение реформ к жизни доставило бы лучшие доказательства непригодности их; но так как одностороннее мышление толпы не могло бы приспособиться к такому образу действий, то мы вынуждены ограничиться только тем, что проповедуем бесцельность реформ, спорим против тех, кто желал бы вовлечь нас в кампанию в пользу таковых, и ждем, пока сами события не принесут с собой доказательства нашей правоты; а это они делают, между прочим, каждый день.

В смысле ускорения распространения истины, было бы вероятно лучше, если бы деление общества было строго определенное т. е. общество делилось бы на два класса: эксплуатирующих и эксплуатируемых; тогда между рабочими и эксплуататорами не стояли бы те промежуточные элементы, которые только мешают им видеть правду и вносят в их ряды замешательство своими бесчисленными аргументациями, и таким образом для человечества сбереглось бы не мало лишне затраченного труда; к сожалению, этого нет и в борьбе которую мы ведем, мы должны считаться лишь с действительностью.

В обществе, как и в природе нет цельного типа: самый сильный яд, принимаемый в малых дозах, служит противоядием; точно также сторонники реформ, хотя и сеют заблуждение, но вместе с тем и содействуют дискредитированию существующего социального строя.

Для того, чтобы убедить общество в необходимости новых реформ, нужно констатировать в общественной организации известные ненормальности, которые желательно исправить; восхваляя реформы, нужно критиковать эти ненормальности и указывать на целесообразность реформ в смысле устранения таковых. Таким именно путем в общую массу фактов и аргументов против существующего социального строя внесли свою долю наука и литература.

От столкновения идей возникает эволюционным образом новое течение, еще не совсем, быть может, революционное, но и не носящее уже следов выжидательных тенденций. В области идей большая масса всегда склонна выбрать середину; поэтому партизаны прогресса не должны останавливаться перед опасением, что зайдут слишком далеко, а должны всегда требовать возможно большего, имея в виду, что большинство, само по себе, расположено довольствоваться малым.

Зная свойство толпы низводить идеи до своего уровня, можно было бы даже усумниться в успехе прогресса, если бы прошлое не показало, что насколько толпа инертна в спокойное время, настолько же она нетерпелива во время революции, и что тогда весьма легко незначительному меньшинству личностей, сознательных и решитель-

ных, заставить толпу проникнуться самыми широкими идеями, если только она к этому была подготовлена умелой пропагандой.

Последствием непрекращающейся пропаганды явилось еще то, что увлекшиеся идеей индивидуумы пытаются проводить ее в жизнь, в пределах, допускаемых существующими законами. Таким образом некоторые идеи проникают в жизнь, реформируют нравы и готовят почву для новых идей. Так, например, не смотря на все презрение к так называемой „свободной любви“, общество признало и уважает некоторые свободные браки, не санкционированные церковью и властями. В данном случае воля лиц, соединяющихся брачными узлами, сумела импозировать окружающей среде и заставить ее признать брак действительным, как будто таковой был зарегистрирован властями.

С каждым днем подрывается авторитет власти; ежечасно умалывается доверие к современным учреждениям и увеличивается число индивидуумов, стремящихся удалиться из сферы их действий. Каждый день видим новые организации, образующиеся в дополнение к функциям Государства, в то время как еще недавно поддержка его считалась существенно важной, что без нея не предпринималось ни одно общественное дело.

Но мало-по-малу идеи перерождаются и в свою очередь перерождают нравы, а интенсивность убеждения индивидуумов подчиняет им окружающую среду, заставляя ее приспособляться к их способу мышления. Попытки делаемые в этом направлении венчаются успехом, или терпят неудачу, но во всяком случае не проходят бесследно.

К таким попыткам можно отнести эмиграцию в девственные страны ради проведения в жизнь некоторых социалистических концепций. В большинстве случаев они кончались неудачей, ибо участники ассоциаций, за недостатком времени, или средств, или знания, не всегда соблюдают условия, необходимые для успеха такого рода опытов. Кроме того, привычки старой цивилизации повсюду следуют за людьми, и достаточно малейшего послабления к себе со стороны человека, чтобы он снова подпал под их развращающее влияние.

Эмигранты должны были поддерживать некоторые сношения со старым миром, с которым их связывала зависимость от него, ввиду недостатка разнообразнейших предметов первой необходимости и неимения средств производить таковые; отсюда абсолютная невозможность согласовать новую жизнь с идеалами.

Неудачи таких попыток несколько, однако, не порочат логики новых идей, а только доказывают несовместимость их с современным строем и необходимость устранить его ради свободной эволюции новых идей.

Всякий раз, когда новаторы со своими новыми идеями начинают становиться опасными для буржуазии и ее привилегий, находят неразумные люди, советующие схватить всех недовольных и отправить

их на какой-либо остров, снабдив всеми орудиями производства, и там предоставить им осуществлять на практике проекты нового общества.

Такое решение вопроса весьма любезно, но предложение этих господ может быть принято разве только за шутку, да будет позволено сказать им это здесь, если они сами не сознают этого.

Вообразим себе, что нескольким лицам достается наследство, состоящее из обширных участков отлично возделанной земли, из жилого дома, снабженного всеми новейшими удобствами, обставленного всеми изобретениями человеческого гения, с библиотекой, состоящей из лучших произведений литературы, и предположим, что, когда дело дойдет до общего пользования наследством, некоторые из наследников обратятся к остальным с такою речью:

„Да, мы все наследники; это правда; но мы воспитывались в этом доме и привыкли наслаждаться роскошью собранной в нем, и мы никогда ничего не делали, вы же работали: наблюдали за машинами, возделывали землю, строили дом, который теперь мы наследовали, поэтому вы не можете хотеть жить наравне с нами. Для обработки земли, дозора за машинами и ухода за домом нужны люди; если вы будете жить с нами в этом доме, вы не захотите, пожалуй, работать, чего и мы твердо решили не делать. Конечно, вас больше, чем нас, и если бы дело дошло до рукопашной схватки, возможно, что мы не оказались бы сильнейшими; но мы добры, и вот что можно сделать для вас, мы залатим за ваш проезд; на Огненной Земле есть земля никому не принадлежащие; мы вам дадим орудия производства и кое какие мелкие вещи, которыми можете вести меновую торговлю с Персекарами; зато там у вас будет свобода делать все, что вам угодно, не стесняя людей. Мы же возьмем себе наследство, и таким образом все будем довольны!“

Такова логика буржуазии, когда она рабочим, недовольным своим положением, предлагает эмигрировать

В их руках богатство, средства производства, вся сумма человеческих знаний, одним словом все плоды цивилизации, все факторы развития, какие достались человечеству от прошлых поколений, а когда мы требуем от них свою долю наследства, они отсылают нас к гренландцам или ботокудам, которые нам ничего не должны. Нам нечего итти так далеко вкаты чего-то, что несуществует, когда то, что нам нужно, находится здесь под рукою.

Трудом своим мы завоевали себе право на то, что существует, и мы сумеем отстоять наши права.

Рядом с опытами осуществления идеального общества, вдали от цивилизации, опытами, интересными для изучения, в смысле уроков для будущего, даже когда они терпят неудачу, производятся также же опыты, по мере возможности, и среди современного общества.

Одними такие опыты делаются в их частной жизни, в сношениях с окружающими; другие группируются вместе, чтобы обеспечить за

своими планами широкое развитие и придать осуществлению их более реальное значение.

Так, например, за несколько времени до реакции 93 года, с'организовалась группа лиц с целью устройства мастерской, куда бы всякий, в свободное время, могъ приходить работать и производить предметы, предназначавшиеся не только в распоряжение участников мастерской, но и их соседей, друзей и т. д., которые вместо платы обзавались бы только изучать внимательно идеи, положенные в основу ассоциации.

Предполагалось, заготовив предметы, справляться, кому они больше всего нужны, или же, не приступая к производству, предварительно определить, сколько именно предметов могло бы быть изготовлено, и затем наводить справки о нуждах погребителей и изготовлять нужные предметы.

Группа должна была отказаться от всякой коммерческой операции и даже от всего, что могло походить на таковую. Не смотря на то, что сношения должны были охватывать широкие круги и распространяться до сфер самых отдаленных, при отсутствии какого-либо контроля, чтобы сохранить за группой характер взаимопомощи, выражающейся обменом услуг, а не продуктов, от участников требовалось бы только одно—добросовестность. Каждый мог бы брать из общей массы продуктов то, что ему понравится, будучи удерживаемым от злоупотребления только своей совестью; каждый должен был бы вносить в общую массу то, что подскажет ему его добрая воля.

Из членских взносов деньгами, соразмерно со средствами каждого, должна была образоваться касса для покупки первых необходимых материалов.

Группа уже было наняла помещение под мастерскую, в которой изготовлялась и починалась мебель; арендовано было поле, на котором участники собирались возделывать овощи для нужд своих семейств; предполагалось даже иметь лишние для раздачи тем, кто оказался бы способным понять идею, руководившую группой.

Впоследствии, при дальнейшем благоприятном развитии группы, предполагалось основать библиотеку в которой были бы собраны все лучшие книги, научные, а также по литературе и истории, для того чтобы просвещать тех, кто обращался бы за сведениями; при дальнейшем прогрессе, при библиотеке открылась бы школа для детей.

Буржуа нам скажут, что так как всякий мог брать из общего склада, не будучи принужден в свою очередь вкладывать в него, то ассоциация не могла бы долго просуществовать, ибо брали бы все, а не отдавал бы никто. Группа не достаточно долго просуществовала, чтобы можно было узнать результаты. Буржуазия, во всяком случае, не стала их ждать, и поторопилось обвинить некоторых членов группы в преступных замыслах, и таким образом положила конец опыту.

Везде есть чужеродные организмы, и очень возможно, что они проникли бы и в группу; факт этот не служил бы доказательством против нея; еслибы опыт продолжался, индивидуумы приучались бы руководиться в сношениях между собою солидарностью, и обходиться без денежных знаков, так как взаимные услуги не оценивались бы деньгами: один вносил бы свою рабочую силу, другой—смышленность или знание, третий материалы. Вряд ли можно произвести в современном обществе лучший опыт.

Вряд ли можно изобрести лучший способ доказательства, что можно организовать общество, въ котором не будет ни денежных знаков, ни власти, ни оценки затраченных сил, как дать людям возможность убедиться в этом путем наглядного примера.

Метод предоставления индивидуумам, способным понять идеал, права пользоваться трудами группы, без сомнения, привлек бы участников. Из них некоторые злоупотребляли бы доверием, но неразвращенное еще буржуазным обществом большинство не захотело бы брать из общего склада без отдачи, и не понимая идеи, все-таки старалось бы быть полезным внесением своей доброй воли в общее дело производства; таким образом оно путем практики достигало бы уразумения теории.

Кооперативные общества производителей и потребителей, конечно, улучшают до некоторой степени положение тех, кто в них участвует, но в смысле решения вопроса скорее имеют обратное действие, ибо делают участников капиталистами и эксплуататорами, столь же реакционными как и буржуа, если не более того.

Становясь участниками в акционерных прибылях, рабочие начинают мечтать о скоплении капиталов, должностующих их всех сделать рантьеями; получив возможность эксплуатировать других, они мечтают о личном освобождении и стремятся всеми силами к нему, в ущерб своих товарищей по зависимому положению. Все нынешние общества взаимопомощи и страхования жизни рассчитаны на самый грубый эгоизм, потому что тот, кто часто хворает, устраняется из общества, которое может существовать только при том условии, что больных будет немного.

Я не говорю уже о современных обществах страхования доходов, в которых каждый участник ждет, чтобы соучастники умерли раньше достижения возраста, дающего право на получение дохода, так как доходы могут быть выплачиваемы лишь при условии сокращения числа участников, имеющих на них право.

Упомянутая мною выше предполагавшаяся ассоциация представляла бы осуществление на практике солидарности и взаимопомощи, как мы их понимаем; в ней индивидуумы нашли бы улучшение своей участи, без того стремления к роскоши, которое развивается в капиталистических организациях. Они научились бы считать друг друга братьями, и ожидать удовлетворения своих потребностей от всеобщего благосостояния, вместо того, чтобы смотреть на каждого

члена ассоциация, как на врага, доля которого в общем производствѣ уменьшает его личную долю, равно как и долю всех прочих участников.

Если бы несколько групп успели с'организоваться в разных местах и завязать сношения между собою, в них олицетворялись бы различные виды индивидуального производства, и это дало бы им возможность расширить поприще своей деятельности. В массе участников нашлись бы такие, которые вносили бы материалы первой необходимости, и их не пришлось бы покупать; другие вносили бы хлеб в зерне и прочие предметы потребления. Известное число индивидуумов нашло бы в них для себя занятие и избегло бы необходимости продавать свой труд эксплуататорам, и таким образом индивидуумы в группе нашли бы возможность во многих случаях избежать кавдинских ущелий капитала.

Совершенно освободиться от него нельзя бы было; ибо до тех пор, пока будет существовать современный строй, индивидуум будет в зависимости от капитала, завладевшего почвой, рудниками, средствами передвижения, без которых нельзя обойтись, ни заменить другим; тем не менее, в ограниченной сравнительно сфере деятельности, какую удалось бы завоевать, было бы сделано многое, и если бы с течением времени рабочие могли хоть отчасти избавиться от гнета капиталистической промышленности, то и это равнялось бы целому перевороту.

Описанная выше организация, сумев развиться в среде современного общества, подготовила бы его распадение; раньше или позже буржуазия приняла бы меры, чтобы приостановить развитие ея. В данном случае, *как мы знаем*, она не ждала долго; но за первым неудачным опытом последует десять новых, ибо эволюция продолжает совершаться, несмотря на мероприятия реакции.

Реакционные меры могут только затормозить развитие идеи, но не остановить ее; часто они только ускоряют ее распространение; поэтому не будем терять надежды на то, что опыты, подобные выше описанному, повторяются, быть может в иной форме, в зависимости от обстоятельств, при которых возникнут, но въ том же духе и направлении. Какая-то внутренняя сила побуждает индивидуум приспосабливать поступки к своему образу мышления. Когда убеждение приобретает известную степень интенсивности, то волей неволей происходит такое приспособление, при чем задерживающие факторы остаются обойденными или устраняются насильно.

Наконец, настанет момент, когда вследствие многочисленности таких организованных групп, существующие правительства окажутся не в силах противиться им. Тогда начнется падение царства буржуазии, которое послужит началом будущего общества, свободного развития, и это потребует проложивший себе дорогу дух свободы и солидарности, перед лицом которого должны будут исчезнуть эксплуатация и привилегии старого строя.

Тогда именно настанет неизбежность революции, потому что привилегированные сословия никогда не откажутся добровольно от своих привилегий; имея в руках власть, они будут стремиться удержать за собою господство; новые идеи созреют, но старый порядок вещей будет еще на лицо и, опираясь на социальные силы, захочет сопротивляться врагу, и война делается неизбежной. Эволюция совершилась, но она еще окутана целой сетью законов и ограничений, направленных к уничтожению ее, и чтобы не погибнуть она должна будет устранить их во чтобы то ни стало; и тогда эволюция превратится в революцию.

Последняя необходима, чтобы очистить почву от привилегий и насилий, задерживающих эволюцию человечества, но будущее общество может начать жить раньше революции: мы можем произвести опыт осуществления его в любое время, лишь только из нас составит группа, убежденная в правде наших идеалов.

ГЛАВА VI.

Механические орудия производства.

Как уже было сказано, революция—неизбежна, и для того, кто изучает социальные явления, это не пустая фраза, а истина, которая была бы для всех очевидна, еслибы сложность социальных явлений не скрывала от нас их действительного хода, до того запутывая вытекающие из этих явлений следствия, что часто мы принимаем следствия за причины, и причины за следствия.

Так, наприм., во Франции очень многие рабочие обратили внимание на факт вытеснения их труда машинами, возненавидели таковые и требуют их упразднения, вовсе не замечая, что они сами от этого не перестанут оставаться в положении простых машин, что упразднение машин дает им только относительное улучшение, чисто временное, ибо безмерно алчные эксплуататоры не замедлят его у них отнять.

В современном обществе машины наносят значительный ущерб рабочему классу; это очевидно, вопреки уверениям экономистов, указывающих на то, что машина сберегает силы рабочего, и сокращая расходы производства, вызывает удешевление продуктов на рынке, что выгодно, как для потребителей, так и для рабочих. Это было бы верно при иной организации общества, но при современном строе ввиду эксплуатации капитала, уверения экономистов совершенно неверны.

Правда, машина ускоряет производство, и этим увеличивает потребление, понижая цены продуктов, но таковое понижение цен, если и приносит какую-либо выгоду рабочим, то разве только самую незначительную, ибо размер заработка позволяет рабочему удовлетворять далеко не все свои потребности. Таким образом способность потребления является сразу ограниченной, между тем как производительная сила машины не ограничена ничем.

А если даже и ограничена, а именно: спросом со стороны потребления, то и это ограничение обращается против рабочего, ибо следствием непрерывной работы машины, при отсутствии спроса, является приостановка производства на фабриках и заводах и отсюда безработица и нищета для тех, кто живет только своим трудом.

Кромѣ того, машина, с ея сложными заранее урегулированными автоматическими движениями, понизила профессиональное образование. Уследить за машинной легче, чем сработать предмет целиком во всех его частях. В большинстве профессий, после недельной практики, рабочий научается управлять машиной, между тем как в прежние времена ему пришлось бы несколько лет учиться, чтобы уметь сработать предмет, который ныне сотнями выходит готовым из под зубчатых колес машины.

Такое облегчение в смысле скорого приспособления къ любой специальности могло бы, конечно, принести пользу рабочему, ибо дало бы ему возможность искать работы по другой профессии, раз не нашлось по своей; но капиталистический строй сумел и это использовать для себя.

В прежнее время, когда машины еще не завладели промышленностью, капиталисты как ни были жадны, должны были считаться с некоторыми соображениями, и когда у них имелся состав рабочих умелых, опытных, смышленных, они были вынуждены кое-чем жертвовать, что бы удержать их при себе.

Нам этого не нужно; достаточно, чтобы имелся один, два человека, ознакомленных с порядками завода и настолько опытных, что могут подучить новичков; остальные—стадо, которое сгоняется, когда нужно, и выбрасывается на мостовую, когда нет больше дела для них.

Имея возможность легко заменить состав рабочих, капиталист сделался требовательнее и заносчивее. Прежде, рабочий, знавший себе цену, мог позволить себе ответить резко на докучливые нападки своего хозяина; нам мало быть трудолюбивым, знающим дело работником, нужно еще быть покорным и униженным перед его превосходительством господином капиталистом. На рынке новый состав всегда найдется; предложений силы, энергии там в избытке; требуются сверх этого низкопоклонство и приниженность.

Но на этом еще не кончается вред для рабочего от машины. Если человек в течении целого дня обязан только следить за тем, как в результате несчастных оборотов машины получают отдельные куски железа, очевидно, от такой работы мозг его не может развиваться; и если эта работа повторяется изо дня въ день, непрерывно, целыми годами, то, понятно, человек этот, когда привычной работы почему-либо не станет, окажется неспособным ни к чему иному, и вследствие таковой неспособности очутится во власти эксплуататора.

Если ко всему этому прибавить замену, при машине, мужчин женщинами и детьми, то не покажется странным, что рабочий, видя только последствия, вытекающие, по его мнению из введения машины в промышленность, ненавидит машину за зло, которое она ему причиняет.

Достаточно посмотреть вокруг себя, чтобы убедиться, что все описанное мною происходит именно так. Во всякой отрасли промыш-

ленности рабочий уступает место специалисту; что касается последнего, он находится в рабском подчинении машине; от ее правильных, автоматических, с каждым днем ускоряемых движений, внимание его, поглощаемое работой изо дня в день, напрягается до такой степени, что труд становится для него гораздо более тяжелым, чем когда он делал без помощи машины.

Замена мужского контингента женским и детским, и непродолжительность ученичества суть только малосущественные причины безработицы.

Благодаря машине 10, 20, 30 рабочих делают работу, для которой в прежнее время требовалось 30, 50, 100 человек, а иногда, при помощи некоторых упрощений, 1, 2 рабочих могут выполнять работу нескольких сотен людей. Заказ, для выполнения которого в прежнее время промышленнику понадобилось бы месяцев 6, ныне выполняется им в 2 недели, с половинным числом рабочих рук.

В прежнее время промышленник, чтобы быть в состоянии удовлетворить все предстоящие заказы, вынужден был производить авансом, и поэтому, если хотел иметь всегда под рукою готовый состав опытных рабочих, должен был беречь имевшийся у него персонал и стараться удержать таковой при себе, даже если заказы не приходили в достаточном числе.

Ныне дело обстоит иначе. Ввиду наличности машин, заменяющих сотни рабочих рук, ввиду бесчисленной армии безработных, осаждающих по утрам ворота заводов, капиталисту нечего заботиться о тех, которые выбрасываются им на мостовую, когда завод не работает. Если есть заказ, он нанимает на скоро, смотря по надобности, 10, 20, 100 человек; а затем, когда заказ выполнен, они выгоняются им на мостовую, и обречены опять ходить толпами по улицам и выстывать долгие часы у ворот заводов, в томительном ожидании, с его надеждами, разочарованиями и мукой.

Так совершенствуется с каждым днем эксплуатация; с каждым днем капиталист становится опычнее, и умело комбинируя свои действия, достигает сбережения времени; усовершенствование это происходит, конечно, за счет рабочих, которые с каждым днем чувствуют себя более закабаленными, более несчастными.

Но экономисты, люди очень рассудительные и очень ученые,—как они сами утверждают—не задумываются долго над этим. „Конечно, нужда существует—говорят они—но она происходит от того, что земной шар не приспособлен к нашим потребностям. Конечно, современный строй виноват во многом, затрачивая непроизводительно много сил, но делать нечего: эволюция совершается естественным путем, и нам остается только покоряться совершающимся фактам“.

„Социалисты—продолжают они—хотят поделить богатства капиталистов; но вопрос, сколько от дележа придется на человека? Ничтожная сумма. Поэтому, разве не лучше, если одни будут владеть

всем, а другие умирать от голода? Эти последние, по крайней мере, могут утешать себя тем, что отнятая у них доля увеличивает благосостояние сословия, весьма замечательного, — к нему принадлежим и мы — представляющего из себя лучшую часть человечества”.

И они даже рассчитали, сколько получит каждый человек при общем разделе. Г. Новиков определяет все богатства Франции в 200 миллиардов. Если разделить эти деньги поровну между всеми жителями, то на долю одного семейства из 4-х человек приходится 21000 франков. Для целого семейства это ничтожная сумма, и г. Новиков выводит из этого заключение, что не стоит делить; что нужда не зависит от капитала, и что все на свете идет к лучшему, или по крайней мере идет так, как оно может идти.

Прошу извинения у г. Новикова, который, оказывается очень богатый банкир, но не всякий относится так аристократически презрительно, как он, к незначительным суммам. 21000 франк., отданные за 3% дают в год 630 фр. Конечно на 630 фр. семейство не может про существовать годъ, не работая, но если предположить, что заработок каждого рабочего увеличится на 630 фр. в год, то получается результат, о каком наверно многие не смеют даже мечтать.

Когда богатства будут таким образом нивелированы, не будет, конечно, роскоши, но не будет и людей, умирающих от голода, и уже это одно заслуживает быть принятым во внимание.

Но в настоящий момент никто и не думает о дележе богатств; напротив, их стремятся слить вместе и при их помощи производить на пользу всех, чтобы таким образом капиталы не были дальше исключительным достоянием немногих.

Нужда происходит, как мы докажем впоследствии, не от скопления капиталов в руках немногих, а оттого, что эти немногие пользуются своими капиталами во вред производству. Когда у фабриканта нет заказов, он замедляет производство, и рабочие, оставшись без занятий, сокращают потребление, что также является одной из причин застоя в производстве. Если коммерсант, магазины которого переполнены, не делает заказов, то это потому, что у него не покупают, а не потому, что не достает продуктов. Лишь только возобновятся заказы, тотчас же возобновляется и вся деятельность производства. Чтобы иметь работу, рабочие должны ждать, пока опустеют магазины коммерсантов.

Пусть господа экономисты объяснят нам, почему производство всегда так замедляется? почему никогда ни один завод не закрывается вследствие недостатка продуктов, нужных для его работы? Почему нужда является результатом накопления богатств?

Один из экономистов почти дал объяснение поставленных выше вопросов, но не вывел всех заключений, какие могут быть выведены из этого объяснения. В одном из своих трудов он объясняет, что великое заблуждение людей состоит в том, что они видят воплощение бо-

гатства в золоте, в денежных знаках. Таковые суть только изображения богатства, само же богатство заключается в предметах потребления.

Действительно, денежные знаки—только средства обмена и существуют в ограниченном количестве; фабрикация их управляется известными законами. Как изображение богатства, они, правда, имеют обращение во всем обществе, но небольшая группа людей захватила их в свои руки и при их помощи господствует над человечеством.

Земля, рудники, моря,—все предлагает нам свои продукты в изобилии; машины дают нам возможность переработать эти продукты так, как нам нужно для потребления; рабочих рук имеется избыток; но всего этого, увы, недостаточно, ибо те, кто завладел средствами производства для того, чтобы не понизить цены на предметы, имеющиеся в их магазинах, желают их сбыть, прежде чем приступить к изготовлению новых, и поэтому приостанавливают производство. Вот почему слишком большое богатство в руках немногих порождает нищету рабочего класса, и проповедники нового общества требуют не дешежа современных богатств, а такой социальной организации, при которой эгоизм одних не наносил бы ущерба остальным.

Но об этом мы будем иметь еще случай говорить впоследствии, а пока возвратимся к машинам.

Экономисты превозносят огромные труды, затраченные на фабрикацию современных машин и вызванное ими улучшение материального быта рабочих; правда, в начале периода развития индустриализма производство машин, создавая постоянно новые занятия для рабочих, поддержало на некоторое время равновесие и даже перевесило его в сторону рабочего класса; но это было временное явление, продолжавшееся очень недолго, едва лишь период жизни одного поколения; ныне равновесие нарушено в пользу капитала.

Машины постепенно совершенствовались, и в настоящее время имеется громадный арсенал машин, которым могут быть удовлетворены решительно все потребности, и который нужно только содержать в порядке, что требует количества рабочих рук, значительно меньшего, чем когда он строился.

Несмотря на временное материальное улучшение, средства потребления рабочих всегда были очень ограничены и многие их потребности остались без удовлетворения. Наступило переполнение магазинов продуктами; явились предприимчивые спекуляторы и воспользовались им для повышения и понижения цен, ради собственной выгоды и разорения конкурентов; торговля гибнет от переизводства, а рабочие от голода, возле ими же выработанных продуктов.

Долгое время думали, что колониальные завоевания откроют рынки для сбыта излишка, от которого мы страдаем; но завоевания становятся все более трудными, ибо „великие“ державы приобрели уже почти все, что можно было приобрести, и не довольствуясь торговой эксплуатацией „покровительствуемых“ народов, захотели эксплуатиро-

вать их в индустриальном отношении. Народам этим навязывали режим, которого они не могут вынести, и в результате самые живучие из них через два, три поколения оказываются до такой степени облагодетельствованными цивилизацией, что почти целиком исчезают с лица земли; немногие же, избежавшие систематических избиений, медленно истребляются чахоткой, алкоголизмом и сифилисом.

Там, где народ, вследствие своей численности мог оказывать сопротивление цивилизаторам, и благодаря плодovitости имел возможность заполнять бреши, делаемые цивилизацией в его рядах, там он выживал; за то был вынужден покориться общим законам промышленности. Например, в Индии народы начинают наводнять рынки своими продуктами и конкурировать с производителями «матери-родины», этого вампира, пожирающего собственность детей.

Последствием такого режима явились беспрерывно повторяющиеся финансовые крахи, от которых общее тяжелое настроение делается еще более тяжелым. Им пользуются аферисты и организуют грандиозные хищения капиталов, заманивая обещаниями больших дивидендов, ибо всякий хочет скорее разбогатеть, не работая, так как не только работа не дает богатство, но даже не для всех ее хватает.

Всякий продает, что может, иногда даже то, чего у него нет, — ведь говорят же о некоторых политических деятелях, что они продали свою совесть? — и наконец капиталы сосредоточились в руках незначительного меньшинства, которое с каждым днем уменьшается, ибо каждый день от него отпадают и пополняют собою ряды пролетариата разные маленькие рантье, мелкие землевладельцы, промышленники и коммерсанты, легкомысленно попавшиеся в шестерню спекуляции.

Чтобы этих последних привлечь на свою сторону социалисты расточают им выражения сочувствия их судьбе; мы не будем лицемерить, ибо судьба этих людей нас несколько не трогает, и мы полагаем, что человек, не знавший никогда ничего, кроме нужды, заслуживает сочувствие гораздо больше, чем тот, кто добивался богатства путем эксплуатации других.

Самых ярых реакционеров и самых беспощадных эксплуататоров находим именно в среде мелких капиталистов, ибо их скупость и жажда роскоши прямо пропорциональны богатствам, которые они видят над собою и надеются достать, становясь все более и более хищниками.

Когда крупный капиталист, посредством лживых обещаний, отнимает у мелкого его скромное достояние и повергнет в пропасть, из которой тот хотел выкарабкаться по спинам других, последний получает только то, что заслужил; он пожинает плоды своего ослепления: в его интересах было присоединиться к рабочим, соединить свои силы с их силами, и совместно пытаться освободить их; эгоизм, алчность, честолюбие побудили его пойти в ряды крупных эксплуататоров, и если те его уничтожили — тем хуже для него. „Кто роет

яму другому, тот сам в нее попадет“, говорит старая пословица, и на этот раз народная мудрость права, что далеко не часто бывает.

Рабочие не умеют сговориться, и это их слабая сторона. За то буржуа, если и умеют соединиться, чтобы эксплуатировать рабочих, то совершенно не умеют общими силами защищать свою систему.

Необузданная конкуренция, конкуренция не на жизнь, а на смерть, на которой держится их общественный строй, царит между ними в той же степени, как и в среде их жертв. Их общество—это охота, в которой каждый спешит, очертя голову, к добыче, толкая, отстраняя и сшибая с ног других, чтобы первым добежать и защитить от них свою долю. Лишь только протрубили сигнал, начался дефеш и длится без конца, ибо добыча оживает под ударами ножей охотников, терзающих ее на куски; она не хочет умирать и готова ежеминутно подняться на ноги. И она поднимется, благодаря раз'единению буржуа, которые будучи солидарными в теории эксплуатации рабочих, не умеют ими быть на практике.

Если бы буржуа могли пожертвовать личными интересами ради общих классовых, положение рабочих было бы невыносимо. От объединения буржуазии получился бы ряд мер, которые окончательно приковали бы рабочих к ярму. К счастью объединение невозможно, потому что жажда индивидуального богатства до такой степени овладела каждым из них, что отнимает у них смысл классовых интересов и заставляет воевать между собою из-за честолюбивых политических проектов.

Война ведет за собою поражения; к таковым нужно отнести их систему эксплуатации, благодаря которой постепенно приподнимается завеса и обнаруживается какое-либо позорное деяние, заставляющее рабочих задуматься над порядком вещей, который их приучили уважать и считать не подлежащим никаким изменениям.

Ошибки буржуазии не менее пропаганды социалистов разрушают буржуазный строй. Сама система порождает те разрушительные элементы, которые ее подтачивают. По законам логики всякое ненормальное соединение носит в себе зачатки распада. Нам это на руку, и буржуа сами исполняют часть нашей работы.

Недалеко то время, когда те кто боится революции, начнут относиться к ней более равнодушно, ибо сам общественный строй заставит их желать переворота, долженствующего освободить нас от гнусных беззаконий, переживаемых нами ежедневно.

Идея революции охватывает все более широкие круги; она пронизывает насквозь умы и образует как бы вторую атмосферу, которой люди дышат, которой проникается все их существо; еще немного, и настанет день, когда достаточно будет слабого толчка, чтобы произошел взрыв, и тогда те, кто теперь со страхом и недоверием смотрят на революцию, будут увлечены в общем вихре и бросятся на приступ против власти и классовых привилегий.

Итак, рабочие, верно то, что в современном обществе машины причиняют вам зло, и отнимают у вас работу; оне причины безработицы и уменьшения ваших заработков; выбрасывая на улицу в любой момент слишком значительную массу ваших товарищей, оне порождают между вами вражду из-за насущного пропитания, которое ваши хозяева сокращают ежедневно, пока крайняя нужда не вынудит вас прибегнуть к решительным мерам.

Но разве им только одним нужно приписать все это зло? Они ли одни виноваты в том, что заняли ваши места. Разве вы не были бы рады смотреть, со сложенными руками, как они работают за вас? Разве не было бы лучшим идеалом человечества: покорить силы природы и заставить их двигать все эти машины и производить всеобщее богатство при минимальной затрате сил отдельных индивидуумов.

Все это достижимо, товарищи! все это будет, если вы захотите. Сумейте только освободиться от паразитов, которые не только поглощают продукты вашего труда, но сверх того еще препятствуют вам производить по вашим потребностям.

Машина в современном обществе есть зло только потому, что над вами есть хозяева, умевшие присвоить в свое исключительное пользование все, что придумано человеческим гением для улучшения средств производства.

Если бы машины были общественным достоянием, а не принадлежали небольшой группе, вы заставили бы их производить без перерывов, и чем больше они бы вырабатывали, тем счастливее была бы вы, ибо они удовлетворяли бы все ваши потребности; пределом производства было бы только потребление. Когда ваши магазины переполнились бы, вы конечно не стали бы продолжать производить ненужные предметы, а наслаждались бы отдыхом, покоем, не ожидая с ужасом нужды, что бывает теперь, когда у вас нет работы. При современном строе, когда вы не работаете, вам не платят, но при новой организации общества не будет заработной платы, и вы будете иметь право распоряжаться тем, что вы произвели, и таким образом перепроизводство будет для вас источником богатства, а не нищеты.

При таких условиях машины превратятся в ваших благодетелей, и следовательно не они причины вашего горя, а виноваты те, кто превратил их в средство эксплуатации вас.

Товарищи по несчастью! Когда изнуренные долгой безработицей, повергнутые в отчаяние от всевозможных лишений, вы начнете проклипать ваше положение и искать выхода из него, тогда восстаньте против истинного виновника вашего несчастья, против капиталистического строя, превратившего вас в *машины машин*, но не проклинайте сами машины, ибо они освободят вас от власти сил природы, если вы сумеете освободиться от власти ваших эксплуататоров. Они дадут вам богатство... если вы сможете стать господами над ними.

ГЛАВА VII.

Роковая неизбежность революции.

Что более всего пугает многих рабочих в идее новой социальной организации и побуждает их искать исхода в парламентаризме и мирной борьбе из-за реформ, так это слово Революция, под которым ими подразумеваются ряд вооруженных восстаний, сражений и масса пролитой крови. Как бы ни было тяжело их современное положение, страх перед будущим заставляет колебаться даже самых обездоленных из них. Как бы ни была печальна и беспросветна жизнь, человек страшится мысли, что настанет день, когда он должен будет идти жертвовать ею ради идеала, осуществление которого люди могут и не увидеть.

Кроме того, эта власть, которую предстоит ниспровергнуть, кажется безмерно сильной; рабочим редко случается видеть ее на близком расстоянии, а издали она им кажется колоссом, бравярующим все их усилия, с которым бесполезно бороться, ибо одним махом руки он приведет в движение целый арсенал репрессивных мер, долженствующих истереть в порошок безумцев, осмелившихся восстать против него.

Революции прежних лет, все окончившиеся неудачей для рабочих, и не изменившие их положение, не мало способствовали развитию в рабочем скептического отношения к новой революции. „Зачем идти драться и подставлять голову под удары—говорит он—ради того, чтобы новые интриганы эксплуатировали меня, вместо тех, кто ныне у власти? Очень мне нужно!“

И не переставая жаловаться на свое безвыходное положение и проклинать крикунов, обманувших его своими обещаниями, исполнение которых постоянно отсрочивается, он затыкает уши, чтобы не слышать, когда окружающая жизнь кричит ему, что нужны его мужество и сила; закрывает глаза, чтобы не видеть возможности двойного исхода готовящейся борьбы, которая—он знает это—неизбежна, и к которой сам он взывает в эти дни печали и гнева.

Он с головою уходит в боязнь перед неизвестностью и не хочет сознавать, что распространяющаяся кругом нищета может завтра же захватить и его и вместе с семьей выбросить в общую кучу голодных, живущих на счет общественной благотворительности.

Тем не менее перемена кажется ему неизбежной; он не хочет верить, что вечно будет жить в нужде и что не будет положен конец несправедливости. Он надеется, что настанет день, когда всякий будет в состоянии есть до сыта и ходить смело с поднятой головой, не боясь никого, но вместе с тем надеется, что все это будет достигнуто в результате какого-то providенциального переворота, который его избавит от необходимости идти сражаться на улицах, что развязка придет сама собою, и какие то неведомые благодетели принесут ему счастье в изобилии. И потому он изо всех сил цепляется за тех, которые обещают ему такой счастливый исход, такую перемену без затраты сил и без борьбы; спешит за теми, кто громко порицает представителей власти, воображая, что этим наносятся удары самой власти, и превозносит тех, кто сулит ему наилучшие реформы, целое законодательство в защиту его, кто уверяет, что сочувствует его горю и обещает облегчить его!

Верит ли он в них больше, чем в тех, кто указывает ему на революцию, как на единственное решение вопроса? Вероятно нет. Но они сулят ему перемену без его участия в общей борьбе, и этого ему в данный момент достаточно. Он спокойно засыпает в ожидании, что ими будет сделано все; затем, когда увидит, что обещания их не исполняются, что осуществление отложено опять, он примется за старые нарекания на свою судьбу, до тех пор пока не выведенный, наконец, из терпение голодом и избытком чувств горечи и негодования, он страшнет с себя долговременное оцепенение и потребует однодневной расплаты за столетия нищеты и унижения.

Если бы буржуазия ясно понимала ситуацию, она могла бы отсрочить расплату еще на продолжительное время, и заставить много столетий ждать пришествия мессии, долженствующего водворить всеобщее счастье на земле. Но, как мы видели, их хищность и царящая в их рядах конкуренция делает то, что революция совершается не в их пользу, и они сами работают над испровержением своих собственных социальных учреждений.

Правда, предлагаемые ими реформы малозначущи, ничем не нарушают их привилегий и совершенно не касаются их имущественных интересов; но даже и такие реформы, которых они сами требовали прежде, когда ооолчилились против доходных правительственных должностей, ныне, когда должности эти заняты ими, кажутся им опасными; то, что когда-то служило им средством к захвату власти, пугает их теперь, когда власть в их руках.

Достигнув цели, они на себя лучше всего доказывают, насколько обманчивы обещания, которыми они заманивают рабочих, ибо те самые реформы, которые они прежде выхваляли, теперь отвергаются ими так-же запальчиво, как прежде требовались и так-же эвергично, как это делали их предшественники у власти по отношению к их тогдашним требованиям.

Их точка зрения изменяется сообразно с положением. То, что казалось логичным и нормальным прежде, когда они были в толпе искателей карьеры, стало аномальным и безнравственным теперь, когда они очутились в роли блюстителей установленного порядка вещей. Их пугает ненасытность управляемого ими стада; они боятся, что уступки вызовут новые требования, и вот почему так часто приходится видеть „сделавших карьеру“ политических деятелей, как они расстреливают толпу, когда она, по наивности своей, вздумает требовать от них исполнения когда-то данных обещаний.

Между тем, если бы у них был ум и ясное понимание своих словесных интересов, как легко было бы водить за нос простодушных избирателей, отпуская одну за другой реформы, одинаково безвредные, не сокращающие ничьих доходов, не ограничивающие ни одной из привилегий и несколько не грозящие безопасности общественного здания.

К счастью, страх не рассуждает, а буржуазия требованиями рабочих напугана до потери сознания. Необходимость укреплять и защищать существующий строй в настоящий момент мешает ей видеть, что надобно сделать для укрепления его в будущем. Ради поддержания одного угла здания разбирается другой угол, имеющимся под рукой материалом пользуются, не задаваясь вопросом, не более ли он нужен в другом месте; таким образом, здание на время отштукатурено заново, но трещины образуются и увеличиваются, и наконец настанет день, когда всякие подправки окажутся невозможными, и понадобится разрушить все старое здание, чтобы воздвигнуть на его месте новое.

Не будем же упрекать толпу в позитивизме, хотя, конечно, печально видеть ее иной раз невозмутимой перед самым вопиющим беззаконием и равнодушной к потокам грязи, в которой как бы сама увязает; зато позитивизм ограждает ее от крайнего увлечения лживыми говорунами; если иногда и кажется, что она увлечена ими, то, в сущности, и тогда она смотрит на них только с точки зрения их полезности для нея, в лице их она увлекается собою.

Не веря словам правды, когда они не льстят ей, толпа вместе с тем только на половину верит тем, кто говорит в унисон с нею, из желания польстить; увлечения фетишами также скоро проходят, как появились; рабочий, в сущности, желает только одного: освобождения, и когда кажется, что он воспринимает чужую мысль, не задумываясь, он на самом деле анализирует ее, взвешивает и обсуждает.

Часто он ошибается, сбивается часто с верной дороги, спеша за политическими шарлатанами, но не будем упрекать его в этом; воспитание его совершенствуется, и с каждым днем больше развивается в нем скептическое отношение к политиканам с их обещаниями и кунштюками. Еще немного—и он будет черпать мысли в самом себе.

Ради того, чтобы он совершенно убедился в той истине, что он должен рассчитывать только на самого себя, мы не перестаем повторять ему наше *Delenda Cartago*: „Только революция освободит тебя!“

Мы уже говорили, знаем это и повторяем снова, что революция не делается и не импровизируется, и вовсе не льстим себя надеждой, что на наш призыв вдруг подвигнутся народные отряды и пойдут в атаку против власти. Мы желали бы только чтобы рабочие твердо знали, что современное положение неизбежно ведет к революции, и что им необходимо, в виду предстоящей борьбы, выяснить причины своего горестного положения и вспомнить, которое из современных социальных учреждений более всего вредит им; они должны также помнить, что всякие временные починки ничего не стоят. Мы желали бы, чтобы в день, когда начнется борьба, они были готовы принять в ней участие и умели бы тесно сплотиться и вести свое дело сами, и не дали бы отнять у себя плоды победы интриганам, которые сначала будут льстить им и сулить небывлицы, а затем займут место только что ниспровергнутой власти и постараются вернуть старые порядки, изменив только их название.

Впрочем, пора уже наступить спасительной катастрофе; в интересах самой эволюции желательно, чтобы произошла революция. Отростки и побеги государственности все глубже врастают в социальные отношения и развиваются там в ущерб индивидуальной инициативы. В то время, как на фабриках мастерские пустеют, кулуары государства наполняются индивидуумами, которые променяв молот и напильник на перо или метлу, воображают себя принадлежащими к правящему классу и призванными защищать его.

Рабочий класс количественно уменьшается, между тем как растет сословие паразитствующее. Каждый фабрикант действует в общем направлении: т.-е., удаляя с фабрики десяток человек рабочих, нанимает двух, трех служащих паразитов: ни рабочих, ни буржуа, но несомненно приверженцев существующего строя, ибо они прекрасно сознают свою бесполезность и боятся, как бы не пришлось вернуться на старые места в мастерской.

Если только такое положение продлится, то рабочий класс неминуемо уменьшится количественно; напротив нерабочий—увеличится, так как будет пополнять свои ряды перебежчиками, которым раздаст все низшие служебные должности, приберегая высшие, доходные, для ничтожества своего сословия; и таким образом может настать момент, когда рабочие не будут достаточно численны, чтобы могли освободиться от ига буржуазии.

Конечно, прежде чем это наступит, пройдут многие столетия; прежде чем дать себя вытеснить, рабочий класс выдержит не одну войну с капиталистическим строем и, слабея в количественном отношении, будет продолжать развиваться интеллектуально, что и послужит вознаграждением отпадающих количественных сил.

К счастью, пока дело не обстоит так плохо, но раз мы обвиняемся в том, что стремимся задержать прогресс человечества, то пусть будет нам позволено, путем изучения хода развития современных

обществ, постараться распознать, в каком направлении совершается этот прогресс.

Оказывается, что прогресс ведет к бессилию трудящегося класса и к укреплению паразитствующих индивидуумов. Привыкнув жить чужим трудом, буржуазия, теряет способность работать и будет уметь только потреблять.

Мы знаем, что сделало разделение труда среди пчел и муравьев, и какое направление приняла среди них эволюция. У пчел мы видим: самок—терпимых в улье только в единственном числе; мужской пол: трутней; затем, бесполох; это—пролетариат, работающий на все население улья; они чистят улей, охраняют его, строят ячейки и выращивают личинок.

У муравьев, по крайней мере у некоторых видов, образовалось еще 4-е подразделения: войны, на обязанности которых лежит защита муравейника. Другие виды попли еще дальше; так, например, муравьи-амазонки, *Pogonomyrmex rufescens* энтомологов, которые воюют с другими видами и обращают их в рабство, сделались неспособны ни к чему другому, кроме войны, и даже не могут сами есть, и умирают, если нет при них рабов, чтобы вложить им пищу в челюсти.

Если суждено буржуазному обществу мирно эволюционировать в его духе, то результаты будут вероятно следующие: рабочие превратятся в бесполох, а буржуазия в пищеварительный аппарат, дополненный другим органом, который мы здесь не назовем, изображения которого римские дамы когда-то носили в виде амулетов.

Чтобы не превратиться в пищеварительные пузыри и в бесполое существа, пора положить конец этому, и пусть революция вмешается в дело и выведет нас на более рациональный путь; пусть даст нам общественный строй, при котором всем способностям человека будет предоставлен полный простор, так что одни из них не будут развиваться до гипертрофии, в ущерб другим.

Все сказанное выше, вопреки мнению некоторых, несколько не преувеличено. Чтобы убедиться в этом, достаточно видеть фабричные города северной Франции и департамента нижней Сены. Народонаселение там вырождается. Большинство малокровно; женщины и дети оторваны совершенно от семьи, и поэтому дети золотушны, апатичны и рахитики; люди в 20 лет там становятся стариками.

Что касается женщин, то эксплуатируется не только их трудоспособность, но и сами они превращаются в рабынь наслаждений; если только женщина не дурна собою, она обязана быть любезной с господном старшим мастером, и с господином директором, и с господами служащими, которые, конечно, на высших должностях; тогда ей делают послабления, до тех пор, пока угодно пользоваться ею ласками, а затем переводят ее на общее положение с прочими. На фабриках труд—адский, и целые поколения женщин умирают, не достигнув

зрелого возраста; мужчин больше доживает до старости, но нельзя сказать, чтобы их силы изнашивались меньше.

Не переставая надеяться на уступки со стороны имущих классов, несмотря на то, что эти надежды никогда не сбываются, рабочие продолжают пугаться мысли, что нужно начать борьбу, хотя им нечего страшиться результатов революции, которая не может сделать их еще более несчастными, чем они теперь.

Когда им показывают идеал общественного строя, при котором они смогут свободно эволюционировать, они, подобно буржуазии, печально кивают головами и отвечают, что эти идеалы слишком прекрасны, чтобы могли быть осуществлены.

Они не хотят видеть, что сила событий толкает их к борьбе, помимо их воли; что нужда, отупение и непосильный труд действуют также смертоносно, как ружейные пули; что чем терпеливее они будут, тем тяжелее будет давить их эксплуатация, и что эксплуататоры никогда добровольно не снимут с них цепей, если они сами не найдут в себе достаточно энергии, чтобы захотеть быть свободными.

„Ваши идеи неосуществимы“, говорят они нам; они неосуществимы, конечно, до тех пор, пока люди, заинтересованные в их осуществлении, будут оставаться достаточно глупыми, чтобы терпеть строй, от которого гибнут, и достаточно малодушны, чтобы бояться прибегнуть к силе ради осуществления идеала, кажущегося им „слишком прекрасным“.

Увы, этот идеал всеобщей любви и мировой гармонии, по всей вероятности, для очень многих из нас останется навсегда в области прекрасных сновидений.

Скольким из нас не суждено войти в землю обетованную! сколько из нас погибнут в борьбе, грезя об этом рае, в который вход нам запрещен навсегда!

Но что же делать? Долг пионеров приготовить путь тем, кто пойдет за ними, и быть первыми жертвами старого режима, защищающего свой порядок вещей. Иного хода в развитии идей не бывает! Но даже если нашему идеалу не суждено когда-либо осуществиться, тем не менее он полезен эволюции общества. Он — путеводная звезда для прогресса, указывающая ему цель, и освещающая пропасти, куда его хотят заманить; он указывает индивидуальной личности, что ей нужно делать, чтобы освободиться, если она найдет в себе энергии захотеть свободы и счастья!

Итак, революция — детище эволюции, роковой фазис ее; от себя прибавим, что, она кроме того необходима для спасения человечества от регресса, к которому его ведет буржуазная эволюция.

ГЛАВА VIII.

О переходном периоде.

Социалисты, равно как и некоторые буржуа, сознающие, что современный строй имеет свои недостатки, и что социальная реформа необходима, часто приводят нам следующий аргумент: «Конечно, вы правы, и то, что вы требуете, весьма рационально. Действительно необходимо, чтобы рабочим был предоставлен весь продукт их производства. Но, знаете ли... есть известные установившиеся положения, которые нельзя упразднить, в любой момент, не совершая явной несправедливости! Надо считаться с маюразвитостью массы, которая не может от полнейшей зависимости сразу прийти к абсолютной свободе! Вы понимаете, что нужно действовать осмотрительно. Так быстро нельзя переделать общество; осуществлением требуемых вами реформ, без всякой подготовки, легко восстановить против себя большинство народа».

«Когда продуктов будет иметься в достаточном количестве, и всякий сможет брать из общего склада, без опасения, что не хватит для других, когда человек поумнеет и начнет понимать, что чужая свобода должна быть уважаема, тогда можно будет провозгласить свободу индивидуальной личности, упразднить всякое правительство, и отменить денежную систему. Но до этого можно дойти лишь постепенно: сначала необходимо дать народу образование, и когда он будет просвещен и немного ознакомится с новым порядком вещей, тогда можно будет, пожалуй, ослабить возжи. Но, прежде всего, не надо забывать главное, а именно: что все в природе изменяется лишь постепенно, а, следовательно, социальный строй—тоже, и что нужен длинный, очень длинный, период... переходный!»

И, высказав все это, буржуазный „философ“ воображает, что он научным путем опроверг революционные идеи. Но лучше всего то, что некоторые яко-бы социалисты и яко-бы революционеры подхватывают этот аргумент и пускают его в ход против идеала анархистов.

Вот поистине убогая логика!

Таковыми речами встречают они всякую новую идею, и такими доводами хотят, не отрицая законности наших требований, отсрочить исполнение их на неопределенное время.

Но, господа! мы отлично знаем, что масса нас не понимает; если бы она понимала, нам не надо было бы хлопотать, чтобы подготовить ее к восприятию нашего идеала. Если бы народ понимал нас, он не нуждался бы в нас, указывающих ему на значение новых идей для будущих времен.

Революции происходят именно тогда, когда массы в достаточной степени пропитываются новыми идеями, и потому-то каждый из нас всеми силами и всеми средствами старается развить наш идеал всеобщего счастья, для того чтобы индивидуумы усвоили его и проникнулись бы им настолько, что захотели бы попытаться осуществлять его в жизни.

Но возвратимся к аргументам наших противников.

Социалисты считают революцию неизбежной, но только в духе их идей. Подобно тому как буржуазия полагает, что покончила раз навсегда с революциями в 93-м г., так и эти современные Робеспьеры думают, что умы уже заполнены их идеями, и нет в них места новым.

„Ваши идеи неосуществимы“, говорят они нам—„ввиду темперамента французов“—если речь идет о Франции, или „англичан“,—если об Англии.—„Конечно, ваш идеал прекрасен в теории, но на практике не применим. Вы, милые друзья, не знаете, что такое человек. Если бы его знали так же хорошо как мы, вы говорили бы иначе (поверьте: он странное животное, настолько глупое, что сам не знает, чего ему нужно; к счастью, мы знаем, за него). Когда переходный период усовершенствует человечество и пригнет дурные инстинкты человека, тогда может быть—но не наверно—ваши идеи окажутся осуществимыми; но необходимо, чтобы люди прошли через подготовительный период, долженствующий дать им постепенно свободу (подготовку же мы одни способны провести целесообразно)“.

„В начале революции в особенности нужна будет сильная власть, ибо придется регулировать потребление, сообразно с производительностью каждого индивидуума, чтобы избежать дефицита; нужно будет определить границы личной свободы каждого для того, чтобы более сильные не обижали слабейших (вы не можете себе представить, как трудно руководить народом)“.

Затем полезность переходного периода и временного правительства—считается ими доказанной. Не особенно остроумно!

Что касается реформ, рекомендуемых буржуазией, даже тогда, когда она искренна, то мы знаем, что они бессильны, что ждать их осуществления равносильно народному выражению: „жди после дождика в четверг“, следовательно не стоит и останавливаться над аргументами в пользу этих реформ.

Но другое дело аргументы так называемых революционеров, которые становятся консерваторами еще прежде, чем достигли власти и желают ограничить эволюцию ради „своей революции“. Мы вынуждены заметить им, что вероятно они имеют очень неопределенное

представление об экономической революции, проповедуемой ими... в теории. Они политики, но не социалисты, и это отражается и на их способе ведения пропаганды.

Организацию их составляют группы, комитеты и союзы: местные, областные, федеральные, национальные; таким образом, они участвуют во всякой партийной борьбе, где только предвидится возможность выиграть депутатское место; пропагандируется ими социализм, если аудитория достаточно подготовлена, или же дебатруется чисто местные интересы, если уровень развития слушателей не поднялся выше таковых. Этим путем они надеются пустить корни в политических сферах и во время революции—если дело дойдет до нее—заменить прежнее правительство своей организацией и таким образом получить право управлять всеми. И это они называют социальной революцией.

Мы знаем уже, что завладеть почвой, орудиями, общественными богатствами нельзя будет путем декретов; мы говорили уже почему и не будем повторяться; полагаем, что замена одних господ другими не составляет большого удовольствия и что для этого не стоит делать революцию.

Те, кто будет делать революцию, не должны рассчитывать ни на какое правительство, и освобождение должно быть только делом их рук, а раз оно будет достигнуто, для него не понадобится санкция никакого правительства. Поэтому мы и не ждем переходного периода; для нас он—наша пропаганда, и будет уже пройден, когда настанет революция.

На предстоящую революцию должно смотреть с более широкой точки зрения. Как мы уже говорили, возможно, что она будет длиться долго, очень долго, ибо продолжительность ее будет зависеть от интенсивности пропаганды, количества времени, которое пройдет до ее начала, и от подготовленности масс к ее восприятию.

Было бы большою ошибкой предполагать, что буржуазия, лишь только удастся захватить власть, позволит отнять у себя все. Социальная сила буржуазии заключается не в одном только представительстве власти; ее составит: торговля, банки, все административные учреждения, канцелярии, целая бюрократическая армия, созданная ее организацией, и все это не может быть отменено сразу. Всякое, какое бы то ни было, даже самое революционное правительство, произведя кое-какую очистку, вынуждено будет сохранить большинство остальных учреждений, и они то раньше или позже уничтожат его.

Мы знаем, с каким зверством буржуазия подавляла всякое движение, имевшее социальную тенденцию, и это может служить показателем силы сопротивления, какое она обнаружит, когда почувствует, что ей грозит серьезная опасность. Боясь за свои привилегии и сознавая опасность потерять все, что возвышает ее над толпою, и исчезнуть с лица земли, как сословие, она будет защищаться до последних сил и пустит в ход все средства, какими только будет распола-

гать, совершенно игнорируя всякие декреты, если таковые не будут подкреплены более существенными фактами.

Между тем, что бы мы ни делали, как бы ни старались ускорить пропаганду, новые идеи не могут везде распространяться с одинаковым успехом, и не везде умы будут воспринимать их с одинаковой готовностью. В одном месте индивидуумы увлекутся до попытки реализовать их, зато в другом месте примут их только отчасти, а в третьем возможно, что и совершенно не примут их.

Продолжительность революции будет поэтому зависеть от привилегированных классов: ибо укрепившись в упорствующих местностях и, в крайнем случае, сделав некоторые уступки, они сконцентрируют там все свои силы и оттуда поведут войну против автономных групп, образовавшихся в целях реализации новых идеалов. Все затруднения и тормазы, какие встретит таковая реализация, должны будут быть приписаны им; вредить они умеют хорошо!

Война между новым идеалом и старым строем будет беспощадная, без отдыха и перемирия; часть перипетий ее мы уже обзрели, в дальнейшем найдем еще некоторые объяснения относительно ее продолжительности.

В виду описанного выше положения дела, ясно, что в течение всего периода борьбы необходимо будет организовать производство и денежное обращение настолько прочно, чтобы восставшие не имели повода жалеть о старом порядке вещей. Это само собою понятно, и коллективисты в данном случае правы, ибо если не хватит пищевых продуктов, и если новый строй даст индивидуумам менее удовлетворения, чем буржуазный то, во-первых, окажется, что не стоило менять и, во-вторых: разочарование, которое неминуемо последует, послужит на долгое время торжеством буржуазного режима. Коллективисты неправы в одном, а именно: утверждая, что они одни знают формулу, и способны организовать будущее общество, и нельзя не считать крайним самохвальством, когда они говорят, что достаточно им захватить власть и создать декрет, чтобы новая социальная организация появилась подобно тому, как некогда свет появился по велению— Предвечного Отца. Нелепость библейских теорий была в свое время доказана наукой; здравый смысл докажет несостоятельность теорий коллективистов и отведет им надлежащее место среди фантастических вымыслов всех времен.

Предстоит одно из двух: или люди будут сознавать свои нужды и цель, к которой они стремятся, и сумеют приспособить свои силы к обстоятельствам, и в таком случае индивидуальная инициатива развернется во всю ширь и укажет им, какие меры должны быть приняты, чтобы обеспечить успех начатой революции, или же они будут действовать, как автоматы, под руководством того или другого лица и тогда они не получают того, на что им будет давать право новое положение вещей. Ими будет совершена революция политическая, но

не социальная. Будучи склонными вечно быть под чужим руководством, они получают то, что им нужно с точки зрения коллективистов, но это не имеет ничего общего с освободительной экономической революцией.

Итак в самом начале борьбы может случиться следующее: люди, вынужденные необходимостью, будут потреблять имеющиеся в наличии продукты, не заботясь о том, откуда они берутся, точно также, как будут прилагать свои силы и деятельность там, где будет нужно, приучаясь проводить в жизнь солидарность: брать у соседей и давать им, не заботясь о том, получают ли эквивалент.

Когда порядок урегулируется, потребности станут уточненнее и многочисленнее; люди должны будут сами заняться производством некоторых недостающих предметов. Они начнут сообщаться между собою, советоваться и группироваться,сообразно индивидуальным вкусам, чтобы производить что им требуется.

Это даст повод к обмену услугами, и отсюда произойдут разнообразнейшие комбинации в группировках, в зависимости от разнообразных и многочисленных потребностей человека. Таким образом люди привыкнут к солидарности и коммунизму, прежде даже, чем всякие статистические комиссии успеют сговориться относительно системы меновой стоимости и ее единицы меры. И это произойдет само собою, вдруг, единственно под давлением обстоятельств.

Мы убеждены, что человек—продукт окружающей среды, и что нужно изменить среду, чтобы переменялся человек. Если люди жадны и истребляют друг друга из-за средств к существованию, то в этом виновата антагонистическая организация буржуазного строя. Но мы знаем также, что индивидуум влияет на окружающую среду и может ее изменить. Эти два фактора, главным образом, обуславливают влияние одного явления на другое и имеют решающее значение в смысле направления эволюции.

В настоящее время эволюцию решает буржуазная социальная организация, и необходимо найти средства, сильнее действующие на умы, и потому анархисты работают над распространением своих идей, надеясь, что они дадут иное направление умам и сделают индивидуумы способными влиять на окружающую среду, и таким образом будет достигнуто одновременное, взаимодействующее перерождение человека и среды.

Если все распропагандированные анархисты будут ясно сознавать свою задачу, при глубоком убеждении в правоте своего идеала, они смогут во время революции иметь решающее значение, ибо массы легко могут увлечься их примером.

Немедленное проведение в жизнь их идеала послужит лучшим доказательством его правоты. Лучше всего убедят они в этом своих соседей, предоставляя им возможность пользоваться всеми благами взаимопомощи и солидарности.

Простые вещи доступны пониманию толпы, а во время революции развивается особенная способность легко воспринимать новые идеи, если при этом продолжительная пропаганда подготовила почву для восприятия их, то работа и по-прежнему окажется совершенно не трудной.

Впрочем, как мы уже сказали выше, всякая революция, даже политическая, является следствием эволюции нравов и стремлений масс; мы ожидаем, что предстоящая революция совершится в духе защищаемых нами идей, и вот почему мы превозносим наш идеал.

Итак, следует предположить, что еще до начала революции анархисты, путем пропаганды, сумеют провести в жизнь кое-что, относящееся к области их воззрений. Например, сумеют доказать на деле возможность соглашения между индивидуумами и организацией, без власти и принудительных законов; сумеют во взаимных отношениях между собою и к окружающей среде дать некоторые указания на то, каков будет новый строй; указания, конечно не точные ибо это невозможно при современном строе, но могущие, во всяком случае, открыть толпе глаза на преимущества нового порядка вещей перед современностью.

Многие социальные отношения ускользают от бдительности принудительных законов, как бы эти законы не были инквизиторски строгими, и масса даже теперь готова восстать, если бы кто-нибудь вздумал регламентировать эти отношения; к этим то отношениям и должна быть приурочена пропаганда анархизма для того, чтобы массы приучились понимать воззрения анархистов на социальные отношения вообще и впоследствии умели быть самостоятельными на более широком поприще и даже вступать в борьбу с существующим строем.

Мы знаем, что где власть, там и злая воля. Всякий человек, не разращенный буржуазным воспитанием, не любит, чтобы им командовали, а желает поступать по своей воле.

Если бы те, кто искренно говорит о необходимости в будущем обществе власти для поддержания в нем равновесия, задали бы себе труд проанализировать свои самые сокровенные мысли, они узнали бы, что они желают власти, лишь с оговоркой, что таковая будет или немедленно устранена, как только захочет принять какую-либо меру, польза которой не будет ими самими признана. Они мечтают только о такой власти, которая ни в чем не стеснит их свободной эволюции.

Но так думает каждый человек, и так как у каждого человека имеется свой особый взгляд на вещи, то, очевидно, всякая власть должна кого-нибудь угнетать.

Если бы убежденные сторонники власти проанализировали свои мысли, они поняли бы, что при данных условиях ими отстаивается принцип власти только против тех, кто не согласен с их воззрениями; сами они, по их мнению, настолько интеллектуально развиты, что

могут обходиться без власти, но для других они отрицают такую возможность.

Правда, некоторые поклонники власти утверждают, что чем больше человек развивается, тем больше он становится рабом ассоциации, и поэтому пытаются во имя науки, доказать, что в развитом обществе не может быть места для свободы. Это абсурд, к которому мы вернемся впоследствии.

Другие также боятся зависимости индивидуума от общества, но не заходят однако так далеко и высказываются менее утвердительно и безапелляционно, они требуют власти ограниченной, ссылаясь на то, что весьма трудно удовлетворить всех и каждого, и потому необходимо выбрать середину и установить известные правила, которые бы не позволяли никому нарушать свободу своего соседа.

Действительно, абсолютно невозможно удовлетворить всех без исключения; но мы с своей стороны заметим, что это особенно верно для тех случаев, когда одни хотят принудить других жить по одному образцу и подчиняться одной власти, что, по нашему мнению, представляет вернейшее средство вызвать всеобщее неудовлетворение, исключая тех, в чьих руках находится власть.

Таким образом страшась истинной свободы, не зная на чем обогновать проповедуемую ими власть, сторонники власти прибегли к превозглашению принципа „большинства“, доброго старого большинства, которым оправдываются все гнусности и эксцессы, все кровопролития и грабежи, которые венчаются успехом. Но так как нет ни одного человека, который бы в какой-либо момент своей жизни не возмущался бы в большей или меньшей степени против какого-либо большинства, то мы спросим тех, кто считает большинство законом, по каким признакам можно заключить о законности данного большинства? где критерий, что именно этому большинству следуют подчиняться?

Все системы власти, какие были во Франции начинали борьбу против большинства, будучи сами меньшинством, и не останавливались даже перед насильем, чтобы покорить себе большинство; пусть же нам скажут, где начинается большинство, которому мы обязаны подчиняться, и где кончается такое, которое можем игнорировать.

Если смотреть с этой точки зрения, то окажется, что социалисты уже заранее проповедывавшие подчинение непогрешимому большинству, должны были бы вместо того, чтобы ополчиться против буржуазии, покорно преклониться перед нею, ибо она представляет собою большинство, точно так же буржуазия, ныне требующая покорности от революционного меньшинства, должна была в свое время подчиниться монархии и дворянству, в руках которых была власть, вместо того, чтобы насильно вырывать ее из их рук, как было сделано ею.

Возможно, что буржуазия считает себя выше тех, кого она заменила у власти, и что социалисты, в свою очередь, считают себя выше

ея, которую собираются свергнуть: возможно, что оба правы, каждый с своей точки зрения, но это нисколько не доказывает, что пролетариат больше обязан подчиняться им, чем они обязаны были к тому же по отношению к своим предшественникам.

Удивительно, сколько покорности требуют люди, добившиеся власти от других, в то время как сами они совершенно отказывались повиноваться тем, кто им предшествовал!

Нам возражат, что все сказанное верно, когда речь идет о режимах бывших до сих пор, режимах основанных на угнетении одних другими, но что в обществе усовершенствованном, в котором рабочий нераздельно будет получать весь продукт своего труда, в котором будут процветать все свободы, образование будет доступно всем, одним словом, „в обществе,“ „которое“, „которого“, „о котором“ и проч., и проч..., рабочим будет дана полная возможность совершенно сознательно избирать наиболее преданных общему благу представителей, умеющих... управлять ими?—о, нет! конечно—руководить! направлять к абсолютному совершенству, которое конечно, сделает их—со временем, способными обходиться без руководителей!

Пусть будет так, но изучая человечество и начало его истории, мы увидим, что всякая идея, завоевавшая себе большинство и получившая, путем ли насилия, или убеждения, права гражданства на свете, достигала этого, только вытеснив другую идею, царившую раньше ее; позади каждой такой новой идеи, увидим еще более новую, которая старается оттеснить первую и, как она, пробиться к свету.

Мы думаем, что пора порвать этот заколдованный круг; земной шар достаточно велик, чтобы приютить всех и каждому предоставить то пространство, которое нужно для его эволюции; места под солнцем хватит для нас всех; и если мы хотим, чтобы эволюция шла путем мирного прогресса, то должны разрушить все то, что препятствует ее ходу и что может представить собою неожиданную преграду для неа. Нельзя подчиняться большинству, если оно деспотично. Всякая истина, всегда, во все времена, превосглашалась сначала меньшинством. Поэтому будем стараться очистить путь новым истинам, для того чтобы они могли пробиться к свету, не прибегая к помощи силы, и эволюционировать на свободе.

Как видим, переходный период, требуемый сторонниками эволюции будет периодом пропаганды, и продолжением его должна быть революция, которая, очевидно, не может сразу, в один прием изменить социальный строй.

Ходить можно научиться только, передвигая ноги; научиться быть свободными можно, только пользуясь свободой.

Чтобы ребенок научился ходить нужно не пеленать его накрепко, а давать ему барахтаться вволю; ошибочна и смешна та теория, согласно которой мы не можем обходиться без опека, так как не быв никогда свободными, не сумеем пользоваться свободой.

Что касается сторонников реформ, которые говорят нам о медленном движении вперед, о частичных реформах, о терпении и искусственной умелости, то они может быть искренни—мы знаем, что есть между ними искренние—но пусть они идут своей дорогой; мы же не можем присоединиться к ним под знамя их хитроумных измышлений.

Мы считаем нашу идею верной и стараемся пропагандировать ее, выяснять и вразумит тех, кто страдает от современной эксплуатации и хочет освободиться от нее; те, кто из предрассудка или боязни перед огромностью предстоящего труда, отступают, пусть медлят и требуют у эксплуататоров, чтобы они менее жадничали и осмотрительнее грабили. У нас есть готовый идеал, и мы хотим реализовать его, и не желаем идти на уступки из за того, что он мог бы устрашить тех, чью власть мы хотим испровергнуть.

Если на следующий день после революции нам придется начинать переходной период, то с нас достаточно того, что мы не сумели его избежать, и неужели еще нам проповедывать идею такого периода?

Правда прежде всего.

Возможно, что когда революция свершится, наши идеи окажутся недостаточно поняты массами, принявшими участие в борьбе, и не сгруппируют их вокруг себя; возможно, что большинство примет только часть их, предоставляя будущим поколениям реализовать остальную часть; возможно даже, что анархисты будут первыми жертвами той власти, которая установится: ведь участь новаторов—страдать за свои идеи.

Человеку убежденному нет дела до всего этого. Не предсказания о том, что осуществимо и что не осуществимо, ведут к освобождению людей, а борьба с тиранией. Человек, искренно убежденный, умеет бороться и страдать и только за то чтобы высказать свои идеи, и ищет награды себе не в удовлетворении мелкого честолюбия и не в льстящих самолюбию успехах, а считает лучшей наградой для себя, если пропагандируемые им идеи привьются в окружающей его среде.

Итак, нам нечего пока заботиться о том, что исполнимо и что неисполнимо, а будем думать только о том, что истинно, справедливо, прекрасно, и предоставим людям самим сделать впоследствии выбор.

Нас успокаивает мысль, что в революционное время идеи распространяются быстро; экзальтация, охватывающая людей во времена народных волнений, ускоряет функции мозговых клеток, усиливает способность мышления и облегчает понимания таких рассуждений, которые в обыкновенное время не реагировали бы на них совершенно.

В революционное время люди становятся способными на самые безумные поступки, но зато и на величайшую самоотверженность. Этим в прошлые революции всегда пользовались честолюбивые индивидуумы и всегда умели навязывать массам деспотизм, отвлекая по-

средством громких слов: „добродетель“, „братство“, „гражданский долг“ и проч. внимание их от истинного значения слова „свобода“.

Что касается нас, мы хотим, чтобы массы свободно отдавались всем своим лучшим чувствам и своему стремлению к солидарности, и чтобы они были настолько сознательны, что не позволили бы надеть на себя цепи, долженствующие якобы гарантировать им свободу.

ГЛАВА IX.

О моральном влиянии революции.

Революция, следовательно, будет переходным периодом, за которым наступит полная реализация нашего идеала. Она, действительно, будет таковым в том смысле, что разовьет умственно индивидуумов и научит их уметь быть свободными.

Впрочем, здесь мы должны сделать небольшое отступление.

„Зачем заботиться о том, что будет завтра“,—говорят нам некоторые из революционеров—„у нас достаточно дела вести борьбу против существующего строя, и некогда думать о том, что будет дальше; нельзя терять время в мечтаниях о разных утопиях, когда настоящее требует наших сил. Сперва справимся с существующим строем, а затем уже, когда он будет свержен, подумаем о том, что делать дальше“.

Тоже самое повторяют и некоторые анархисты, находя, что обдумывать будущее, значить напрасно терять время.

Но мы считаем дискуссии о будущем полезными и именно по следующей причине: все прошлые революции потому кончались неудачей, что восставшие умели только драться, относительно же организаций будущих социальных отношений и нового порядка вещей вполне полагались на своих вождей. Рабочим никогда не удавалось воспользоваться плодами победы именно потому, что стремления их всегда бывали неопределенными и туманными.

Большинство заботилось только о нуждах данного момента борьбы и ограничивалось тем, что дралось, служило пушечным мясом, а думать предоставляло другим. Конечно, идеал, стремления, цель были ясны для них: свобода, всеобщее счастье... все, как понимаем и мы, но в какой форме должна притти свобода, об этом они не думали. Им говорено было о какой-то республике, которая освободит их, о каком-то социализме, не совсем понятном, но сулящем все блага земные, и этого было достаточно: рабочие дрались за эту республику, которая должна была принести на землю счастье, и предоставляли „посвященным“, „знающим“ устраивать после борьбы их свободу и благоденствие; они терпеливо переносили нищету и ждали месяцы и годы, чтобы дать возможность тем придумать что-либо совсем подхо-

дащее, и когда, наконец, выведенные из себя страданиями, лишениями и нуждой, они теряли терпение и требовали исполнения обещаний, им отвечали пулями и огнем!

Для того, чтобы это больше не повторялось, и чтобы на рабочих на другой день после революции не надевались цепи, сброшенные ими накануне, нужно, чтобы рабочие, когда опять прибегнут к силе, ради завоевания своих прав, знали, чего они хотят; нужно чтобы они знали, какие из современных учреждений больше всего им вредят, и что бы не давали себя обманывать, а умели, не полагаясь ни на каких руководителей, сами покончить навсегда со всем тем, что подлежит уничтожению.

Легко, правда, сказать: „Не будем заботиться о том, что произойдет завтра; у каждого дня—своя забота; займемся сначала устранением того, что нам мешает, а там посмотрим, что будет“. Нам понятно нетерпение, с каким люди стремятся выбраться из грязи, в которой увязло человечество, но если мы хотим, чтобы истины, проповедуемые нами, были понятны тем, кого желаем убедить, нужно, чтобы они имели ясное представление об этих истинах, как относительно настоящего, так и относительно будущего времени.

Так как революции совершаются только идейным путем, то мы хотим очистить почву, на которой нам придется сражаться, и устранить с дороги все преграды: предрассудки, загораживающие нам путь. Люди только тогда будут уметь обходиться без руководителей, когда убеждения в них будут твердо основаны на рассудке.

Нельзя вести за собою массы словами; нельзя под названием: свобода, социализм преподносить им всевозможные регрессивные системы. Конечно; нет возможности, чтобы каждый индивидуум был посвящен по всем пунктам и во всех деталях, ибо события могут захватить нас врасплох, прежде чем это будет достигнуто, да этого впрочем и не нужно; пусть только у каждого будет ясное понимание своей индивидуальности; пусть каждый знает, что его индивидуальность будет признана только тогда, когда он будет признавать чужие индивидуальности; в остальном им будут руководить обстоятельства.

Индивидуумы должны, кроме того, знать, что в их деятельности должно остаться неизменным, и чему они должны препятствовать возражаться, для того, чтобы победа была обеспечена. Дело идет хорошо, когда знаешь, чего хочешь.

Конечно, нужно бороться с современным строем со всей энергией, но борьбу эту нужно понимать шире, исследовать ее всесторонне и тогда окажется, что работа найдется для всех людей с доброй волей.

Чтобы произвести переворот, о котором мы говорим, понадобятся силы и самоотверженность всех, безразлично в какой форме, лишь бы они были направлены к выяснению истины и уничтожению предрассудка. Каждый по своим силам! Разделение труда, в данном случае, открывая простор инициативе каждого, поможет нам испровер-

гнуть угнетающие нас учреждения, ибо даст возможность вести против них атаку одновременно со всех сторон.

Социалисты говорят нам: Без какого-либо правительства вы не сможете помешать фабрикантам, землевладельцам, собственникам и прочим капиталистам сделать контр-революцию и вернуть себе власть.

Они не делали бы нам столь жалкого возражения, если бы задали себе труд подумать о том, сколько энергий будет потрачено на победу социальной революции, и если бы помнили, что силу буржуазии составляют современные учреждения пролетариата, в соединении с невежеством и разрозненностью, каковые исчезнут, раз восторжествует революция. Если буржуазия при всей ее огромной силе не сумеет, как предполагается, победить народ, то тем более не найдет в себе силы разрушить новый строй и восстановить старый, основанный на эксплуатации, порядок вещей.

Предположить, что рабочие дадут себя распропагандировать буржуазией и согласятся возвратиться под ее иго, это значит предположить, что революция не принесет тех улучшений, которых они ожидают, и что надежды, возлагаемые ими на революцию, окажутся обманутыми в полном объеме.

Капиталисты, будучи предоставлены сами себе, не сумеют отстоять своей эксплуататорской системы: им нужны армия, полиция и бюрократия, которые поставляются пролетариатом; задача революции — уничтожить все это: ведь и в настоящее время уже большинство защитников буржуазного строя является таковыми, вопреки своей воле.

В обществе, в котором индивидуумам будет предоставлено свободно эволюционировать, без каких-либо стеснений и при полном удовлетворении всех потребностей, не найдется охотников идти служить буржуазии, не могущей обещать более того что они в состоянии достать себе без нея.

Произойдет одно из двух: либо буржуазные учреждения исчезнут, и тогда рабочие поймут, что новый режим — благо и сумеют защитить его; либо буржуазия окажется сильнее, но тогда и революция не будет окончена: нужно будет продолжать бороться, и борьба должна будет быть делом восставших рабочих, а не какого-нибудь правительства.

Наличие организованного правительства угрожала бы еще большей опасностью, а именно: ретроградные элементы могли бы хитростью или насильем завладеть им и распорядиться коллективными силами против народа, чего следует как нельзя больше бояться.

Конечно, рабочие никогда добровольно не вернуться под ярмо; точно также всегда революция будет делом сознательного меньшинства, которое силою убеждения и примером увлечет за собою массы; массы будут постепенно просвещаться и развиваться уметвенно, но в самом начале все-таки будут склонны подчиняться тем, кого сочтут своими руководителями. Тогда то и нужно будет стараться не допустить,

чтобы они учредили над собою правительство. Будучи предоставлены самим себе, они под давлением обстоятельств сами найдут ту систему организации, какая им нужна.

Другие, в опровержение наших доводов, указывают нам на дурные инстинкты человека: как устранить покушения на личность? Как избежать того, чтобы отдельные индивидуумы не захватывали лучших мест и не нарушали таким образом хода коллективного общества? Как препятствовать таким и тому подобным проявлениям, вытекающим из последствий существующего ныне строя?

Конечно, мы не станем утверждать, что сам по себе факт революции превратит людей сразу в ангелов, у которых будет одно только стремление: делать друг другу приятное и жертвовать собою ради других. Пора оставить басни на этот счет и не приписывать нам того, чего мы не думаем.

Мы думаем, что за весьма редкими исключениями, самые развращенные натуры не делают зла ради зла. Мы утверждаем и докажем, что современное общество своей организацией, основанной на антагонизме интересов, само создает рознь, его разлагающую, и само вынуждает индивидуумов вредить друг другу.

Несмотря на многочисленность побудительных причин для совершения зла, несмотря на выгоды, какие можно бы извлечь, делая его, большинство индивидуумов не поддается влечению ко злу, и только меньшинство подчиняется своим дурным влечениям, да и то чаще всего под влиянием среды, обстоятельств, воспитания, всего, что вытекает из плохой общественной организации.

Следовательно, если причиной преступлений является плохая общественная организация, то вместе с нею должны исчезнуть и преступления. Современное общество, являясь причиной преступлений, преследует только их последствия, и потому воздействие общества только умножает преступления, подобно тому, как перед глазами дровосека, срубающего только ствол дерева, через некоторое время на пне появляются новые ростки и вырастает два, три, пять новых стволов. Мы же стремимся выкопать и сжечь самый корень, чтобы от него ничего больше не произросло.

И если в будущем обществе появятся преступления, то разве только как единичные случаи атактистического характера, требующие со стороны общества пресечения, но из-за которых не придется иметь особого общественного механизма.

Собственность и нищета—вот главные причины преступлений. Повторяем, человек не убивает ради удовольствия убивать. Если пересмотрим все знаменитые уголовные процессы, где убийство всеялет больше всего ужаса и отвращения, мы найдем везде одну и ту же побудительную причину: корысть. Даже убийства из мести, которые могут быть отнесены к категории преступлений аффективных, в большинстве случаев зарождаются на почве столкновения интересов, и

еслибы можно было анализировать все такие преступления, то разве только немногие оказались бы не подходящими к этой категории.

Воровство, самое частое преступление, иногда наказуемое строже, чем убийство, прямо вытекает из частной собственности и нищеты. Когда не будет нищеты и частной собственности, воровство перестанет иметь *raison d'être*, ибо человек, у которого есть все, что ему нужно, не пойдет воровать.

Мы видим пример на некоторых диких племенах, у которых частная собственность приведена к простейшей ее форме: ограничена хижиной, где живет семья, и предметами непосредственного обихода, все же остальное находится в свободном распоряжении всех; за исключением случаев, когда отдельные индивидуумы уже сумели захватить в свои руки некоторые функции власти, никогда среди этих племен не бывает, чтобы более сильный субъект захотел выселить обитателей хижины и поселиться в ней сам, или отнял бы у другого его охотничьи и рыболовные принадлежности.

У других племен человек, удалившийся от своей хижины, если почувствует голод, заходит в первую попавшую хижину, садится вместе с другими и берет из котла, не спрашивая разрешения; затем наевшись, уходит не поблагодарив хозяев, и последним не приходит даже в голову считать свои права собственности нарушенными, ибо сами они на месте ушедшего, поступили бы точно так же, для них это вопрос привычки и взаимности услуг и только.

Разве обычай этих народов не лучше наших, при которых голодный должен или идти унижаться, или красть? Быть может, в описываемом примере замечается отсутствие требуемых учтивостью ребяческих формальностей, но это дело поправимое, во всяком случае нужно этим обычаям оставить их первобытную простоту.

„Прекрасно—скажут нам—но есть еще преступления аффективные; эти не продукт современной социальной организации, а проистекают от дурной природы индивидуумов, их нельзя искоренить путем изменения среды, и вы будете вынуждены принять какие-либо меры против виновных“.

Да простят нам наши оппоненты, но в относительно этих преступлений мы утверждаем, что они только результат плохой социальной организации. Мы уже видели раньше, когда говорили о мести, что если все такие преступления раскрыть и анализировать, как делают это с человеческим трупом или химическим составом, то в большинстве случаев окажется, что первопричиной была корысть. Еслибы рассмотреть одну за другой все драмы, разыгравшиеся на почве аффектов, то во всех нашлись бы следы плохой социальной организации, следствия рокового закона, или по крайней мере дурного воспитания, т. е., какого-нибудь предрассудка, привитого социальным воспитанием.

Если бы все отдельные индивидуумы были приучены уважать не какой-то закон, о котором они имеют туманное представление, а свободу своих близких, заслуживающую в той же мере уважения, как их жизнь, то знали бы, что нарушая эту свободу, они рискуют навлечь на себя репрессии. Если бы у них не было надежды на то, что можно избежать возмездия со стороны обиженных, умело прикрывалась текстом закона, то, по всей вероятности, мы не видели бы вокруг себя столько поруганий, оскорблений и насилий над личностью человека.

В преступлениях чисто аффективных, где преступник иногда вызывает даже сочувствие, а современные судьи выносят ему оправдательный вердикт, и там можно отыскать следы рокового влияния современного общества.

Если бы мужчина на основании закона и в силу существующего предрассудка не привык смотреть на женщину, как на низшее существо, вещь, ставшую его собственностью, потому что она согласилась ему отдаться, мы бы наверное реже видели его убивающим предмет своей страсти, когда она отказывается от его „любви“; наверное было бы меньше обманутых мужей, вымещающих злобу на той, кем был нарушен брачный договор, и если бы они не сознавали, что закон на их стороне, то наверное были бы менее жестоки.

А разве адюльтер не продукт бессмысленного закона, вадумавшего регламентировать половые отношения? не результат общественного строя, благодаря которому экономические соображения вмешиваются там, где должны были бы приниматься в расчет только чувства? того строя, который с одной стороны не допускает соединения двух любящих друг друга людей, а с другой стороны препятствует разводу? Результатами такого рода моральных принуждений, вытекающих из ложно направленного воспитания, являются лицемерие и ложь. Общество порицает мужа и жену, которые разводятся вследствие того, что перестали симпатизировать друг другу, но снисходительно смотрит, когда они, соблюдая внешние приличия, обманывают друг друга, потихоньку, лишь бы не давали повода к лишним разговорам.

Нарекание на наличность вышеописанных явлений—бессмысленно, ибо построенное на лжи, лицемерии и двоедушии общество может порождать только насилие и бесстыдство даже в области отношений, которые, казалось бы, должны были вытекать единственно из индивидуальных наклонностей людей. Стесненная в своих самых интимных стремлениях, вынужденная лгать и обманывать, ради того ли, чтобы соблюдать приличия или ради того, чтобы не создать себе невыносимого существования в умственно ограниченной социальной среде, индивидуальность человека с'еживается, атрофируется и развращается и, разве только иногда, будучи выведена из терпения, мстит за себя.

После того, как покушения на жизнь будут искоренены, а покушения на собственность станут невозможными, обществу останется считаться только с мелкой рознью между соседями, ежедневным ма-

териалом нынешнего гражданского и уголовного судопроизводства, но ради этого вряд ли нужен будет весь тот репрессивный судебный механизм, которым охраняет себя современное общество. И в этом смысле сыграет роль благотворительное влияние социального переустройства, ибо оно изменит взаимные отношения между индивидуумами и смягчит причины розни.

Остаются преступные индивидуумы, преступления которых необъяснимы никакими побудительными мотивами, кроме зверской необузданности и извращения чувств.

Но ведь они—исключение очень редкое, и законы по отношению к ним бессильны, а репрессии не имеют никакого влияния; такие преступления принадлежат к патологии, и юстиции не касаются.

Врач, или анатом, занимающийся наукой ради науки, а не ради почетных отличий, нашел бы в мозгу такого преступника, путем анализа, некоторые изменения, важные с точки зрения научной правды, а не с той точки зрения, с которой современный ученый в угоду обществу становится пособником палача.

Ибо верно то, что такой преступный суб'ект повинуется импульсам, независимым от его воли. Общество имеет право защищаться, но ни оно, ни кто-бы то ни было другой не имеет права наказывать, или награждать. Прежде чем делать индивидуум ответственным за свои поступки, метильное общество должно было бы спросить себя, не оно ли само виновато в том, что он преступник; ибо оно вынуждает часть своих членов жить в нищете, невежестве и безнравственности, отказывая им в средствах к развитию, которыми располагает только для избранных, и создавая таким образом для них жизненные условия, низводящие их до уровня их предков времен каменного периода, если верно, что люди того века были так дики, как о них говорят.

В будущем обществе могут повторяться случаи насилия, и каковы бы ни были побудительные причины, придется защищаться от него. Но жертвам насилия будет предоставлена законная защита против тех, кто будет покушаться на их жизнь или свободу; всякий человек, если он не окончательный общественный, всегда найдет друзей, готовых за него заступиться; всякий акт произвола возмущает нас, даже тогда, когда, жертва его нам незнакома, и вызывает в нас желание защитить ее. Нужно, чтобы каждый человек имел смелость защищаться именно тогда, когда совершается покушение на него, и чтобы обидчик наказывался бы тут же публично; этого требует здравая мораль, и это доказывало бы, что мы не боимся своих поступков.

Но прятаться за могущественный репрессивный аппарат, направляющий всю совокупность социальных сил против единичного индивидуума, и утверждать, что он несет законную кару за проступок, которого судьи не видели и побудительных причин которого не знают, это—верх трусости. На каком основании общество присваивает себе принадлежащее индивидуальной личности право наказывать, если

оно не сумело предупредить преступление? По какому праву оно говорит о защите, если оно не было в состоянии материально обеспечить эту защиту? Насколько нам понятно лишение жизни врага, от которого мы вынуждены защищаться, настолько нам кажется отвратительным убийство, совершенное при театральной обстановке, хладнокровно, без боязни каких либо репрессий, декретированное, и методично исполненное над безоружным беспомощным человеком, якобы, ради того, чтобы научить его уважать жизнь своих ближних. Пусть, в таком случае, сам судья приводит в исполнение приговор!

Наказание преступника никогда не влияло на прекращение преступлений, и вся организация полиции с ее бесчисленным персоналом никогда не предупреждала ни одного акта насилия. Преступления умножаются под влиянием событий и нищеты, и акты насилия прекратятся, если общество обеспечит существование каждого, водворит на месте ненависти—любовь.

Конечно, было бы безрассудством думать, что все болезненные аномалии и порождающие их причины исчезнут внезапно; мы слишком долго от них страдаем, и путем наследственности они слишком глубоко внедрились в наше существо, чтобы не продолжать передаваться еще многим будущим поколениям, но проявления их будут постепенно ослабевать, ибо исчезнут очаги, дающие им силу, и хотя это покажется парадоксальным, но мы утверждаем, что революция в этом смысле будет иметь благотворное влияние.

Замечено, что болезни и эпидемии слабее развиваются среди народонаселения в периоде народных волнений, когда массы назлектризованы; это объясняется тем, что борьба, движение, энтузиазм, умственное и волевое напряжение,—все это поднимает жизненные силы человека до высокой степени интенсивности, анулирует болезнотворные элементы внутри его и делает его устойчивым против таких же элементов, действующих извне.

Длинный революционный период, который предстоит пережить человечеству, обострит в каждом индивидууме элементы его жизни и доведет их до такой степени крайней напряженности, что этот период сам по себе будет способствовать перерождению человека, ибо поможет устранению тех причин, которые в настоящее время ведут человечество к полному вырождению.

Будущее общество, создав для человека нормальные условия существования, освободит его, если не от всех болезней, ибо нужно считаться с несовершенством нашей природы, то по крайней мере от тех, которым мы обязаны нашему невежеству и алчности эксплуататоров, и выведет его на путь дальнейшего совершенствования.

ГЛАВА X.

Индивидуальная личность и Общество.

Из того, что анархисты, противники высшей власти, хотят полного перерождения современного общества, выведено заключение, что они враги общества вообще. Их обвиняют в том, что они стремятся к возврату в первобытное состояние.

Анархисты знают, что человек не может жить изолированным, и что люди должны ассоциироваться, для того чтобы наилучшим образом использовать свои силы; поэтому анархисты хотят, чтобы общественная организация была основана на солидарности, а не на антагонизме, и оставляя в стороне воззрения прежних социологов и современных политико-экономов, принались за изучение такой системы общественного строя, при которой общество приспосабливается к потребностям индивидуумов, а не индивидуумы к произвольно организованному обществу.

Согласно учению буржуазной политической экономии, индивидуальная личность не что иное, как крошечная частица общества, которое представляет собою сложный живой организм, вмещающий в себе все человечество. Индивидуум есть только клеточка в этом организме и так как по теории политико-экономов—клеточка—деление организма, то и единственный человек, следовательно, должен быть в полном подчинении у человеческого общества.

Исходя из этой точки зрения апологеты буржуазии селятся оправдать заработную плату и зависимое положение пролетариата. Для них общество есть мировой организм, эволюционирующий и имеющий право ради своего развития переделывать по своему усмотрению индивидуумов, составляющих его существо. Критерием эволюции и прогресса общества служит, по их мнению, неслыханная роскошь, проявляемая привилегированным меньшинством, которое сосредоточило в своих руках капитал и безумно расточает миллиарды ради того, чтобы их блеском ослепить толпу.

А что роскошь меньшинства окупается ценою древнейшей нищеты большинства, что накопление капиталов в руках немногих происходит в ущерб тем, кто их вырабатывает своим трудом, об этом они не думают!

Пусть миллионы умирают от голода, лишь бы безработица происходила вследствие переполнения магазинов, лишь бы капиталы Ротшильдов, Вандербильтов, Джей Гульдов и Макаев доказывали, что общество богато! оно так богато, что из-за избытка продуктов вынуждено вести войны с „дикарями“ с целью заставить их носить штаны, в то время, как идеал этих несчастных—ходить с непокрытой задней частью тела и без рукавов! Так богато, что отдельные лица швыряют миллионами и не знают, на что тратить свои доходы.

На основании таких именно рассуждений проповедают людям, что они должны уважать существующие социальные учреждения; что масса обязана жертвовать собою ради частных интересов, и что отдельные люди, ради сохранения своей доли благосостояния и безопасности, должны защищать привилегии эксплуататоров против тех из товарищей по неволе, которые, будучи дальновиднее их, хотят изменить современный строй.

На самом деле, социальный строй является для человека орудием освобождения его от сил природы; средством расширить поприще его деятельности, развить в нем самостоятельность и силы, необходимые для преодоления препятствий, а равно и средством уменьшения до минимума количества времени, нужного на производство предметов первой необходимости, вследствие которого труд стал бы удовольствием, а не наказанием, какам он является в настоящее время.

Как далеко мы не возвратимся назад в истории человечества, мы застаем людей, соединившихся в ассоциации; среди самых некультурных народов, не имеющих истории, и там видим группировки в несколько человек или семейств.

Изучая доисторические времена, мы находим следы таких ассоциаций за несколько тысячелетий до нашего времени.

В какой период своего развития человек начал искать общества ближних? В какую эпоху он почувствовал потребность соединить свои силы с другими, чтобы одолеть врага или положенные природой препятствия? Было ли это в каменный период, или раньше, когда его человеческая натура едва лишь начинала выделяться из первобытного животного состояния; или еще раньше, когда ничто не позволяло предчувствовать под грубой оболочкой животного будущего властелина мира, который в гордости своей отречется от своего происхождения?— все это для нас безразлично.

Для нас индивидуум предшествовал обществу, и не он должен покоряться произвольно установленным порядкам, а порядки эти должны быть приспособлены к его развитию.

Нет сомнения, что первые ассоциации людей или антропопитеков были временные и основанные на абсолютном равенстве. К ним влекло отдельных индивидуумов, вероятно, бессознательное еще чувство общности, и наверно то, что в ассоциациях они находили себе более спокойное существование и лучшее возмещение понесен-

ных трудов, так как продукты распределялись по потребностям, по крайней мере, главным потребностям, сообразно съ добытыми результатами. Опыт перехода от природного изолированного состояния к ассоциации показывает, что будущий человек тогда уже понимал или предчувствовал, что только путем соединения всех сил с силами ближних он сможет в борьбе за существование устоять против врагов, вооруженных лучше, чем он.

То обстоятельство, что мало-по-малу человек дал себя поработить и подчинился власти и эксплуатации, навязанным ему несколькими индивидуумами, которых он признал своими главарями, не означает прогресса, а наоборот, доказывает если не полнейший регресс, то во всяком случае задержку и замедление прогресса, ибо с того дня, в который появились главари, одна часть сил стала уходить на поддержание их авторитета, а другая часть или тратилась на борьбу против него, или была парализована самим фактом его существования. Таким образом терялась напрасно сила, которая могла бы быть лучше использована на борьбу с враждебными явлениями окружающей природы.

Из того, что более сильные и более ловкие индивидуумы сумели обратить в свою исключительную пользу эти зачаточные ассоциации, в ущерб прочим сочленам, не следует, что эксплуатация их закона.

Если первые опыты были направлены на неверный путь, то это не значит, что так должно быть и впредь; если наши предки были настолько наивны, что стерпели ярмо, надетое на них тогдашними эксплуататорами, или были слишком слабы, чтобы сопротивляться им, то неужели мы, нынешние их потомки, понимающие свои права и сознающие свои силы, будем продолжать нести это иго.

Такая теория была бы чересчур удобной. Даже в обществах в мире животных, на которые нам указывают, когда хотят доказать целесообразность власти, даже там нет того, чтобы индивидуумы приглашались работать для своего главы, удовлетворять все его прихоти, каковы бы они ни были, терпеть лишения, и недоедать, в то время как он истреблял бы и расточал продукты труда всего общества.

У пчел и муравьев, как мы уже видели в одной из предыдущих глав, существует специализация работы, и индивидуальная личность дифференцировалась в отдельные типы. Так как интеллект не дал им изобрести орудия из неодушевленной материи, независимые от их организма, то таковые заменяют им члены их тела, и эти члены-орудия, развиваясь в направлении специализации, повлекли за собою соответствующее изменение всего организма. Изменения эти передавались от поколения к поколению, и таким образом выработалось, в среде одной и той же разновидности, несколько различных индивидуальных типов, которые представляют как бы отдельные разновидности.

Однако дифференциация способностей и специализация труда отнюдь не допускают подчинения какой бы то ни было власти; каждый индивидуум работает согласно своей природе на общее благо, потому что общее благо есть и его собственное; каждый участвует в труде сообразно своим способностям, но за то участвует и в потреблении с'естных запасов, сообразно своим потребностям. Когда муравей голоден, он трогает своими щупальцами сытого товарища, и тот отпрыгивает ему части пищи, содержащейся в его желудке, и еслибы один из них вздумал расточать запасы общины, то товарищи не замедлили бы проучить его.

Мы не требуем от представителей буржуазии, чтобы они были столь же предупредительны, как муравьи, и когда говорим, что заставим их отпрыгнуть, то конечно в другом смысле. Но они, которые даже в мире насекомых ищут аргументов в защиту буржуазного строя, они не должны бы забывать, что эти крошечные животные не терпят паразитизма своих собратьев и умеют предупредить его!

У пчел мы находим один класс индивидуумов, который можно сравнить с современной золотой молодежью; это сброд веселых виверов, единственное времяпрепровождение которых составляют любовь и продолжение рода. Подобно современным молодым представителям буржуазии, эти аристократики живут плодами чужого труда и сами никогда не работают. Правда, в свое оправдание они могут сказать, что ввиду специализации труда, и так как рабочий класс состоит из выродившихся самок, они нужны для населения улья, ибо без них невозможно нормальное продолжение рода. Но несмотря на такое оправдание, по исполнению их назначения: оплодотворения самки, рабочие спешат убить их, чтобы не кормить ненужных дармоедов.

А пчелиная царица, являющаяся якобы эмблемой монархической власти! и она вынуждена была сойти с высоты и довольствоваться ролью, более скромной, но за то и более полезной.

Ть из ученых, кто более заботится о правильном освещении фактов, чем о поисках за оправданиями для сильных мира сего, распределяющих пенсии и награды, признали по тщательном изучении жизни улья, что якобы царица—не что иное, как мать небывалой среди людей плодовитости, ибо она в буквальном, а не только в переносном значении слова, мать своего народа. Если за ней более ухаживают и лучше кормят, чем прочим, и если она как будто не принимает участия в трудах общины, то это только потому, что у ней есть гораздо более важная работа: непрерывно класть яички, чтобы обезпечить потомство для колонии.

Возьмем простейшую ассоциацию среди млекопитающих, напр., жвачных. Стадо, состоящее из самок и молодежи, под предводительством матерого самца—вот и все общество. Но и здесь никто не работает для прокормления так называемого вожака. Единственная

его привилегия—это исключительное право на ласки самок, не оспариваемое у него молодыми самцами.

Зато на нем лежит обязанность заботиться о безопасности стада, в то время как оно пасется и молодые играют; он обязан подавать сигнал при приближении врага, быть последним при отступлении и защищать тыл.

Когда молодые самцы вырастут, они отобьют у него самок, и если он достаточно еще силен, то прогонит их из стада и будет вынужден довольствоваться остатками своего гарема. Но и здесь мы не видим ни следов власти, ни эксплуатации.

У одних только муравьев мы находим следы эксплуатации в виде рабства; но это рабство только относительное, ибо рабами являются исключительно рабочие муравьи, принадлежащие к другой разновидности и взятые еще куколками. Они рождаются у своих повелителей и не могут себя считать принадлежащими к одной с ними разновидности, ибо в сущности исполняют только те функции, которые должны были бы исполнять в родном муравейнике.

Везде мы находим солидарность, а если иногда и встречается подчиненность, то сознательная, обдуманная и всегда основанная на согласии индивидуума, а не слепая покорность. Бесчисленные восстания, какими обозначен исторический путь пролетариата, революции против правительств всех времен ясно доказывают, что хотя попытки к освобождению были подавляемы, но чувство независимости никогда не угасало в душе индивидуума, и притупляясь только на время, вновь возгаралась всякий раз, когда этого требовали события.

Следствием предрассудков, привитых воспитанием, было то, что после каждой революции люди возвращались к старым привычкам власти и гнета. С первого момента, как человечество начало себя помнить, оно было всегда управляемо, и поэтому неудивительно, что оно не может верить в ничем не регламентированную свободу. Но в настоящее время предрассудки падают под ударами, наносимыми им духом критики, и врожденное чувство независимости находит себе надеждающее выражение: человечество не желает больше иметь повелителей и требует свободы.

Итак ассоциация необходима человеку; она условие *sine qua non* его интеллектуального развития. Но из того, что человек не может жить вне общества, не следует заключать, что он должен приносить себя в жертву ассоциации, ибо общество имеет *raison d'être* постольку, поскольку оно выгодно для индивидуума. Если оно ему вредит, то он имеет право уклониться от него, и в таком случае мы должны будем признать, что общество, эта абстрактная величина найденная социологами и политиками, по существу своему не имеет никакого права и никакой власти над индивидуумом; что благосостояние индивидуума ни в каком случае не должно приноситься в жертву обществу: что такие величины, как: власть, собственность, отечество,

семья—только орудия, придуманные теми, кому это выгодно, для упразднения индивидуальности человека и эксплуатации его в их исключительную пользу.

Что общество не имеет потребностей, ему только свойственных, и не представляет собою независимого организма—это очевидно, и всё сравнения, которыми хотят нас убедить, слишком искусственны и бездоказательны. Во многих случаях общество можно сравнить с организмом, и сравнение будет более или менее удачно, но полной идентичности не существует.

Индивидуумы ассоциируются ради того, чтобы наилучшим образом использовать свои силы; ассоциация бывает временной или постоянной; взаимные отношения индивидуумов в ней могут быть самыми разнообразными, но все это не создает отдельного живого существа, и, когда во имя этого якобы организма пред'являются какие то особые права, противоречащие правам индивидуумов, его составляющих, то это только доказывает, что те члены ассоциации, которые присваивают себе право управлять обществом, желают выдвинуть вперед свои личные интересы в ущерб интересам прочих членов ассоциации.

Если бы общество было построено на естественном базисе, то социальные интересы не сталкивались бы в нем с индивидуальными; представляя собою конгрегат клеточек, животное не ощущает в себе ни одной потребности, которая вредила бы составным его частям, разве только в случаях патологических, и тогда результатом является гибель части клеточек, и за нею, как следствие, гибель самого животного.

Таково именно состояние современного общества, настолько неуравновешенного, что в нем не только общественные интересы идут в разрез с индивидуальными, но и частные интересы каждого человека находятся в конфликте с интересами его соседей; это состояние патологическое, порождающее гибель целой массы индивидуумов и вместе с тем вносящее беспорядок в общество и влекущее его к упадку и разложению.

Стремление рассматривать и по-днесь человека, как простую принадлежность общества не мало способствовало заблуждению изобретателей социальных систем, которые приносят свободу человека в жертву ради процветания той или другой системы, ими произвольно придуманной.

Что касается анархистов, то они хотят строить свое здание на истинной природе человека и истинном значении ассоциации, и видят в человечестве только обширное поприще, на котором могут свободно эволюционировать всевозможные темпераменты, идеи и концепции. По их мнению, общество имеет право на существование и развитие настолько, поскольку оно внесет улучшение в жизнь человека, взятого как индивидуально, так и вообще; и поскольку оно будет способствовать его прогрессу, предоставляя полный простор его способностям и не

полагая никаких ограничений, вредных его личности, кроме уже существующих в силу естественных условий, среди которых он живет.

Некоторые из социалистов, опираясь на мнение Геккеля, следующим образом стараются оправдать свои централистические стремления:

„Будем рассматривать—говорят они—любой порядок явлений, самого различного характера, напр., космогеническую теорию, согласно которой путем постепенного сгущения материи, свободной и колеблемой волнами вихреобразного движения, возникают небесные тела, коих массы, во взаимной связи, подчинены действию одних на другие;—или: нервную систему, а следовательно и интеллект, которые развиваются по мере концентрации клеточек, распределяющихся по разным подразделениям, вокруг общего органа-центра;—или: речь, которая развивается, начав с последовательного расположения слов, неизменяемых и независимых друг от друга, и кончая изменением смысла в связи с изменением составных их элементов, при чем сами слова изменяют свое значение, сообразно взаимному их отношению—со всякой точки зрения мы видим, что эволюция совершается переходом из состояния свободного в состояние концентрированное, и что по мере увеличения концентрации частиц увеличивается и взаимная зависимость их, т. е. действие частиц становится все менее и менее самостоятельным и независимым от содействия других частиц“. (Г. Девиль, „Анархизм“).

Чего только не скажет человек с авторитарным складом ума! Группируясь, клеточки становятся зависимыми друг от друга, и г-н Девиль выводит отсюда заключение, что ни одна из них не может шевелиться без разрешения других. Глубокое заблуждение, господа сторонники власти, очень глубокое! Ассоциируя свои силы, люди, как и клеточки, становятся в зависимость друг от друга только в том смысле, что как хорошее, так и дурное ощущение, испытываемые целым, отражаются на составных частях и, наоборот, ощущение одной составной части передается в большей или меньшей степени целому.

Если бы в конgregate клеточек, вошедших в состав сложного организма, для одной группы их создалось больше дурного, чем хорошего,—как это произошло в современном обществе с рабочими—то ассоциация не имела бы места, а вы, господа, хотите, чтобы человек с его умом продолжал выносить порядок вещей, которого не стали бы терпеть бесконечно малые существа, с самыми простейшими мозговыми центрами.

Из вышеизложенного явствует, что между ассоциировавшимися индивидуумами должна быть самая тесная солидарность, но из этого не следует, что должна быть связана свобода каждого из них; если бы ваши рассуждения, господа, были верны, то оказалось бы, что ассоциация вредна для человека, ибо подавляет в нем индивидуальность, между тем как свобода—общее стремление человечества! Чтобы сохранить независимость, человек, следовательно, должен был бы су-

пствовать изолпированным; вывод столь же абсурдный, как и все рассуждение, из которого он выведен.

Создав себе машины, которыми можно работать после самой непродолжительной подготовки, человек—в противоположность клеточкам и насекомым—избегал необходимости переформировать свой организм. Обладая столь чудным органом, как рука, которой он приводит в движение все машины, придуманные его изобретательным умом, он имеет возможность, не прибегая к индивидуальной специализации, приспособляться ко всем обстоятельствам борьбы за существование.

Способности и концепция бесконечно разнообразны в людях, но не вызывают никаких изменений в организме человека, и делают для него невозможным приспособление к таким наклонностям, каких у него не было в зародыше, и таким образом положение его в обществе не имеет никакого сходства с специализацией труда у клеточек и наличием бесполок у насекомых.

Впрочем, все якобы научные доводы опровергаются самой буржуазной наукой устами одной личности, которая отрицая власть с научной точки зрения, признает ее в политике и между представителями власти занимала не последнее место.

„Действительно ли существует между ними (многоклетчатыми существами) централизация, о которой говорит г. Геккель? Подразделяются ли в них клеточки на клеточки повелевающие, и клеточки повинующиеся, на господ и слуг? Все известные нам факты дают весьма определенный отрицательный ответ на эти вопросы“.

„Я не буду настаивать на очевидно существующей автономии каждой клеточки в многоклетчатом организме. Ни г. Геккель ни кто-либо другой не отрицают существование ее, но важно выяснить в точности ее пределы; тогда мы увидим, что она гораздо шире, чем полагают, и что если верно, что все клеточки зависят друг от друга, то не менее верно и то, что ни одна клеточка не командует над другими, и что даже самые высшие многоклетчатые организмы ни в каком случае не могут быть сравниваемы с монархией либо каким-нибудь другим правительством, авторитарным и централизованным“ (Ланессан, Transformation стр. 183).

И дальше:

„Автономия и солидарность; этими двумя словами резюмируются условия существования клеток во всяком многоклетчатом организме, и автономия и солидарность должны войти в основание всякого общества, если таковое будет строиться по образцу, заимствуемому у существующих живых организмов“ (Оп же, стр. 196).

Нам говорят, что с какой точки зрения ни смотреть на эволюцию, окажется, что она всегда совершается путем перехода от формы хаотической к координированной. Мы, анархисты, говорим тоже самое; нами всегда признавалось, что если индивидуальной свободѣ будет предоставлена возможность проявляться, то в начале будут происходить

явления, кажущиеся нелогичными, но ввиду зла, которое мы терпим от современного строя, основанного на власти, желательнее переносить хаотическое состояние, чем возвращаться к власти, доказавшей уже на деле упорядочения свою полную несостоятельность.

Предоставим индивидуумам свободу ассоциаций, и пусть свободно развиваются идеи, и в очень непродолжительном времени все недоразумения, колебания, ошибки исчезнут сами собою, в силу их вреда для индивидуумов, и воцарится общая гармония и координированная деятельность всех наших способностей и сил.

Итак, общество не есть организм, существующий сам по себе, и его существование не независимо от существования индивидуумов, его составляющих. Само по себе оно—ничто. Если индивидуумы будут уничтожены, общество перестанет существовать; но если распадется общество, и индивидуумы изолируются, они будут жить плохо, возвратятся в первобытное дикое состояние, и способности их будут регрессировать, но, в конце концов, они все-таки будут продолжать существовать.

Мы видели, что в живых организмах, даже самых высших, клетки, хотя связанные между собою тесной солидарностью, остаются самостоятельными, и поэтому сравнение сторонников власти неудачно. Теперь увидим, что оно более чем неудачно; оно—нелогично.

Образовать столь значительное скопление, какое нужно, например, для млекопитающего, и выработать такое разделение труда, при котором каждая клеточка занимает определенное место в колонии и исполняет всегда одинаковую долю труда, клеточки могли только при том условии, что в самом начале возникновения агрегации отдельная клеточка не сознавала своей индивидуальности и не имела предрасположения к той или иной работе; если из клеточек одни сгруппировались для образования мускулов, другие—кожи, шерсти, костей, если одни вырабатывают кровь, другие лимфу, желчь, еще другие—мысль, никогда не выходя из своей специальности настолько, что приспособление к другой работе для них до такой степени невозможно, что они атрофируются и гибнут от перемены условий их деятельности,—то все это доказывает их первоначальную пластичность, каковой нет у человека, ибо он сам по себе существо сложное и вполне законченное.

Процесс приспособления клеточек лучше всего изучается на простейших животных. Рассматривая амэбу и монэру, простейшие виды протистов, увидим, что эти желатиновидные существа движутся, питаются и размножаются, не имея на то никаких специальных органов. Индивидуум исполняет все функции любой частью своего организма: передвигается, выпускает из тела удлиннения, заменяющие ноги; ест, хватая первой попавшейся частью тела пищу, которую обволакивает и растворяет в себе; ради размножения, в середине его делается сужение, которое все более и более удлиняется, образуя два

ясно выраженных индивидуума, и когда сегментация совершится, индивидуумы разрываются и представляют собою два самостоятельных организма, во всем схожих с тем, от которого произошли.

Выше описано размножение амёбы; у монеры размножение более сложное и проходит через несколько фазисов. Если подняться на несколько ступеней выше по лестнице простейших животных, мы встретим асцидию, у которой индивидуум состоит не из одной клеточки, а из целой колонии клеточек, и в ней функции уже начинают специализироваться. Здесь мы находим наружную кожу, слизистую оболочку, одно отверстие для принятия пищи и другое для удаления отбросов. Но специализация так еще мало развита, и столь недавняя, что можно животное вывернуть наизнанку, как перчатку, и оно будет продолжать жить, при чем наружная кожа заменит собою пищеварительную слизистую оболочку, как будто в жизни животного ничего не произошло аномального.

Возьмем некоторые виды пресноводных гидр; одну такую гидру можно вывернуть и ввести внутрь другой; слизистые оболочки встретятся, и оба животные составят одно, которое будет продолжать жить, не ощущая никакого неудобства от такого соединения организмов, и не подозревая, что с большим правом, чем какой-нибудь самодержец, может говорить о себе во множественном числе.

Можно сделать опыт и в обратную сторону; одну такую гидру разрезать на несколько частей; сколько было кусков, столько явится новых индивидуумов, которые будут жить и дополнять себя, выделив из организма те части, которых не хватает.

Итак, мы видим, что первичные клетки мало-по-малу специализировались в работе и потеряли способность трансформации только вследствие эволюции и прогресса того организма, в состав которого они вошли. Но солидаризуясь с колонией, отдельная клетка, как мы видели, не сделалась ее слугою; солидарность ее с остальными клеточками стала до того тесной, что если она откажется исполнять свою работу, вся колония погибнет, или по крайней мере пострадает, если, конечно, не удалить ее и не заменить другою. Но и сама первая клеточка пострадает, и в этом случае она подчинена принуждению. Идущему со стороны естественных законов, управляющих ее существованием, а не несет произвольно наложенное одним классом сочленов ассоциации наказание, между тем в современных обществах законы наказуют проступки против существующего строя, но санкция этих законов так неестественна и так непрочна, что даже те, кем они должны быть приведены в исполнение, не могут сговориться между собою в понимании их. Когда в вашем обществе, господа, каждый проступок против законов повлечет за собою наказание самому себе, без вмешательства тех, кто присвоил себе власть распределять награды и наказания, тогда вы будете иметь право называть свое общество

естественным и сравнивать его с живым организмом. Пока же оно воплощение беспорядка, хаоса.

Как мы уже видели выше, идеал политической экономии состоит в том, чтобы специализировать индивидуумов и удерживать их на одной клетке социальной шахматной доски, не давая сойти с нее. С каждым днем рабочий становится менее способным к цельной, законченной работе; с каждым днем он более приспособляется к какой-либо специализации, из которой не предвидится выхода для него: один всю жизнь будет делать булавочные головки и не знать, как заостряются концы; другой всю жизнь будет штамповать на машине кусок металла, не зная его назначения в целом механизме. Вот куда ведет нас буржуазия в надежде, еще более поработить нас труду, который ей будет угодно нам предоставить.

Буржуазные экономисты кричат, что немощные слишком много плодят детей. Они хотели бы лишить рабочих и этой радости, и так как в силу их системы в мастерские идут женщины и дети, то им хотелось бы уменьшить контингент рабочих-мужчин: можно было бы ограничиваться несколькими для тех работ, где мужчину не могут заменить женщины и дети; таким образом, рабочий мужчина специализировался бы в нескольких работах, точь в точь, как бесподые у пчел и муравьев и воины у термитов.

Что касается буржуа-хозяина, то кроме „законной“ семьи, должностяющей наследовать его состояние и продолжать буржуазную цивилизацию, он имел бы гарем из работниц-самок, которые рожали бы ему незаконных детей, предназначенных со временем пополнять собою фабрики, канцелярии и казармы, также безответно, как безответно их матери служили для господ орудиями удовольствий и деторождения.

Идеал не заманчивой! Мы хорошо понимаем буржуазию, когда она проповедует, что индивидуальность должна приноситься в жертву эволюции их социального строя.

К счастью индивидуальность не хочет долее служить жертвою; не хочет, чтобы все ее способности атрофировались благодаря упражнению одной только из них. Она стремится предоставить свободу всем своим дарованиям и приобретать, если нужно, новые; она хочет развиваться, расти, приобрести возможно большую сумму познаний, какие могут быть уделом человека. Да, общество должно эволюционировать не как самостоятельный организм, в развитии своем управляющий эволюцией клеточек; эволюция общества должна быть прямым следствием эволюции человека.

Итак, общество имеет *raison d'être* только при условии, что те, кто входит в его состав, получают в нем полное удовлетворение и свободу. Цель его: доставлять возможно большую сумму удовлетворений с наименьшей затратой сил, и так как потребности разнообразны, темпераменты дифференцируются на тысячи различных видов, то и бу-

дущая ассоциация может вылиться в самые разнообразные формы, т.-е. группы, имеющие образоваться в день, когда индивидуальность получит свободу, могут быть бесчисленны. Из этого следует, что стремление направлять все усилия к одной точке, и именно улучшению социального строя, взятому вне индивидуального счастья, ошибочно и противоречит здравому смыслу.

Расширьте поле индивидуальной эволюции, и получится благоприятная социальная эволюция; если хотите, чтобы ассоциация сил, признанная нами необходимой, не приостановила своих функций, сделайте так, чтобы индивидуальность в ней не была оскорблена ни в одном своем стремлении, ни связана ни в одном движении.

Так как социальный строй, по существу, имеет *raison d'être* постольку, поскольку он полезен для индивидуума, то общая гармония может водвориться только тогда, когда каждому человеку будет предоставлено право свободно эволюционировать.

Если хоть один индивидуум будет обижен, ассоциация станет для него злом и потеряет *raison d'être*, и он будет вправе выйти из нее и восстать против законов, которые она ему навязывает.

ГЛАВА XI.

Социальное равенство.—Естественные неравенства.

Так как современное общество построено на антагонизме интересов, и мораль его основана на своде законов, строгих только для того, кто открыто их преступает, или настолько неопытен, что не умеет скрыть следов преступления, то наилучшие приспособленными в современном обществе являются люди, сумевшие избежать ответственности перед законом. Интриганы, мошенники, ханжи, лицемеры и бесжалостные эгоисты, — вот представители „подбора“ в нашем обществе.

Успех достается не тому, кто сильнее и умеет лучше всего приспособиться к естественным условиям существования, а тому, кто умеет отыскивать лазейки в статьях закона, и под защитой их текста, выказывает большую наглость в своих сношениях с ближними. Приспособление состоит не в умении производить, а в том, чтобы уметь заставить других производить и присвоить себе продукт их труда.

Все хвалят доброту и дух солидарности, и каждый старается казаться обладающим этими качествами, но на практике ими пренебрегают и называют глупцом человека, который, прилагая их к практической жизни, терпит неудачи.

Общественная мораль уважает таких людей, но успех выпадает на долю только того, кто умеет сдерживать порывы доброты и подавлять чувства солидарности.

„Он добр до глупости!“ „Всяк сам за себя, один Бог за всех!“ „Прежде всего нужно быть добрым к себе самому!“ Таковы поговорки, выработанные народной мудростью, и включенные в руководства морали как образцы практического направления буржуазных знаний. Это правила, которыми „положительные и практичные“ люди маскируют сухой, уский и эгоистический характер.

Эгоистический, не в смысле сохранения индивидуальности с сознанием занимаемого положения в жизни и среди прочих людей, а в смысле того хищного жестокого себялюбия, вследствие которого индивидуум думает только о себе и видит в ближних только конкурентов. Таковы результаты подбора в современном обществе. Эгоизм этот побуждал человека сделать себя центром вселенной, и благодаря ему отдельные люди считают себя если не такими центрами, то во всяком

случае лучшими и более интеллигентными, чем все остальные люди.

Сколько глупостей было наговорено официальными учеными по поводу равенства, проповедываемого социалистами! Какую массу абсурдов нагромождали представители буржуазной науки, чтобы доказать невозможность существования общества, основанного на равенстве! Доказывая, что в эволюции не все индивидуумы достигают равной степени развития, наши ученые, с удивительной непоследовательностью, требуют правила, общего для всех! Как примарить одно с другим, знают лишь они. Впрочем, они заботятся лишь об одном: чтобы их аргументы кое-как держались и казались простыми, ибо они им нужны временно, для некоторых специальных целей.

„Сама природа—говорят они—порождает неравенство; если даже представить каждому все средства к развитию, результаты получатся не одинаковые, и всегда одни индивидуумы будут усваивать известные познания лучше, чем остальные“.

В одной из предыдущих глав мы видели по выдержке из Бюхнера, что социальная организация не только не сглаживает природных неравенств, но даже способствует их большему развитию; кроме того, мы можем возразить, что когда анархисты требуют для всех равного общественного положения, то отнюдь не имеют в виду препятствовать более интеллигентным индивидуумам развиваться до предела, положенного самой природою, равно как и не надеются на то, что можно вдалбливать в головы менее одаренных те отрывки знаний, какие имеются в их распоряжении.

Когда мы требуем для всех свободы обучения и равенства во взаимных отношениях, то требуем, чтобы в средствах к развитию никому не было дано преимущество в ущерб остальным; и насколько мне известно, никто из нас не высказывал пожелания, чтобы была декретирована какая-либо мерка интеллигентности, быть выше или ниже которой никто не будет в праве; мерка, по которой укорачивались бы те, кто ее переростет, и до которой подтягивались бы недоростающие; или же одинаковый для всех цвет волос, с угрозой суровой кары тем, у кого они иного цвета.

Нужно быть кретином, чтобы приписывать такого рода намерения анархистам, а между тем говорящие это причисляют себя к лучшим представителям интеллигенции!

Каждый человек рождается с собственным темпераментом, дарованиями, нравственными и физическими качествами, могущими, конечно, измениться, но во всяком случае, отличными от других; каждый носит в себе зачатки своей будущей эволюции, обуславливающиеся побочными обстоятельствами, влиявшими на жизнь человека; эволюция, быть может, будет облегчена, или затруднена, или даже уклонится в сторону, в зависимости от будущих обстоятельств и окружающей среды; тем не менее каждый человек родится с особыми

ему присущими способностями, которые всегда будут иметь в эволюции доминирующее значение; и нас обвиняют в том, якобы мы хотим декретировать уравнивание этих способностей!

Мы хотим, чтобы каждому человеку была предоставлена возможность эволюционировать и развивать свои способности на свободе! Мы не стремимся к тому, чтобы все люди ели из одной миски одну и ту же черную спартанскую похлебку, а к тому, чтобы всякий ел досыта то, что задумает и что имеет возможность приобрести, развивая свои способности сообразно желаниям; мы стремимся к всеобщему счастью не путем декретирования общей меры счастья, общего уровня благополучия обязательных для каждого под угрозой наказания за уклонение от них, а путем предоставления каждому индивидууму свободы создать себе свою долю счастья применительно к его понятию и степени его развития.

Тем, кто находит счастье в обжорстве и пьянстве, в вкусных блюдах и тонких винах, пусть будет предоставлена свобода культивировать свои наклонности; конечно, общество не будет обязано доставлять им удовлетворение, но способностям их будет дана возможность приобретать нужное для них счастье.

Но зато и тот, кто ищет интеллектуальных и художественных наслаждений, кто жаждет знания и стремится к красоте, должен одинаково иметь возможность достигнуть идеала, не будучи связываем в своих благородных порывах низменными экономическими интересами, какие существуют в современном обществе; пусть крылья его не будут связаны из-за того, что высокий полет является привилегией немногих, и доступ к нему оплачивается не усилиями, а деньгами.

Под „социальным равенством“ мы понимаем равенство в средствах, или даже скорее всем открытую доступность их, а не равенство в целях, и это отлично знают те, которые глумятся над нашими доводами, не будучи в состоянии опровергнуть их.

„Когда рабочие требуют своей доли знания, эти псевдоученые, драпируясь в тогу своей якобы науки, отвечают им: „Бедные, вы сами не знаете, что говорите. Вы, невежды, хотите учиться, считая себя равными с гениями, украшающими собою человечество! Разве вы не знаете, что наука доступна лишь небольшому, очень небольшому меньшинству, специально ею занятому, а вы все прочие должны примириться с мыслью, что вам суждено не выходить из своей сферы и довольствоваться работой ради удовлетворения потребностей этих избранников, ибо они одни, понимаете ли, одни—представители человеческого рода!“

„Идите-же, невежи: читайте книги, нами сочиненные для вашей пользы, в из них вы узнаете, что равенство—вещь невозможная! Люди рождаются с разными „качествами“; одни глупы, другие посредственны, третьи интеллигентны, за ними следует еще более интеллигентные, и очень редко, раз в столетие, гениальный человек,

и вы никогда не сделаете, чтобы эти люди были равными! Ваша система ведет к порабощению интеллигентности посредством, и применение ее к жизни было бы регрессом человечества. Торжество ваших теорий было бы началом упадка человеческого духа“.

„Если бы вы занимались наукой, как мы, вы бы знали, что ученые, как мы, предназначены управлять глупцами, как вы. Неужели вы хотите, чтобы мы сами готовили свои постели и чистили себе сапоги! Это не дело тех, кто наблюдает небесные светила и ищет тайну жизни, изучая строение человеческого тела! Мы можем служить науке, только при условии, что будут рабы, трудящиеся для нас, это вам нужно знать раз навсегда; идите же и не докучайте нам своими глупостями!“.

И за ними глупцы, мнящие себя не последними среди высшего разряда людей, не рассуждая заявляют во-всеуслышание, что неравенство—естественный закон для людей; что безумно думать якобы сапожник, в интеллектуальном отношении, мог бы равен с господином, сочиняющим толстые книги, которых никто не читает. Об этом мы и намерены поговорить.

Прежде всего, что такое интеллигентность? Так называемые „лучшие представители интеллигенции“ никогда не задавались этим вопросом. Для них интеллигентность, это значит: занимать положение; иметь связи в высших официальных сферах, каких нет у соседей, иметь состояние, дозволяющее удовлетворять, не работая, все свои прихоти, обладать смелостью рассуждать о мало знакомых предметах, одним словом, всегда принадлежать к „высшим слоям общества“,— вот что у них называется интеллигентностью.

А между тем интеллигентность есть нечто совсем другое, и г. Мануврие, ученый, понимающий значение слов, не зараженный педантизмом наших якобы интеллигентов и умеющий прекрасно анализировать проявления интеллигентности, говорит о ней следующее:

„Интеллигентность,—рассматриваемая *in abstracto*, есть соответствие между внутренними и внешними отношениями. Соответствие это, или приспособленность, в своей зоологической эволюции возрастает во времени, пространстве, разнообразности, обобщенности и сложности. Таково определение, данное и прекрасно развитое г. Спенсером. Такая эволюция происходит в каждом индивидуумѣ соразмерно степени психической эволюции, достигнутой видом и расой, к которой он принадлежит, а также особыми условиями его личной психики и его сношений с окружающей средой“. (Курсъ 93 года).

Интеллигентность—взаимное приспособление внешних и внутренних отношений; такое определение ясно и понятно. Чем больше человек приспособлен к среде, в которой живет, тем он интеллигентнее. Но если индивидуумы должны приспособляться к среде, то им нужно предоставлять свободу развиваться, а не стеснять ее, как дѣлает современное общество относительно большинства.

Истинное приспособление к естественным условиям существования должно состоять в том, чтобы потребности каждого человека удовлетворялись его собственной производительностью. Если бы в какой-либо данный момент власть денег была уничтожена, и от каждого человека потребовалась бы его доля полезности в ассоциации, от которой он получает средства к существованию, то большинству буржуазии грозила бы опасность погибнуть, и быть в данном случае наказанным природой, которая научила бы его, что „для него нет места на пиру природы“; между ними оказалось бы и большинство так называемых лучших представителей интеллигенции.

А также и большинство ученых, которых мы, конечно, не будем смешивать с теми, ибо у них есть все-таки кое-какие достоинства, несмотря на то, что они жертвы плохого подбора, благодаря которому при наличии всех средств к существованию они стали интеллектуальными, знающими, что делается на луне, и какие металлы встречаются на Спринсе, не ведают, что на земле одни люди мыкают горе, страдают и умирают от голоду, вследствие паразитизма других.

Но послушаем, какое дальнейшее определение интеллигентности дает им Мануэри:

„Вышние отношения—бесчисленны, ибо обнимают вселенную. Полное и совершенное соответствие представляло бы высшее могущество, но такое соответствие не существует и невозможно ни для кого. Соединение всех соответствий, реализованное во всех людях, во всех живых существах, образовало бы огромную величину, которая, будучи дана одному человеку, сделала бы его безмерно могущественным. Но каждый человек в отдельности поставлен в связь только с некоторым, большим или меньшим количеством внешних отношений, и его психика допускает в нем только соответствующее этому количеству внутренних отношений, и установившееся количество последних отношений и составляет его наличную интеллигентность. Выведите его из круга таковых, и он нечего не будет понимать, не скажет ничего логичного и ничего не сделает умело: он будет производить впечатление глухого человека. Потому-то так часто называют „неинтеллигентным“ чей-либо поступок, или суждение, или образ мыслей, что таковые не соответствуют имеющимся в наличности внешним отношениям.

Но если вы побываете у суб'екта, показавшегося вам неинтеллигентным, то возможно, что найдете в нем наличность некоторого числа отношений, соответствующих внешним отношениям, различным от тех, которые были вами затронуты прежде, и вы тогда увидите, что этот человек—интеллигентный, но в другой сфере. Вам останется только предположить, что ваша интеллектуальная сфера выше, важнее его, что ваши внутренние отношения соответствуют более численным, более общим, более сложным и распространенным внешним отноше-

ниям, и возможно, что такое предположение будет верно". (Курс в Школе Антропологии за 93 год.).

Больше всего пугает защитников современного социального строя, в нашем требовании равенства для всех, сознание, что они будут лишены возможности, несмотря на свои капиталы, взваливать на других работу, которую считают ниже себя.

„Человек интеллигентный—говорят они—по природе своей выше неинтеллигентного; поэтому нужно, чтобы „высшей интеллигенции“ была доступна большая сумма жизненных благ, ибо своими трудами они приносят обществу пользу. Что касается человека низшего порядка, то он обречен служить всю свою жизнь, и сравнивать его с гениальным человеком—это значит хотеть унижить интеллигенцию. Вы стремитесь водворить на земле царство посредственностей!“

Только став на строго философскую точку зрения мы сможем смело ответить тем, кто говорит, якобы общество много обязано талантливым людям, что их мнение ошибочно: человек образованный, интеллигентный, обладающий большими познаниями, вследствие пользования научными средствами, предоставленными в его распоряжение обществом в ущерб тем, которые были принуждены работать в то время, когда он усваивал научные знания и открытия—плод работы минувших и настоящих поколений,—такой человек обязан обществу и не имеет никакого права требовать себе избытка жизненных благ; скорее общество имеет право ему сказать: „возврати мне соразмерно тому, что я тебе дало“.

Под обществом мы понимаем всех тех, которые работали в то время, когда он занимался науками, всех тех, кто содействовал производству книг, которые он читал, инструментов, в которых он нуждался для опытов, продуктов, которые он употреблял для своих исследований. Что сделал бы он, при всем своем уме, как бы богато он ни был им одарен, если он не нашел бы всего этого под рукой.

И по какому праву человек, более интеллигентный, диктует законы другим? По праву ли своей интеллигентности?—Но если более сильный дикарь употребляет свою силу, чтобы принудить интеллигентного человека себе служить, скажете ли вы, что это справедливо? Почему нет?—Физическая сила есть также результат естественного подбора, как и интеллигентность. Если есть люди, гордящиеся деятельностью своего мозга, то существуют и такие, которых восхищает сила их мышц; мы имеем в истории достаточно примеров, когда грубая сила господствовала над интеллигентностью и требовала первенства, и нам не нужно еще доказывать, что наше предположение возможно. Но лучше того; мы только что видели у Мануврие, что умственное развитие относительно, и что один человек может быть талантливым в одной отрасли знаний и быть неспособным к другой. Нет личностей совершенных, всеведущих, каждый человек имеет свою долю недостатков, присущих вообще человеческой природе, и тот, кто превосходит

разбирается в науках, наиболее абстрактных, может очутиться в плачевном положении, если не хуже, при самых обыкновенных обстоятельствах жизни. Некоторые ученые сами не затрудняются сознаться в этом:

„У некоторых ученых умственное развитие постоянно подавляло чувства. Для них нет ни друга, ни семьи, ни родины, ни человечества, ни *нравственного достоинства*, ни *чувства справедливости*. Самые вопиющие социальные несправедливости не нарушают спокойствия их и индифферентизма ко всему, что происходит вне той умственной области, в которой они работают и находят себе удовлетворение. Какое им дело до тирании, лишь бы она оставила в покое колбы и реторты их лаборатории! Наиболее сметливые из деспотов берегут и ласкают таких ученых. Они представляют собою своего рода роскошь; существование и присутствие их делает честь хозяину, *прикрывают его дурные поступки, и вместе с тем ни в чем его не стесняют*“. (Летурно, Физиология страстей, стр. 108). Оставим, однако, ученых с их колбами и ретортами,—мы преклоняемся—сохраняя за собой наше право критики—перед их мнением, когда они говорят о вещах, которые они знают, которые они изучали; но не будем требовать от них, чтобы они дали счастье, когда они сами, иногда, неспособны его создать для себя и для тех, кто их окружает.

Требую свободы и возможности для каждого развиваться согласно своим склонностям, далекие от желания уничтожить умственное развитие, как некоторые про нас утверждают, далекие от желания, с ненавистью посредственностей, его подавить, мы хотим, наоборот, снять с умственного развития экономические цепи, освободить его от мейочных соображений корысти или честолюбия, облегчить ему его прогресс, предоставить ему свободный простор.

Подобно тому, как люди будут соединяться в группы, чтобы производить предметы, необходимые для их материального существования, точно также будут соединяться они, чтобы облегчить себе изучение того, что их заинтересует, производить и добывать предметы, в которых они будут нуждаться для своих занятий.

Теперь капитал облегчает одним возможность заниматься науками. В будущем обществе будет достаточно только хотеть, чтобы работать. Лиц, желающих учиться, не будут спрашивать, имеют ли они средства, чтобы жить в течение необходимого для занятий времени? Имеют ли такую-то сумму для взноса за учение? Те, которые захотят учиться, постараются познакомиться друг с другом, сгруппируются по сходным склонностям; они с'организуют курсы, лаборатории по своему разумению; и те, которые лучше других будут знать как поставить обучение, будут иметь наибольший успех.

Они не будут иметь, как теперь, массу работников, ожидающих их приказаний и готовых исполнить всякое их требование. Нет, для вещей, которых они не смогут производить сами, они должны будут

сговориться с теми, кто способен им их доставлять. Они постараются с'организовать обмен услуг, в котором каждый мог бы принимать участие, и это возможно всегда, если только захотеть, между тем как в современном обществе, хотя вы одарены наилучшими способностями, имеете сильнейшее желание утилизировать свои силы, общество может не захотеть ваших услуг, а те, кто обладает капиталом, не всегда имеют желание учаться.

Конечно, в будущем обществе все то, чего кто-либо пожелает, не достанется немедленно по первому требованию, как при капитале. Не достаточно будет сказать: я хочу этого, что бы тотчас получить желаемое; люди должны будут мыслить и работать для того, чтобы реализовать свои желания! Но они будут уверены, по крайней мере, что общество не поставит им никакой преграды: хотеть и действовать — таковы будут рычаги, которые заменят капитал при осуществлении личных желаний.

„Интеллигентный человек, приносящий больше пользы обществу, имеет право на большую долю жизненных благ“, говорят нам. Какой абсурд со всех точек зрения. Мы только что видели, что он должен обществу по крайней мере, столько же, сколько он может ему дать, но имеет ли он более вместительный желудок, чем человек „неинтеллигентный“; имеет ли он больше рта, большую пищеварительную силу; занимает ли он больше места, когда ложится; удесятерилась ли его потребительная способность сообразно с приобретенными им знаниями?

Обыкновенно, как раз наоборот, — тот, которому недоступны интеллектуальные наслаждения, с большей жадностью набрасывается на наслаждения материальные, и если общество облегчит всем, каждому по его вкусу и согласно его наклонностям, возможность наслаждаться тем, что каждый предпочтет, то что нужно еще более?

Не будет ли это действительно справедливое распределение по правилу: „каждому по его делам“, в этом проявится та справедливость, которую ни один социолог до сих пор не мог отыскать в оправдание какой-бы то ни было системы распределения.

„Интеллигентный человек нуждается в более утонченных эстетических наслаждениях, чем дикарь“, говорят нам.

Но ведь сама природа этих наслаждений такова, что они легко ему достанутся, ибо не будут у него оспариваться тем, кому они недоступны. Человек, действительно, интеллигентный в самом выражении умственных способностей найдет себе награду, точно также, как ученый будет находить в своих работах ту радость, которую он теперь получает от благоволения власть имущих. Соревнование между учеными явится результатом научных занятий, а не погони за деньгами, с которыми нечего будет делать. Ученые, добывающиеся наград за свои „труды“ в виде расшитых золотом мундиров и орденов, не могут считаться истинными учеными.

Мы видели, что если общество должно интеллигентному человеку, то и он, в свою очередь, обязан обществу.

Если у него есть мозг, способный усвоить многое, то этим он обязан поколениям, накопившим и развивавшим способности, которыми он одарен. Если он может применять эти способности, то это благодаря обществу, которое, сохраняя и накапливая средства, позволяющие сократить время, необходимое для борьбы за существование, облегчает человеку возможность употребить выигранное время на приобретение новых знаний. Ученый, будучи продуктом социальных сил и прошедших поколений, если он и полезен обществу, то в свою очередь сам нуждается в нем, чтобы эволюционировать.

Представим себе, что новый Пигмалион нашел бы средство одушевить мраморную глыбу, которой он придал бы человеческую форму, дав ей жизнь, артист произвел бы только прекрасное создание, неспособное примениться к условиям нашего существования, он не мог бы, даже если он ему создал бы мозг, передать ему то наследство знаний и инстинктов, которые мы получили от целого ряда наших предков.

Если мы можем усвоить хотя бы часть знаний нашего времени, то это потому, что имеем за собою бесчисленное количество поколений, которые боролись и учились и завещали нам свои приобретения. Самый могучий мозг, если бы не был сам продуктом эволюции, не был бы способен усвоить малейшую часть современных знаний; не был бы даже в состоянии понять, почему дважды два—четыре, и это не имело бы для него никакого смысла. Все это доказывает, что в отношениях между индивидуумом и обществом выдвигается вперед закон взаимности и солидарности, но что в них нет места вопросам, кто является должником и кто займодавцем.

Пора покончить с интеллигентностью и гениальностью, столь восхваляемыми некоторыми учеными наделяемыми ими столькими привилегиями только потому, что они сами себя причисляют к тому избранному обществу, которому они льстят.

Потому, что они имели возможность сделать несколько путешествий, якобы научных, на казенные средства, потому что высидели огромные томы, трактующие о ничтожных вопросах и при том высокопарным слогом, от которого не становится легче их понимать, или же потому, что с высоты официальной кафедры и всегда на казенные средства они старались оправдывать эксплуатацию слабых сильными—эти господа себя провозглашают „талантами“, и считают себя лучшими представителями человечества!

Один человек может трактовать абстрактные вопросы, понимать их и объяснять другим и вкладывать в решение этих вопросов ту же сумму способностей, которую другой человек внесет в другую область идей, считающуюся менее возвышенной.

Химик, который в своей лаборатории анализирует вещества, отделяет их одно от другого, может обнаружить ту же степень наблю-

дательности, как и крестьянин, устанавливающий систему хозяйства на своем участке земли применительно к прибыли, которую он хочет из него извлекать. Земледелец, практически приметивший, что такое-то растение выходит лучше на такой-то почве, может обнаружить столько же наблюдательных способностей, духа анализа и обобщения, как и химик, который открывает, что такие-то тела, смешанные в таких-то пропорциях, дают происхождение новым составам. Все это дело среды и воспитания. Крестьянин может быть неспособным понять какую-нибудь проблему физиологии, разрешенную ученым, но этот последний может быть также неспособен ходить за коровами или уметь надлежаще использовать участок земли. Оспаривайте это, как вы хотите, оценивайте знания ученого выше знаний крестьянина, мы с вами согласимся во всем этом, но это не мешает признать, что если ученый двигает интеллектуальный прогресс человечества, зато крестьянин содействует удовлетворению материальных нужд, которые, не будучи удовлетворены, препятствовали бы развитию этого прогресса.

Мы из этого не сделаем вывода, что труд крестьянина более необходим человечеству, чем труд ученого, но мы полагаем, что в хорошо организованном обществе крестьянин и ученый будут дополнять друг друга; что они должны быть свободны искать себе счастье, каждый по своим понятиям, без того, чтобы один имел право угнетать другого.

Сторонники интеллектуального главенства выведут из сказанного нами заключение, что мы хотим прилизать интеллигентность, что мы хотим привести людей к одному уровню, и что они правы, когда обвиняют нас в том, что мы ненавидим все выдающееся и стараемся всех привести к той золотой середине, которая якобы была бы упадком человечества. Мы показали, что в будущем обществе интеллигенты в целях своего развития будут тратить энергию только на создание такой среды, которая им оказала бы более действительную помощь, чем капиталистический режим, убивающий ежедневно в зародыше массу интеллигентных сил.

Увы, мы знаем, что все люди не достигают одинаковой степени развития и что массы в среднем представляют всегда низшую ступень, характеризующуюся духом консерватизма, иногда самого крайнего. Но капиталистический режим стремится увеличить пропасть, которая отделяет более интеллигентных от менее интеллигентных, и, следовательно, стремится понизить средний уровень интеллигентности. Мы же хотим, чтобы те, кто более интеллигентны, имели бы все средства сделаться еще более интеллигентными, а те которые менее интеллигентны, имели бы возможность приобрести несколькими крохами больше. Таким образом мы приблизим интеллигентов к массе не понижая их уровня, как про нас умышленно говорят, но повышая уровень середины. Мы знаем, что все возможные средства не сделают из микроцефала Ламарка или Дарвина, но микроцефалы только исклю-

чение, и те, кого называют глупцами, могут подняться несколькими ступенями выше по лестнице человеческих знаний, не принося ущерба тем, которые стоят уже выше.

Интеллигентность есть вещь, настолько трудно поддающаяся, если и не оценке, то измерению, что следовало бы быть очень скромным в приписывании себе этого качества.

Истощив все аргументы, защитники современного общества выдвигают следующее положение: избранникам человечества необходимо иметь в своем распоряжении персонал служащих для исполнения грубых работ, ибо они сами должны посвятить все свое время наукам и исследованиям, и отсюда вытекает необходимость разделения общества на классы, специально предназначенные работать в то время, как другие будут управлять ими и изучать науки. Достаточно прочесть историю открытий, создавших эпохи в развитии человеческого прогресса, чтобы констатировать всю тщетность этой аргументации. Наибольшим препятствием новым идеям, наибольшими врагами для их носителей были всегда официальная наука и должностные ученые, как раз те, которые были освобождены от забот о нуждах материальной жизни, могли исключительно отдаваться наукам и исследованиям. Со времени Сорбонны, которая преследовала, как еретиков, всех, кто оспаривал признанные догматы и открывал новые идеи, не только в области чистой мысли, но также в физических и физиологических знаниях, которая жгла, как колдунов и алхимиков, терпевших время в поисках философского камня, но тем не менее ставших отцами современной химии; со времени инквизиции, преследовавшей Галилея, за то, что он утверждал, что земля вертится, вплоть до Кювье который на время столько же своим официальным как и личным влиянием разрушил теорию эволюции, — официальная наука всегда преграждала путь прогрессу, она была способна лишь систематизировать господствующие идеи; и с ее вредным влиянием столько же, сколько с невежеством толпы, должны будут бороться новые знания.

Сами ученые первые заявляют об этом:

„Теперь это не так, и вопрос идее о том, чтобы перестроить обсерватории и воздвигнуть их по более простым планам, но лучше приспособленным к их назначению. Парижская обсерватория служит только бюро для вычислений и физической лабораторией; главные наблюдения производятся в саду или в постройках крайней простоты.

„Геккель шутливо выразил эту мысль, когда он сказал, что количество оригинальных исследований, произведенных в научном учреждении, почти всегда обратно пропорционально его величине“.

„Несколько времени тому назад меня спросили, какие услуги может оказать любитель астроном. Какие услуги, мой Бог! Достаточно бросить взгляд на историю наук, чтобы заметить значение отдельных наблюдений, произошедших от различных исследований, которые про-

изводились учеными любителями, т.-е. вне общественных лабораторий. Коперник, которому мы обязаны истинной системой мира, был любитель; равно как Ньютон, открывший закон всеобщего тяготения. Другой любитель, музыкант Гершель, явился реформатором науки, которую она обязана гигантским шагом вперед как вследствие его многочисленных наблюдений, так и вследствие его методов конструкции инструментов.

„Леверрье управлял табачной мануфактурой, когда, по совету Араго, он отдался изучению планеты Нептун. Он был тоже знаменитый любитель.

„Лорд Росс, который открыл столько туманностей при помощи своего громадного телескопа; Домбовский и Бернгем, два неутомимых исследователя, труды которых о двойных звездах известны всем ученым—не были вовсе официальными астрономами.

„Лаланд, который изучил в Ecole militaire до 50.000 звезд и составил один из лучших каталогов, известных до сих пор, также был любителем.

„М. Янсен, когда он открыл средство наблюдать солнечные протуберанцы без солнечного затмения, Каррингтон и Варрен Деларю, когда они опубликовали свои превосходные наблюдения над солнцем, были также любителями.

„Мы должны упомянуть еще: Гольдшмидта, художника, который имел свою мастерскую в Париже и открыл при помощи слабой зрительной трубы 14 маленьких планет; доктора Лескарбо, ученого врача в Оржере, который при помощи примитивного инструмента делал наблюдения в течение двадцати лет, прежде чем открыть планету Вулкан, и получил достойную награду (!) за свои труды и настойчивость в виде ордена почетного легиона.

Все исследователи падающих звезд, с Кульве-Гравье во главе, все те, которые изучали кометы, как Пенгре, которые их открыли, как Биела, Поис, увидели свои имена, связанными с открытиями, ими сделанными, и наука сохранила навсегда память о них.

„Но наиболее прекрасный пример представляет Швабе, неизвестный статский советник в Дессау, который, в течение тридцати лет продолжал посылать в журнал Шумахера свои наблюдения над солнечными пятнами. В течение этого времени он не получал никакого одобрения, так как научный мир считал его труды бесполезными. И только к концу его жизни, в понятиях астрономов произошел полный переворот, и бесчисленное количество наблюдений, которые он накопил, было оценено по достоинству.

„А сколько любителей, труды которых известны, не перечислены в этом списке, и без того уже длинном?“ (Ж. Далие, Чудеса неба, стр. 343—345).

Все, кто действительно двигал прогресс, все носители новых идей должны были большую часть времени бороться не только за су-

ществование, но и с теми, кто занял официальное положение. Франценгофер, открывший спектральный анализ, был оптиком. Еще в настоящее время во Франции официальная наука напрягает свои последние силы в борьбе против теории эволюции. Те, которые не могут более отрицать, искажают ее, чтобы довести теорию до абсурда и хоть этим путем остановить прогресс.

И затем, разве эта аргументация избранных общества не представляет собою рассуждение самое антисоциальное, на какое только можно было бы сослаться? И разве масса не имела бы права восстать и прогнать этих, так называемых, избранных и объявить им, что ей не нужна наука, если таковая должна оставаться недоступной для массы, и если массы должны быть всегда ее жертвой.

Классы, называемые вами высшими, огрубели под вашим господством; ваша организация приспособлена к тому, чтобы сделать их еще более грубыми, и вы еще удивляетесь, что эти классы вас ненавидят.

В действительности так называемые высшие классы равны вам: они имеют тех же предков и то же происхождение, как и вы; среди них принуждены вы искать источников возрождения вашего потомства, и их якобы высшее положение есть только искусственный продукт искусственного подбора, вытекающего из общества, которое все стинает у одних, чтобы отдавать другим.

У рабочих нет ненависти к интеллигенции, но они ненавидят педантов.

Добиваясь всеобщего равенства, они требуют не понижения общего уровня интеллигентности, а возможности для каждого культивировать ту, которой он обладает. Если бы они не относились почтительно к тому, что проповедывают более ученые люди, чем они, то давно бы перестали доставлять вам ту материальную силу, которая держит их в рабстве.

Уважение рабочего к вещам, которых он не понимает, признание за верные объяснения, которые ему дают те, кого он считает образованнее себя, сделали более для поддержки вашего общества, чем вся сила вашей армии и полиции. Только завистливая посредственность может утверждать, что рабочий ненавидит интеллигенцию. Он требует свою долю развития—вот все, чего он хочет.

Если бы было верно, как вы утверждаете, что наука должна быть открыта только избранному меньшинству, то вы сами насаждали бы в массах подобную ненависть, и они имели бы право вас ненавидеть. Какое нам дело до науки, если она должна только оправдывать наше унижение и нашу эксплуатацию? Вот что могли бы вам ответить те, которых вы считаете высшими существами, и этого простого логического рассуждения достаточно, чтобы показать ваш педантизм, ибо—где нет логики, там нет и науки.

ГЛАВА XII.

Эгоизм.—Альтруизм.

После аргументации необходимости существования избранного меньшинства защитники буржуазного строя чаще всего выдвигают личный эгоизм, чтобы оправдать частную собственность и необходимость власти для поддержания порядка в эгоистическом обществе.

По их мнению, человек—эгоист и действует только под влиянием чувств чисто личной выгоды.

Если общество не предоставит человеку возможности сохранять для себя, накапливать и передавать кому он захочет, все то, что он достает трудом, то этим унычтожается двигательная пружина всякой инициативы, всякого труда.

В тот день, когда у отдельных индивидуумов будет отнята возможность накапливать капиталы, они не будут больше работать, и тогда не останется ничего, ни общества, ни прогресса.

Наши буржуа слишком хорошо сознают свои интересы, чтобы доводить эту теорию до крайних выводов! Это угрожало бы всей их социальной системе, и вот почему они нам говорят:

„Человек по своей природе эгоист и нет средства, чтобы его переделать. С другой стороны, общество, которому мы служим самым прекрасным украшением, для того, чтобы правильно функционировать, требует от части индивидуумов много самоотречения, много самопожертвования. Если вы согласны, мы поладим, одни будут управлять и эксплуатировать других и будут иметь возможность развивать спокойно свой эгоизм, ибо у них будут на это средства: другие, которые будут управляемы и эксплуатируемы, обязаны будут проявлять наисовершеннейшее самоотречение и покоряться тому, что первые от них потребуют. Только такой ценой возможно общество“.

Потому-то первой заботой всех религий была проповедь уважения к господам, смирения личности, самопожертвования и самоотречения; проповедь самопожертвования за ближних, отечество и общество, ради того, чтобы подготовить пришествие буржуазии!

Затем явилась удивительная порода людей, называемых моралистами, и стала доказывать, что общество возможно и прочно только при условии, если отдельная личность пожертвует собою общему сча-

стью, откажется от самостоятельности и согласится быть связываемой во всех своих движениях. Конечно, невежды и немощные поняли это буквально, и вот уже тысячи лет, как они позволяют себя стричь, считая, что этим они приносят пользу человеческому роду. Имущим, менее наивным, осталось только пользоваться и эксплуатировать эти хорошие чувства. Но каждое действие вызывает противодействие. Явились другие и стали доказывать, что так как эгоизм заложен в самую глубину человеческой природы, то человек только тогда найдет свое счастье, когда общество позволит ему думать только о себе, направлять все свои поступки и рассуждения на культивирование своего я, сделавшегося божеством, которому должно всем жертвовать.

Эта теория, распространенная среди многих молодых представителей литературы, и они изо всей силы приписываемой себе интеллигентности превращают чернь, стоящую так низко в их глазах, и дошли до того, что стали проповедывать род аристократического анархизма, который при нескольких сотнях тысяч франков ренты, примирился бы с современным обществом.

Незавида самоотречение и смирение, проповедываемые христианством и буржуазной моралью, часть анархистов под этой новой формулой полагала найти выражение истины, и результатом явилась полемика между сторонниками того, что называют „эгоизм“ и того, что называют „альтруизмом“. Были пролиты потоки чернил, чтобы обяснить эти два термина, нагромождались софизмы на софизмы, высказывалось много бессмыслицы — и все для того, чтобы доказать, что каждый из этих терминов должен быть исключительным двигателем человеческой личности.

Сообразно с излюбленными мотивами защитники эгоизма упрекали анархический коммунизм в том, что анархическая идея для своего осуществления требуют слишком много альтруизма от отдельных индивидуумов, что возможность такого общества предполагает совершенных людей, которых не существует, что человек по своей натуре не склонен жертвовать собой для других, что он должен делать только то, что он считает полезным для своего развития. Защитники альтруизма говорили анархистам: Требуя полной свободы личности, превознося дух индивидуализма—вы толкаете людей к полному эгоизму; ваше общество не будет прочно, ибо вы забываете, что для своего существования общество нуждается в взаимных жертвах, что частая личная выгода должна отступать и ступаться перед общей пользой. Ваше общество будет царством грубой силы, господством сильных над слабыми. В нем будет вечный разлад.

Вот до каких глупостей можно договориться, если смотреть на вещи с одной стороны. Человек—существо сложное и не поступает под влиянием какого-нибудь одного чувства, но может быть побуждаем разного рода ощущениями, обстоятельствами, психическими, фи-

зическими и химическими влияниями сразу, при чем не отдает себе отчета, каким пульсом был вызван тот или другой его поступок.

Если бы человек действовал только под влиянием эгоизма, современное общество не существовало бы ни одной минуты, ибо, требуя величайших жертв от тех, которые лишены всего, в то время, как перед их глазами выставляется роскошь богачей, имущие классы должны были пробудить какие-то иные чувства для того, чтобы получить силу для поддержки своего строя, который они были бы бес-силны защитить, если были бы предоставлены только самим себе. Но одинаково ошибаются и те, которые проповедают нам самопожертвование и самоотречение, ибо если человеку и случится забыть о себе, чтобы придти на помощь ближним, то это может быть только порывами, но не постоянно.

Именно та вредная теория, заложенная в основу христианства, упрочила царство власти, заставляя людей покоряться эксплуатации власть имущих, якобы посланных Богом, и приучая их страдать на этой земле для того, чтобы получить блаженство на небе.

Человек не животное, описанное теоретиками эгоизма, но он также и не ангел, каким его хотят видеть альтруисты, и если бы он им был, это могло бы быть ему только вредным, потому что лучшие приносились бы в жертву худшим. Если бы индивидуумы должны были жертвовать собою, то в конечном счете выиграли бы от такого положения вещей и пережили бы других те, кто думает только о своей собственной личности. Индивидуум не должен жертвовать собою кому бы то ни было, точно также, как он не имеет права требовать жертвы от другого. Вот что забывают и что освещает вопрос совершенно иначе. Человек самым фактом своего существования имеет право жить, развиваться и эволюционировать. Привилегированные могут оспаривать у него это право, могут ему его ограничить, но чем более индивидуум делается сознательным, тем более начинает понимать он, как пользоваться своим правом, тем сильнее рвется он из наложенных на него оков.

Если бы индивидуум был один в целом мире, он имел бы право пользоваться и даже злоупотреблять всеми своими правами, наслаждаться всеми произведениями природы без всякого исключения и ограничения, заботясь лишь о возможных последствиях такого злоупотребления. Но индивидуум не единичная величина, он не существует один; таких, как он, больше миллиарда, и все они противопоставлены на земле лицом друг к другу, с равноценными, если не одинаковыми, способностями и с твердым желанием пользоваться своим правом на жизнь. Проповедь индивидуалистами культа нашего „Я“ и провозглашение ими индивидуума единичною величиною относятся к области трансцендентальной метафизики, которая представляет из себя такой же абсурд, как Бог, выдуманный священниками.

Индивидуум имеет право на удовлетворение всех своих потребностей, на полное развитие всей своей индивидуальности, но так как он не один на земле и право одного также неотъемлемо, как и право другого, то очевидно, что есть только два решения как осуществить эти различные права: война или ассоциация.

Но человеческий разум редко останавливается на категорических решениях. Обстоятельства, впрочем, увлекают индивидуумов прежде, чем у них будет время осмыслить свои поступки, и только потом, когда события минуют, они пытаются извлечь из них философию.

Между различными правами людей возникали столкновения в перемежку с попытками солидарности. Человечество убедилось в том, что солидарность была бы ему полезна, но жестокий эгоизм некоторых, выдающих только личную пользу, но не зло, приносимое ею, помешала человечеству свободно эволюционировать к полной солидарности. Постоянное состояние борьбы поддерживалось в обществах, которые сами по себе явились началом практической солидарности. И вот сотни веков—чтобы говорить только об историческом периоде—продолжается это смешанное состояние борьбы и солидарности; вот тысячи лет, как волею меньшинства, которому одному выгодно это положение вещей, и которое хотело бы его продлить до бесконечности, мы боремся друг с другом, создавая самые прекрасные мечты о братстве; как имущие классы эксплуатируют неимущих, проповедывая солидарность, преданность, любовь к ближнему.

Но те, которые страдают, задались вопросом, зачем им продолжать поддерживать паразитов и просить, как милостыню, то, что произведено их трудом? Их мозг развился, они размышляли о причинах своей нищеты и поняли, что для того, чтобы выйти из нее, они должны соединить вместе свои усилия, и что счастье каждого возможно только при счастье всех, в осуществлении полной солидарности.

Они поняли еще, что та власть, которую им представляют как попечительную опеку над противоположными интересами, установленную для того, чтобы помешать борьбе сделаться более жестокой, была, напротив, только средством в руках паразитов, чтобы увековечить состояние борьбы, и упрочить навсегда свой паразитизм—и вот почему, провозглашая право на существование для каждого индивидуума, они провозглашают одновременно самую полную его свободу, ибо одно не идет без другого; существование не может быть полным без его следствия—свободы. Некоторые защитники буржуазного строя принуждены сознаться, что их счастье в современном обществе не полно и не целно, что оно омрачено в самом корне мыслью, что имеются рядом с ними существа, которые томятся и страдают, чтобы доставить им благосостояние. Всякий интеллигентный буржуа вынужден согласиться, что общество дурно устроено, и аргументы, которые они выставляют в защиту общества, не представляют уже собою

высокомерного, определенного доказательства, но скорее начало оправдания, под предлогом, что лучшее еще не найдено, что результатом респекта переворота явится неизвестность. Система, которая доведена до этого, уже осуждена, у нея есть сознание своего собственного позора.

Индивидуум не должен соглашаться на стеснения своего развития, он не должен выносить иго власти, каков бы ни был предлог, на который она опирается. Он один может судить, в чем он нуждается, на что он способен, и что может быть вредно для него. Когда он хорошо поймет, сколько он сам стоит, он поймет, что каждый индивидуум имеет свою личную ценность и право на равную с другими свободу, на равное развитие. Научившись внушать уважение к своей индивидуальности, он научится уважать таковую же у других.

Пусть люди поймут, что если они не должны подчиняться ничьей власти, они не имеют и права навязывать свою, так как зло, причиненное другому, может обратиться против зачинщика. Рассудок должен объяснить индивидуумам, что сила, затраченная на отнятие у другого индивидуума части его счастья, равно потеряна для обоих соперников.

Обвиняют анархистов в том, что они создали ложный идеал человеческого рода и что они вообразили себе человека исключительно добрым, без недостатков, способным на всякую самоотверженность, и что они на этом построили несбыточное общество, которое смогло бы существовать только при условии самоотречения каждого ради общего счастья.

Это глубокое заблуждение; именно сами буржуа и сторонники власти не знают человеческой природы, ибо доказывают, что человек может ужиться в обществе только при твердой дисциплине, под давлением вооруженной силы, всегда стоящей наготове.

Чтобы осуществить эту власть и набирать эту вооруженную силу, им нужны были бы существа, абсолютно бесгрешные, ангелы, о которых якобы мечтают анархисты.

По их мнению, природа человека изменна; нужны железные розги, чтобы ее дисциплинировать, и они хотят вложить эти розги в руки людей. Какая бессмысленность! Человек—это не ангел, каким якобы его рисуют анархисты, но он и не жестокое животное, каким его описывают сторонники власти. Человек—существо, способное усовершенствоваться, и имеет свои недостатки, но также и свои хорошие качества; организуйте социальный строй, который ему позволил бы применять эти качества и парализовал бы его недостатки, или в котором проявление их влекло бы за собой наказание. В особенности сделайте же так, чтобы этот социальный строй не нуждался в учреждениях, где эти недостатки могли бы найти оружие для угнетения других, и вы увидите, что люди умеют друг другу помогать без принудительной силы.

ГЛАВА XIII.

Власть и организация.

Некоторая часть анархистов смешивает эти два столь различных термина. Ненавидя власть, они отрицают всякую организацию и видят в этой последней только род принуждения. Другие, чтобы не власть в эту ошибку, доходят до того, что провозглашают целую анархическую организацию при наличии власти. Между тем, между этими терминами существует капитальная разница. То, что сторонники власти называют организацией, есть только полная иерархия, предписывающая законы и выступающая от имени и вместо всех, или заставляющая отдельных индивидуумов действовать в качестве чьих бы то ни было представителей. Мы понимаем под словом „организация“ соглашение, которое образуется между индивидуумами, в силу их интересов, соединивших их для общего дела; это взаимные отношения, вытекающие из ежедневных сношений, которые все члены общества принуждены иметь друг с другом. Такая организация не должна иметь ни законов, ни статуты, ни регламентов, при помощи которых каждый индивидуум был бы принужден подчиняться под страхом какого-нибудь заранее определенного наказания; не должна иметь ни комитета, который ее представляет, ни парламентов, обязанных формулировать и декретировать мнение большинства.

Индивидуумы не должны быть связаны с нею, помимо их желания; они должны оставаться свободными и самостоятельными с правом покинуть указанную организацию, если бы она захотела вмешиваться в их личную инициативу.

Набрасывая картину будущего общества, было бы сомнительно с нашей стороны полагать, что это и есть рамка, в которой общество должно будет эволюционировать; мы не имеем высокомерного желания дать план организации и возвести его в принцип.

Пытаясь оформить наши представления о будущем обществе, мы хотим просто только набросать в крупных чертах главные линии, которые должны пояснить наши представления, ответить на возражения, делаемые анархической идее, и показать, что общество может очень хорошо сорганизоваться без властей, без представительства, без

законов, если оно действительно основано на социальной справедливости и равенстве.

В особенности мы хотим показать, что индивидуумы одни способны знать свои собственные нужды и уметь руководить собою в своем развитии, и что в этом отношении они не должны доверять никому; что есть только один способ быть свободным и равным—это не допускать господ и уметь уважать самостоятельность каждого, когда он уважает вашу.

Индивидуумам должна быть предоставлена свобода знакомиться друг с другом и соединяться в группы по сходным наклонностям. Установить единую форму организации, в которую должен был бы сложиться весь мир, и которая была бы введена тотчас после революции—утопия; было бы реакционным делом—мешать эволюции будущего общества, ставить границы прогрессу, удерживать его в пределах нашего узкого кругозора.

Среди индивидуумов господствует такое различие характеров, темпераментов и мировоззрений, что только самое узкое доктринерство могло бы наметить рамки, в которых общество волей или неволей было бы призвано жить и действовать.

Ничто не обещает нам, что идеал, который светит нам сегодня, удовлетворит нашим завтрашним требованиям и, в особенности, требованиям индивидуумов, призванных составить общество.

Бессилием и бесплодностью поражало до сих пор все социалистические школы, без различия оттенков, то обстоятельство, что все они в своих проектах будущего имели претензию урегулировать и предусмотреть вперед эволюцию индивидуумов.

В обществах, которые они мечтали установить, ничто не было предоставлено индивидуальной инициативе. В глубокой мудрости своей социологи декретировали вперед, что полезно или вредно для индивидуумов, и последние должны были преклоняться и не требовать ничего, кроме того, что их „благодетели“ считали нужным им предложить. Таким образом то, что отвечало стремлениям одних, шло в разрез с желаниями других: отсюда распра, борьба и невозможность создать ничего прочного.

То, что мы предлагаем здесь является только индивидуальной концепцией, которая на практике должна будет применяться к другим индивидуальным концепциям. Пусть каждый создает себе идеал общества, стараясь его пропагандировать; один проект исправится другим, и в день применения на практике они явятся уже обсужденными и улучшенными, что не исключает возможности им смешиваться, беря от каждого то, что в нем есть хорошего, и отбрасывая то, что было бы слишком индивидуальным.

По мнению некоторых наших противников, анархия—это возврат в дикое состояние и смерть всякого общества. Нет ничего более ложного. Только ассоциация дает человеку возможность пользоваться

механическими средствами производства, предоставленные к его услугам наукой и промышленностью, только соединяя свои силы, индивидумы увеличат свое благосостояние и самостоятельность, в мы без тревожных криков и предостережения знаменосцев буржуазии знаем полезность ассоциации.

Но эта ассоциация должна способствовать счастью *каждого* индивидума, а не одного класса, она должна произтекать от добровольного участия каждого, а не быть навязанной в отвлеченной форме, делающей из нее фетиша, поглощающего всех отдельных индивидуумов.

Для того, чтобы не впасть в те же ошибки, не столкнуться с теми же препятствиями, на которых потерпели крушение все социальные системы, созданные до сих пор, нам нужно остерегаться думать, что все люди созданы по одному образцу, что то, что может подойти к темпераменту одного, удовлетворит безразлично всех. Это необходимо для пропаганды идеи, как и для организации будущего общества. Чтобы подготовить революцию, которая соответствовала бы задуманному идеалу, следует, пропагандируя свои идеи, поступать по определенным принципам, сообразуясь с излагаемыми идеями; нужно приучиться действовать согласно своим замыслам, не ожидая приказаний со стороны кого бы то ни было, устранять из своих поступков все то, в чем обвиняют современное общество. Поступать иначе—значило бы подготовить в короткий срок возвращение тех же заблуждений, которых хотят разрушить.

Будучи практичнее своих противников, анархисты должны помнить совершенные ошибки, для того, чтобы их избежать. Взывая к индивидуальной инициативе, они не должны терять время на споры о существенности или полезности того или другого средства. Те, кто согласны между собой в какой-либо идее, соединятся в одну группу для приложения этой идеи к жизни, не заботясь о тех, которые не являются ее сторонниками; точно также сторонники какой-либо другой идеи сгруппируются для применения ее на практике, и, таким образом, каждый будет работать для общей цели, не мешая другому.

Прежде всего анархисты хотят совершенно уничтожить все тяготеющие над нами учреждения; опыт должен показать им, как лучше всего с ними бороться. Это единственное средство делать практическое дело, вместо того, чтобы терять время в бесплодных спорах, часто совершенно бесплодных, в которых каждый хочет, чтобы его образ мысли одержал верх, без всякой надежды убедить своих противников; спорах из которых человек часто выходит поколебленным в своей вере и потому менее исполненным решимости применять на практике свои идеи, и в результате которых обыкновенно возникает столько же разномыслящих фракций, сколько было в наличности идей, и при том фракций, враждебных между собою и теряющих из вида общего врага, чтобы воевать друг с другом.

Индивидуумы, группируясь по общим идеям, научатся жить и думать самостоятельно, не нуждаясь ни в власти, ни в современной дисциплине, состоящей в том, что усилие целых групп или отдельных индивидуумов уничтожаются из-за того, что остальные придерживаются различного взгляда.

И это будет полезно еще и в том отношении, что революция, произведенная на этой базе, могла бы быть только анархической, ибо индивидуумы, научившись жить без всякого принуждения, не будут настолько наивны, чтобы на другой день после победы выбрать себе главарей, тогда как они сумели без них победить.

Идеал некоторых социалистов: соединить всех рабочих в одну партию, получающую инициативу от центра, составленного из будущих правлений. В день революции люди из этого управляющего центра были бы облечены властью, и образовали бы таким образом новое правительство, которое декретировало бы новые законы и учреждения, долженствующие управлять новым положением вещей.

Так, например, коллективисты утверждают, что новая власть должна будет декретировать экспроприацию собственности и средств производства, организовать производство, регламентировать потребление и уничтожить, само собой разумеется, тех, которые будут других убеждений.

Мы видели, что это несбыточные мечты. Декреты об экспроприации, изданные после борьбы, были бы не действительны, ибо не декретами можно экспроприровать социальное богатство. Либо идея экспроприации будет преобладающей идеей грядущей революции, тогда все усилия восставших направятся на выполнение ее; либо она оттолкнет большинство, и тогда правительство, если бы даже оно захотело ее выполнить, встретило бы после восстания такую серьезную оппозицию, что это могло бы быть началом новой революции.

Только совершившиеся факты должны дать толчек революции. Восставшие работники должны сами завладеть домами, мастерскими и магазинами. Восставшие должны будут действовать за одно со всеми немущими, объясняя им, что все, что имеет общий характер, не принадлежит никому лично, и не может быть собственностью, которая могла бы быть передаваема произвольно: дома, фабрики, поля, копи, будучи произведением естественных сил или прошедших поколений, составляют наследство настоящих и будущих поколений и, следовательно, должны быть в распоряжении тех, кто имеет в них надобность, если только они не заняты, и тот, кто их держит, не может сам лично использовать их.

Все, что не приносит непосредственной пользы для индивидуума, все, что не может быть использовано индивидуально, составляет коллективную собственность всех, кто соединится в группу для пользования ею, но только на то время, пока они будут ею пользоваться; а затем строения, почва, машины становятся достоянием всех тех,

кто пожелал бы использовать их, в виду того, что первые работавшие на них отказываются впредь пользоваться ими.

Иначе не может быть, как мы увидим далее, и с продуктами; никто, под предлогом предусмотрительности, не имеет права отнимать у тех, кто нуждается немедленно; бережливость хороша только при условии, что от нее никто не страдает. На это слишком мало обращала внимание буржуазная экономия.

Личное присвоение будет тем более трудно, по крайней мере, что касается орудий производства и собственности, что люди не будут знать, что делать с землей и с машинами, которых они не сумеют использовать, будучи предоставлены самим себе, и которые следовательно будут для них бесполезны. Что же касается жилищ, то какова бы ни была жадность человека, он не сможет занимать помещения свыше известного предела. Накопление пищевых продуктов будет ограничено сроком, в который они могут испортиться и невозможностью скрыть их от глаз тех, кому они могут быть нужны. Теперь законы о собственности дают одному человеку право накопить запасы, могущие прокормить тысячи людей, и сгноить их на месте, если это ему нравится. В нормально устроенном обществе это было бы невозможно, потому что те, которые были бы голодны, имели бы право завладеть тем, что превышает способность потребления одного индивидуума. Так как каждый сможет завладеть орудиями производства, при помощи которых он будет в состоянии работать своими силами или в ассоциации с другими, в каждый будет хозяином продукта своего труда, то будет абсолютно невозможно найти работающих за плату.

В виду того, что торговля будет уничтожена, те которые будут обладать средствами производства, превышающими их силы, будут принуждены или соединяться на началах равенства с теми, кто сможет им помочь, или же предоставить эти орудия тем, которые смогут ими действовать.

Между тем наибольшая часть современных орудий производства может функционировать только при помощи ассоциации индивидуальных сил, и вот готовая почва, на которой индивидуумы сговорятся и попытаются установить зачаток организации. Лишь только появится эта первая группировка, выяснятся и отношения между различными группами, в которые индивидуумы должны будут сорганизоваться. Из всякой потребности индивидуума, из каждого способа действия, присущего человеческой личности, произойдет целая серия отношений между индивидуумами и различными формами группирования, это разнообразие способностей и различие в характере поступков будут управлять в области социальных отношений.

Как только экспроприация будет совершена, и согласие установлено, не будет надобности—ибо в этом и заключается опасность, как мы докажем—искать для них санкций какой-либо власти.

Нельзя предвидеть всех последствий борьбы, которая завязывается, ни обстоятельств, которые смогут из нее произойти. Мы показали в начале этого труда, что эволюция предшествует революции, но эта эволюция может быть только поверхностной, пока она остается в умах и не происходит в социальных отношениях. С другой стороны мы показали в „Умирающем обществе“, что сама социальная организация ведет нас к революции; часто случается, что политические события, экономические кризисы совершаются скорее, чем эволюция идей, и предшествуют ей иногда в области фактов.

Все это случайности, которые человеческая провидательность не в состоянии предвидеть, и побороть их будут способны только те, кто будет призван померяться с ними.

Нельзя заранее представить себе функции будущего общества также точно и определенно, как устанавливаются колеса музыкального ящика, который начинает играть, лишь только механизм заведен, и в котором достаточно поставить пружину в известный зубец шерстни, чтобы получить желаемую арию. Все, что мы могли бы вообразить с теоретической точки зрения, всегда будет только идеалом, более или менее приближающимся к действительности, но которому всегда будет недоставать базы, как только дело дойдет до применения его на практике, ибо человек считается со своими желаниями, наклонностями, способностями и даже с недостатками, но он не всеведущ, один человек не может понимать все побуждения, которыми движется человечество.

Поэтому с нашей стороны было бы смешно доказывать, что можно наметить рамки будущему обществу; но мы будем остерегаться также другой ошибки, общей многим революционерам, которые говорят: „Займемся сначала разрушением современного общества, и мы увидим затем, что нам следует делать“. Между этими двумя способами смотреть на вещи имеется, по нашему мнению, третий, лучший, и именно: Если мы не можем сказать с уверенностью: „так будет“, мы должны знать „чего не должно быть“, и чему мы обязаны препятствовать, чтобы не попасть снова под иго капитала в власти.

Мы не знаем, какая будет форма организации производительных и потребительных групп, ибо таковые сами должны быть судьями в том, что их удовлетворяет, и однообразный способ действия не может удовлетворить всех; но мы можем очень хорошо сказать, как поступили бы мы лично, если мы были бы в обществе, в котором все индивидуумы имели бы возможность действовать свободно.

Точно также нам нужно последовать, как общество смогло бы эволюционировать без покровительственной власти, без пресловутых „статистических комиссий“, которыми коллективизм хотел бы нас наградить взамен упраздненных правительств; как и почему можно было бы уничтожить употребление денежных знаков, которые экономисты считают необходимыми для жизни всякого общества, и почему

было бы вредно заменить их „бонами труда“, также изобретенными коллективизмом, и обещающими восстановить под другим названием все устройство современного общества, якобы разрушаемого коллективистами.

Необходимо иметь представление обо всем этом, потому что не в натуре людей идти, не зная куда. Затем, как мы уже сказали, путеводная цель должна диктовать нам наше поведение в жизни и наш образ действий в пропаганде наших идей.

Коллективный идеал должен образоваться из тех концепций и тех частиц идеала, которые будут внесены каждым членом общества в отдельности. Из хаотической суммы индивидуальных мнений выльется общая синтеза, которая в день, когда настанет время ее осуществления, проявится рядом со всеми стремлениями всех отдельных личностей.

ГЛАВА XIV.

Ценность.

Известно, что господа экономисты имеют претензию опираться на науку, чтобы подкрепить свои буржуазные теории и оправдать эксплуатацию масс меньшинством. Они стараются, самым трогательным образом, доказать рабочим, что если их эксплуатируют, если они несчастны и страдают от голода, то это происходит, по крайней мере, совершенно „научным путем“, и следовательно им нечего более требовать.

„Вас грабят! восклицают они, эксплуатируют, лишают всех радостей жизни, но во имя науки, которая вам отказывает в этих радостях, вы должны покориться ее предписаниям, ибо вы подчинены „неизбежным законам“, против которых нельзя восставать.— Все, что мы можем сделать, чтобы быть вам приятными, это объяснить их механизм, доказать вам, что невозможно избежать их“.

Конечно, не в таких, буквально, выраженных говорят эти господа, не любящие в аристократическом презрении к „низменной черни“ обращаться к ней прямо. Они довольствуются обыкновенно уверениями по адресу капиталистов, что рабочие предназначены и рождены специально для того, чтобы создавать прибыль на их капиталы, и капиталистам нечего обращать внимания на докучливые и несвоевременные требования этих никогда не удовлетворенных завистников; но если форма не точная, то, по крайней мере, таков смысл подлинного признания господ экономистов, лишенный цветов реторики.

Доказав аргументами, более или менее специальными, подкрепленными греческими и латинскими цитатами и алгебраическими формулами, что рабочий должен довольствоваться картофелью и спать в конурах, они выпрямляются с напыщенным видом и говорят нам: „Так утверждает наука! Так предписывает природа! Мы только регистрируем их законы“. Однако таким скептикам, как мы, их способ обращаться с наукой кажется очень спорным, и мы протестуем. При таком обращении с научными данными астрология, хиромантия и гадание на картах могли бы потребовать признания их наукой наравне с другими отраслями человеческих знаний. Великий маг Пелладан мог бы также требовать введение преподавания магии в курс точных наук в университете.

Эти господа поступают следующим образом: берут три или четыре факта, являющихся следствием современной социальной организации, об'являют эти факты „естественными законами“, то-есть, фактами, проистекающими из естественных законов природы, или вытекающими из самой натуры человека.

Такие факты являются только следствиями уродливой социальной организации, от которой мы страдаем; они же считают их причинами, и тогда им не трудно доказать, что, будучи уничтоженными, эти факты не замедлили бы возродиться; об истинных же причинах они умалчивают.

Затем, признав существование такой неизбежности, хотя она ими не доказана, они всю свою систему заставляют вращаться вокруг каких-то, ими самими созданных, „естественных законов“. Если не оспаривать фактов, на которых они основывают свои рассуждения, и принять их предпосылки, то их выводы покажутся совершенно логичными; но если разбраться в их псевдо-естественных законах, то скоро можно заметить, что отправный пункт их рассуждений ложен, что, то что они хотят заставить нас принять за неизбежные законы, только следствие уродливого, плохо уравновешенного социального строя, основанного на нарушении истинных „естественных законов“. Тогда рушится все их сплетение лжи, и обнаружится их невежество, тщеславность и недобросовестность. Мы увидим, что то же произошло и с „ценностью“, сделанною ими той осью, вокруг которой вращаются все их общественные отношения, их торговля, их обмен

„Производство ценности“, говорят они, „есть первое естественное явление, которое мы встречаем при вступлении в область политической экономии“*). Но спросите их, что такое ценность! Что это за зверь?

„Производить ценность, говорят они, это значить вырабатывать предметы, которые можно обменивать на другие“.

Вы им замечаете, что это об'ясняет вам, как „вырабатывается“ ценность, но не дает никакого понятия о самой ценности. Тогда они продолжают, „что так как предметы, которые можно обменивать, вместе с тем являются потребительными, то они приобретают ценность, смотря по большему или меньшему изобилию их. Чем реже они встречаются, тем большую ценность они имеют: чем их больше, тем менее они ценятся“, — Да, но .— „Подождите... Сохранение этих предметов, их производство требуют некоторого времени, не правда ли, чтобы сделать их пригодными для потребления покупателей? Вот, это время, необходимое для их производства, составляет еще часть ценности, которую они в себе воплощают! Прибавьте к этому проценты с покупиной стоимости, риск, понесенный капиталштом, за-

---

*) Естественные законы политической экономии. Ж. де Молинари, стр. 1.

тратившим вперед свои средства, его накладные расходы, и вы будете иметь окончательную ценность, образованную из всех ценностей истраченных на приведение продукта в состояние, в котором он может быть обменен или потреблен“.

Это несколько не объясняет нам, почему какой-либо предмет превратился в ценность, почему труд есть ценность, но перед нагромождением стольких „ценностей“, мы вынуждены принять определенное таким, каким оно есть, и продолжать наше исследование.

В первоначальных стадиях истории человечества, вероятно, очень мало интересовались теорией ценности, и первые шаги торговли были очень просты. Если человек нуждался в каком-либо предмете, то должен был его занять у товарища, у которого он имелся, под условием оказать ему в свою очередь позднее какую-нибудь услугу, не задаваясь вопросом, получает ли он больше или меньше того, что может дать. Вероятно, только позднее, когда уже сложилось понятие о личном присвоении, или может быть потому, что владелец, испытывая сам сильное влечение к желаемому предмету, соглашался его уступить только в обмен на другой предмет, пробудивший у него более сильное желание владеть этим другим предметом, люди стали обменивать один предмет на другой и желать чего либо в обмен на то, что давали.

В конце концов стали чувствовать необходимость назначить предметам определенную стоимость для того, чтобы урегулировать сделки и облегчить обмен.

Некоторые предметы были избраны единицами меры при определении стоимости вещей, могущих обмениваться. Таким-то образом, например, Гудзонская Компания требует столько-то бобровых шкур за одно ружье, топор и т. д., или столько-то шкур высшего качества за одну шкуру бобра. В некоторых странах Африки один невольник стоит столько-то метров бумажной ткани, столько-то ниток жемчуга или ценных раковин; в других местностях меновой стоимостью его служат корова, слоновый клык, кое-где даже женщина. Экономисты утверждают, что изобретение единицы меры ценности было большим прогрессом.

Если не было найдено ничего лучшего, то очевидно, это был прогресс по сравнению с тем, что существовало раньше, но когда принялись совершенствовать аппарат, то оказалось, что из него вышло отличное средство для эксплуатации других. И поэтому он вскоре сделался недостаточным.

Разрубленная на куски корова еще сохраняет некоторую продажную ценность, но она не остается в этой форме способной обмениваться бесконечно; женщина, невольник, какова бы ни была ценность их, когда они здоровы, не имеют ее более, если бы кто-нибудь вздумал их разрубить на части; требовалось найти более практичное выражение ценности, которая могла бы делиться и оставаться невре-

двойной при бесконечных переходах из рук в руки, т.-е. обратились к раковинам, военным или сельскохозяйственным инструментам, более или менее драгоценным металлам, затем после многих опытов и попыток придумана была—золотая, серебрянная и медная монета, снабженная каким-нибудь изображением, и имеющая более или мене постоянную ценность, которая должна была отныне служить основой сделок.

С ростом прогресса, с увеличением количества торговых сделок явилась необходимость найти более удобное и менее громоздкое выражение ценности самых денег, которые были только изображением других ценностей, и тогда появились банковые билеты, чеки, тратты, акции и другие ценные бумаги. Мы увидим далее, что это усложнило обмен, вместо того, чтобы его упростить, и помогло тем, кому удалось уже начать свою эксплуатацию, обмануть других, которым они служили посредниками, и присвоить себе под названием „коммиссионное вознаграждение“ некоторую часть ценности, отнимаемой у производителей и покупателей.

Но не все, что служит потреблению человека, есть исключительный продукт одного его труда. Металлы, дерево, плоды, мясо и проч., кроме того, что они подвергались труду человека и воплотили в себе стоимость его, имели еще раньше присущую им ценность которую они получали от одних естественных сил природы, всегда действующих на земном шаре, и которая получается от свободного химического соединения составных элементов, находящихся повсюду на земле, в воздухе и в воде. Отсюда следует, что тот, кто захватывает естественные продукты, чтобы ими торговать, захватывает ценность, ему не принадлежащую, ибо он может это сделать, только ссылаясь на право собственности, право фиктивное, искусственное, которое ему позволяет удерживать часть земного шара, вопреки всеобщему договору, и происходит из грубой силы, завоевания, грабежа, воровства и обмана.

Человек, захватывающий то, в чем он не имеет непосредственной надобности, обкрадывает другого, который в этом нуждается. Можно назвать вознаграждением барыш, извлекаемый посредником из своих услуг, но если целый ряд получек указанного вознаграждения допускает накопление денег, то барыш является кражей, которую посредник совершает у тех, кто прибегает к его услугам.

Собственность и ценность являются не „естественными законами“, но произвольными следствиями уродливой социальной организации, и выводы экономистов, кажущиеся такими логичными, лишены основания. То что капитал извлекает—под видом ли ренты, или процентов—из средств производства, им захваченных, оправдывается только узаконением первого воровства. Когда капиталисты докажут право личного присвоения, они должны будут еще доказать право эксплуатировать других, но до сих пор, хотя они много спорили, но ничего не доказали; следовательно, да будет нам позволено сказать им, что их система опровергнута.

Они пытаются защититься, утверждая, что меновая ценность необходима для облегчения сношений и обмена, что общество не может существовать без уравновешивающей власти, что без возможности присваивать продукты в личную собственность, погибнет всякая человеческая деятельность. Мы видели уже и еще увидим, чего стоят все эти утверждения.

Так как экономисты признанные—если не привилегированные и патентованные—защитники буржуазного строя, то мы имели бы право не слишком долго останавливаться на их утверждениях и отрицаниях, но некоторые социалисты, желающие также казаться очень учеными, стараются преподнести нам то же блюдо, но под другим соусом. Они тоже сомневаются, что человечество не может существовать, если будут уничтожены меновая ценность и власть, призванная регулировать конкуренцию. Посмотрим же, как до сих пор регулировалась ценность.

Мы знаем, что в производство предмета входит часть сил природы, которые не принадлежат никому,—а следовательно, принадлежат всему миру;—таким образом первое воровство совершают те, кто присваивает себе монополию над предметом, для перепродажи его другим. Мы увидим в следующей главе, что рабочая сила, затраченная на производство предмета, точно также не поддается оценке, и что она варьирует в цене, согласно воле капиталиста и обстоятельств, в которых находится рабочий.

Сообразно тому, много ли, или мало данного продукта на рынке ценность его понижается или повышается. Известно же, что искусственные повышения или понижения вызываются произвольно дельцами, и те наводняют рынок или скупают до чиста все продукты, либо в видах спекуляции, или просто ради того, чтобы раздавить конкурента, который их стесняет. Ценность предметов, следовательно, совершенно произвольна и не основана ни на какой логике.

До сих пор мы видели, что производить ценность значит отнять некоторую долю чужого труда, служа посредником между производителем и потребителем, долю, которую назвали вознаграждением, чтобы оправдать передожение ее в свой карман и потому, что социальная организация такова, что посредник, без которого можно было бы обойтись в нормально устроенном обществе, сделался необходимым, так как одни присвоили себе капитал, недостающий другим.

Чтобы узаконить вознаграждение, которое капиталист извлекает из своей торговли, промышленности или других операций, экономисты ставят нам в счет „риск, несомый в предприятии капиталом“. Нам нет надобности настаивать на том, что капитал ничего не производит сам; что после покупки вещь, сама по себе, стоит только то, что она стояла раньше, что только труд может увеличивать ее ценность, если таковая имеется.

Если был риск, за который следует платить премию, то по всей логике, она должна была бы быть уплачена труду, потому что это

он доставлял капитал, необходимый для покупки. Но ведь делают законы капиталисты, и они решили иначе.

„Капитал, вкладываемый в предприятие, подвергается риску“, говорят экономисты. „Предприятие может не произвести того, чего от него ожидают, или даже совершенно рухнуть, вследствие чего капиталист потеряет авансированные им деньги. И поэтому совершенно справедливо, что он удерживает в свою пользу некоторый процент своих денег для покрытия рисков!“

Такова капиталистическая логика! Рискую потерять свой капитал, человек, вкладывающий деньги в предприятие, имеет право требовать процентов на покрытие риска. Но одно из двух: или капиталист получит обратно деньги, которые он авансировал, или он их теряет. В первом случае, его деньги не подверглись риску, и тогда он незаконно присваивает страховую премию, которая ему не следует; во втором случае, риск был, потому что убыток произошел, но нам кажется, что если он теряет капитал, он не извлечет большой пользы из страховой премии. Как бы он не увеличивал страховую премию, она несколько не поможет ему возратить потерянный капитал.

Таким образом страховая премия платится только тем предприятиям, которые действуют успешно. Капиталист получает свою премию только тогда, когда он подвергается риску, и из этого следует, что операции, не несущие рисков, оплачивают случайности подозрительных операций. Капитал всегда наворачстает свое на продукте труда; последний всегда платит за убытки.

В таком случае, трактирщик, пишущий в счете „закуски“ не поступает ли, не зная сам этого, по правилам политической экономии, Включая два раза один и тот же предмет в один и тот же счет он заставляет состоятельного клиента платить за того, который „забыл“ уплатить—и не в этом ли мы видим применение на практике системы, столь любезной разным Леруа Болье и Молилари? Вот естественное применение их экономических законов, на которое они еще не ссылались и которое мы с удовольствием им указываем.

Впрочем, разве в современном обществе не все организовано точно таким же образом? Магазины, продающие товары по подписке, эти „истинно филантропические учреждения“ разве не основаны на той же системе? Все знают, какие огромные суммы якобы потеряны ими вследствие неаккуратных платежей со стороны части клиентов, которые, получив желаемую вещь, не хотят вовсе слышать о ликвидации счета. Мы сказали: „якобы потеряны“, и это точно, ибо обыкновенно, вещь выдавалась только после уплаты половины стоимости, но так как магазин старался ее оценить в четыре раза выше ее стоимости, то получал прибыли сто процентов, не считая авансированных сумм, которыми он пользовался, ничего не тратя сам. Вот какой кредит делается рабочим.

А разве не та же система введена в обществах взаимопомощи и в взаимного страхования, где взносами тех, кто никогда не будет хворать, оплачивается лечение больных, точно так же, как взносы тех, кто умрет раньше определенного зозраста, составят ренту для переживших.

И таким образом в нашем обществе солидарность, хотя и существует, но вопреки здравому смыслу она направлена в пользу одних и эксплуатирует других. Общество организовано, главным образом, так, что вынуждает каждого желать гибели своего конкурента, чтобы воспользоваться его достоянием.

Мы говорили выше, что труд единственный производитель всякого богатства. В самом деле, можно было бы собрать в кучу все золотые и серебряные монеты, все ценные бумаги, комбинировать всевозможные переводы и обороты, перемешивать все, сколько угодно, время не увеличит их вес ни на один грамм: деньги не плодятся. Самые отвлеченные, самые фиктивные спекуляции всегда предполагают известный продукт природы и некоторую долю труда, на которых основаны все расчеты.

Пусть эти ценности будут уничтожены, социальные отношения от этого, конечно, изменятся, условия существования и труда станут другими, но в общей сумме не станет меньше ни на один грамм маса, ни на одно зерно хлеба, и человечество будет продолжать существовать, между тем, как в тот день, когда производители ценности перестали бы работать, буржуазия со своими капиталами оказалась бы в очень печальном положении. Труд, таким образом, является действительным производителем богатства. Капитал представляет собою ценность и продукт, отнятые у труда.

Если бы первые торговцы довольствовались обменом одних предметов потребления на другие, они не могли бы создать себе капитал. Если два человека обменивают два предмета равной ценности, они не становятся богаче прежнего. Один и другой могут быть больше удовлетворены, получив предмет, возбуждавший их желание, но эта единственная выгода, которую они извлекают из обмена. Если же есть материальная выгода для одного, то это потому, что есть потеря для другого; тогда происходит обман, появляется составление фальшивого счета.

На заре человечества, когда все силы человека были сконцентрированы на возможности существовать, человек мог обменивать один предмет на другой, но это был только обмен услуг, и здесь не было еще места ни торговле, ни капиталу. Последние появились только тогда, когда некоторые люди научились спекулировать желаниями ближних и получать плату за свои услуги в большем размере, чем они в действительности стоили. Вероятно обрывок воспоминаний о тех отдаленных временах побудил древних греков и римлян дать ворам и купцам общего бога: Меркурия!

Так как эволюция пошла в этом направлении, то чем больше развивался человек, тем больше усиливалась специализация, и таким образом торговля сделалась институтом, который встречается уже совершенно установившимся, начиная с зары исторической эпохи.

По мере увеличения обмена, капиталы сконцентрировались в руках тех, которые образовали торговый класс; но давность воровства не узаконивает современное воровство, и те, кто являются его жертвами обязаны от него освободиться.

Создание меновой ценности, то-есть, денег, дало возможность воровству обосноваться среди общественных ассоциаций, заставляя верить людей в какое-то вознаграждение за услуги, между тем, как в действительности, у них похищалась часть продуктов их труда путем обмана в действительной ценности предметов. Капитал—результат краж, совершенных прошедшими поколениями спекуляторов у производителей, а между тем, ради того, чтобы узаконить подобные кражи, хотят нас уверить, что воровство есть следствие какого-то „естественного закона“.

Мы видели, что нет возможности установить истинную меру ценности; мы увидим теперь, что до сих пор нам предлагали только произвольные понятия о ценности, что невозможно установить меру ценности и что, следовательно, намерение экономистов и социалистов установить общество, в котором каждый был бы вознагражден по заслугам, есть только магия, и всякое установленное в этом смысле правило будет только продолжением узаконенного грабежа одних другими.

ГЛАВА XV.

Мера ценности и статистические комиссии.

Как мы видели, не только одни экономисты признают установленные ценности необходимым для прочной организации общества. Все те из социалистов, которые хотели создать проекты социальной реорганизации, наталкивались на это препятствие. Социалисты, требующие упразднения частной собственности, и коллективисты, считающие себя революционерами, не нашли ничего лучшего взамен капиталистической организации, как статистические комиссии, которые будут обязаны заботиться о производстве и распределении продуктов соразмерно труду каждого; признав, что единица меры, монета, в обращении была вредна, они декретировали ее отмену... для того, чтобы заменить ее другой мерой собственного изобретения!

Такова сила предрассудков!

Люди поняли всю живость современного меркантилизма; поняли, что следует упразднить личную конкуренцию, уничтожив монету, которая как меновая ценность, является орудием обмана и мошенничества, и те, кто понял это, не нашли ничего лучшего, как заменить одну меновую ценность, деньги, другой меновой ценностью. Их революционность не идет дальше перемены названий. И ради такого ничтожного результата рабочие должны рисковать своей жизнью?

Какое нам дело, получают ли те, кто управляет нами, право предписывать нам свою волю в сфере производства и обмена только сплю своего капитала, или же заставят нас еще освятить эту волю путем избирательной комедии?

Какое дело рабочим до того, в чем выражается меновая ценность: будет ли это более или менее драгоценный металл: золото, серебро, желез, жемчуг, выделанная кожа, картон или какое-либо другое вещество; называется ли она франком, долларом, ливром, флорином, рабочим часом или каким-либо другим названием, якобы подходящим к той единице меры, которая будет установлена? В чем же здесь выразится перемена? Те же причины произведут те же результаты. Заключается ли опасность в названии вещи, или же в самом употреблении ее?

Если в будущем обществе еще останется *обмен продуктов*, то каждый захочет оценивать свои продукты выше чужих и будет в

праве считать себя обиженным, когда эта оценка не будет такой, на какую он рассчитывал; и тогда возродятся все недостатки современного общества.

Для того, чтобы избежать недоразумений и взаимных упреков, следовало бы найти базу, которая дозволила бы каждому уделять действительную часть его труда. Нужно было бы найти средство, которое позволило бы измерять математически точно долю труда каждого. Найдена ли такая база?

Вот что отвечает на это один из них:

„Установление ценности является великим двигателем деятельности и осью взаимопомощи. Действительно, чтобы установить равный обмен, обмен по истинной стоимости, нужно, чтобы ценность была бы установлена.

Но где найти критериум ценности?

По мнению Прудона—это рабочий час. Следует заметить, что социалисты из *Интернационала* все были более или менее последовательными сторонниками Прудона; впрочем, они все позаимствовали от него кое-что. Если теперь мы не являемся более его сторонниками, то это потому, что мы признали, что нет и не может быть меры ценности.

„Если бы мы захотели безусловно установить ценность, то стали бы оценивать продукты, не принимая во внимание ни больший или меньший талант, ни научные знания, ни все, что было затрачено из моральной или материальной силы для производства этих продуктов“. (Выдержка из доклада Базельскому конгрессу, цитированная Б. Мало в его сочинении: *Интернационал*, его история и его принципы).

Такое признание сделано всеми, и даже несчастные экономисты, утверждающие, что следуют только „естественным законам“, не могли до сих пор объяснить ценность, и принуждены признать, что ось по их системе является закон, совершенно произвольный.

Сторонники власти, социалисты, не видя другого исхода, остановились, за неизмением лучшего, на мере ценности: рабочий час! Но, ведь, имеются работы, требующие более значительной затраты сил, более грязные, более опасные—как справиться с этим?

Одни хотят распределить эти работы в виде социальной барщины, которую каждый был бы призван отбывать по очереди; организовалась бы очередь работы, которая, вероятно, допускала бы исключения, само собой разумеется, только если бы эти работы были организованы какой-нибудь властью. Другие находят более практичным повысить стоимость часов, доставляемых лицами, занятыми на этих работах. Во всяком случае, вот уже достаточно поводов для распрей и зависти в их обществах.

Но больше того. Во всяком труде имеется много факторов: мускульная сила и ловкость, мозговой труд в различных степенях сложности, рассудительность, память, сравнение, упрощение или усовер-

шенствование труда, и Бог знает еще что; не достаточно ли и этого, чтобы усложнить вопрос и сделать распределение труда крайне трудным, если не возможным?

На какой базе установить меновую ценность, чтобы она давала каждому полный продукт его труда и устраняла бы все недоразумения? Какой динамометр сможет быть приспособлен к нервам человека, чтобы постоянно регистрировать трату его сил и его мозговую деятельность?

Так как эта меновая ценность может быть установлена только приблизительно, сообразно данной работе и данному времени, то необходимо будет принять, по взаимному соглашению, среднюю для всех родов труда. Кто установит эту среднюю? Статистические комиссии. Но как удовлетворить тех, кто будет считать себя обиженным; не придется ли навязать им эту среднюю насильно? Некоторые коллективисты протестуют, когда им говорят, что их комиссии будут правительствами. „Администрацией, да, отвечают они: *правительством, нет*“.

Однако, одно из двух: или это признание ценности будет предписано властью, или рабочие приобретут достаточно практического смысла, способности к самоотречению в мелких вопросах личной выгоды, чтобы установить порядок, который будет казаться им предпочтительнее существующего положения вещей?

Почему в таком случае вы отказываете рабочим в духе солидарности, когда дело касается анархического общества?

С другой стороны, создавая боны труда—таково наименование новой монеты,—как помешать накоплению: вот трудный вопрос, который устранить крайне важно, так как в прогивном случае открывается возможность накопления капиталов в новом обществе.

На это отвечали, что так как накопление может касаться только предметов потребления, недвижимая же собственность: земля, машины и проч., будет неотчуждаема, то опасность от такого накопления не может быть велика. С точки зрения восстановления личной собственности, очевидно, что подобное накопление не может быть очень опасно. Но есть моральная опасность: позволяя отдельным лицам собирать богатства и накапливать деньги, им дадут средство восстановить торговлю и личную конкуренцию, которые имеют быть упразднены при организации нового общества. Стремление к роскоши и дух меркантилизма, столь вредные в настоящее время, вместо того, чтобы исчезнуть, продолжали бы жить в умах людей, и в результате люди начали бы искать средство для большего расширения размеров столь легко дающегося обмена продуктов; таким именно образом начало развиваться капиталистическое общество, и спрашивается, стоит ли делать революцию, чтобы возвратиться к исходному пункту нашей истории!

Но помимо этой опасности, могущей проявиться только впоследствии, имеется другая, более непосредственная, результатом которой было бы распадение системы коллективизма. Мы объясним, как:

Представим себе тех „злонамеренных“ личностей, которыми по утверждению коллективистов должно будет изобиловать анархическое общество. Представим себе, что эти „злонамеренные личности“, будучи в состоянии производить больше, чем им нужно,—как часто бывает, станут накапливать. Чтобы не делать картину более мрачной, чем следует, оставим в стороне возможность спекулировать или нанимать лиц, которые служили бы их личным потребностям; вообразим, что эти опасности устранены. Само по себе накопление является уже опасностью, ибо, в то время, как общественные магазины будут переполнены продуктами деятельности таких личностей, и излишек их не будет уравновешен соответствующим потреблением, расчеты статистических комиссий окажутся совершенно расстроеными; так как каждый рабочий час будет представлять эквивалент какого-нибудь продукта, доставленного в магазин, то, очевидно, тот продукт может быть выдан из магазина только по пред'явлении соответствующего „бона“.

Если бы нашлись люди, которые просрочивали бы свои боны, за отсутствием нужды в продуктах, то могло бы случиться, что другие люди, имеющие нужду в том же самом продукте, не могли бы его получить из магазина за отсутствием бона, дающего право на этот продукт.

Коллективисты хорошо предвидели это возражение, потому что они постарались подыскать всякого рода паллиативы. Но, как все паллиативы, эти бесполезно усложняют систему и не устраняют опасности. Они нашли в числе прочих паллиативов—периодическое уничтожение непред'явленных бонов труда! Но может случиться и то, что индивидуумы не сохраняют своих бонов, или обменяют их на продукты, могущие сохраняться неопределенное время. Кроме того, кто мог бы мне запретить обменивать мои старые боны на новые в момент возобновления их? Могло бы быть, что я захотел бы работать и накапливать десять, двадцать лет, чтобы затем развлекаться, ничего не производя, и кто имел бы право запретить мне это? Неужели вы установите немедленное и обязательное потребление?

Но есть еще другая трудность. Существуют люди, которые без скрытых намерений обладают способностью производить без усталости и в этом находить удовольствие, не испытывая нужды потреблять то, что они производят. Но каждый бон труда должен иметь в магазине свой эквивалент в виде какого-нибудь продукта. Тогда, в так называемом равноправном обществе сможет проявиться такая аномалия, что за отсутствием надобности одни лица оставят просроченными свои боны, и таким образом в магазине будут неиспользованные продукты, в то время, как другие не смогут удовлетворить свои потребности, вследствие того, что не будут производить в достаточной мере.

Статистические комиссии, обязанные регулировать производство, соответственно с нуждами потребления, в виду накопления неиспользованных продуктов, будут вынуждены сократить их производство. И как

в современном обществе переополнение товарных складов порождает нищету и безработицу для производителей, точно также и в будущем обществе такое явление вызовет множество разных осложнений.

И тогда мы приходим к альтернативе, указанной выше: придется или принуждать людей расходовать имеющиеся у них бонусы труда, или уничтожать неостребованные продукты, или же бесплатно раздавать таковые „нуждающимся!“ Значит, будет восстановлено общественное призрение! Но ведь коллективисты утверждают, что их статистические комиссии не будут иметь никакой власти навязывать свои решения, следовательно нужно будет, чтобы они согласились непосредственно участвовать в том беспорядке, который произойдет от их попытки организации, и допустили бы безработицу, результат перепроизводства продуктов, или же чтобы они перестали соблюдать ими же самими установленные правила или, наконец, обратились бы к доброй воле отдельных лиц. Почему тогда отрывать за людьми право и способность ориентироваться самим, по воле обстоятельств?

Таким образом, несмотря на все отрицания, мы видим, в чем выразится роль этих пресловутых статистических комиссий. Они будут регламентировать рабочее время, назначая каждому количество часов, которые он *должен будет* предоставить в распоряжение общества; они будут регламентировать производство, указывая каждому, что он *должен будет* производить; остается только потребление: мы знаем, как его будут ограничивать, но не знаем как сбалансируют с производством. В подобном обществе индивидуум будет ограничен во всех своих поступках и при каждом движении натолкнется на какой-нибудь ограничительный закон. В нем может быть будет „коллективизм“, но во всяком случае не равенство, и еще менее свобода.

Помимо всех вышеуказанных неурядиц имеется еще одна, более опасная. Если бы были установлены эти комиссии—представляющие собою не что иное, как то же правительство, только под другим названием—то оказалось бы, что революция была сделана единственно ради того, чтобы помочь такой же концентрации богатств, какая ныне происходит в капиталистических сферах, и в конце концов, передать в руки ничтожного меньшинства право собственности на орудия производства и все социальные богатства и увеличить ту бюрократию, которая нас давит и убивает при современном строе. Современные капиталисты хотели бы упразднить Государство, деля его на части, и превращая каждую из его функций в промышленное предприятие для того, чтобы еще крепче держать его в своих руках. Коллективисты стремятся завладеть богатством, чтобы его сконцентрировать в руках Государства:—по существу это то же дело, предпринятое только в обратном направлении, но приводящее к одинаковому результату.

Теперь, когда Государство владеет только незначительной частью общественного богатства, оно сумело создать вокруг себя массу частных

интересов, которым выгодно сохранить его, и которые поэтому препятствуют нашему освобождению. Чем же будет Государство, являющееся одновременно хозяином, капиталистом и собственником? Оно будет Государством всемогущим, располагающим, по своему желанию, всем социальным достоянием, и распределяющим его согласно со своими интересами. Такое Государство будет господином не только настоящих, но и будущих поколений, ибо берет на себя заботу о воспитании детей и таким образом в состоянии, по своей воле, двигать человечество по дороге к прогрессу широким и разносторонним воспитанием, или же оставить его развитие узким и ретроградным. Мы в ужасе отступаем перед властью, располагающей такими могущественными двигателями человеческой деятельности.

Так, например, это капитализму удалось создать строй, помогающий защищать классовые интересы, каждый член класса имеет свои отдельные интересы, ставящие его в антагонизм по отношению к другим членам своей касты, и этим пользуются рабочие, чтобы вырвать у него какую-нибудь уступку. Коллективистическая же революция ускорила бы слияние двух наших врагов — Капитала и Власти.

Мы жалуемся, что современное общество стесняет нас в нашем движении вперед, мы возмущаемся тем, что оно обуздывает силой своей власти наши стремления. Что же будет в обществе, где ничто не сможет быть произведено, если оно не будет носить штемпеля Государства, в лице его представителей: статистических комиссий? В подобном обществе все хорошие намерения будут уничтожены, все начинания разбиты. Ни одна новая идея не сможет появиться, если за нею не будет признана общественная полезность. Так как всякая новая идея принуждена бороться против господствующих идей, то это будет систематическое умерщвление, абсолютное подавление всякой новой идеи. Она будет мертва прежде своего появления.

Таким образом, книгопечатание — мы возьмем только один пример — которое до сих пор было одним из наиболее могущественных средств прогресса, ибо дает возможность популяризировать человеческие знания, и которое не могут принудить к молчанию самые строгие законы, будет закрыто для новых идей: ибо, каково бы ни было беспристрастие призванных образовать коллективистическое правительство, сомневаемся, несмотря на широкий умственный кругозор, обнаруживаемый современными проповедниками коллективизма, чтобы они довели самоотречение до того, что позволят печатать что-либо в осуждение их действий, власти и постановлений, в особенности, если они будут в праве считать, что они обязаны вести людей к счастью, которого те без них не могут достичь. Чтобы придать запрещению законную форму, коллективистическому правительству достаточно будет сослаться на соображения общественного характера: например, что производительные силы, поглощенные удовлетворением немедленных нужд, не могут быть отвлекаемы от их назначения для

производства вещей, необходимость которых не достаточно установлена.

И чем искреннее будут эти люди, чем сильнее будут верить в порядок вещей, управляемый ими, тем нетерпимее они будут относиться к идеям, противным их мировоззрению. Будучи твердо убеждены, что ведут человечество к счастью, они тем бесжалостнее будут подавлять враждебные им идеи. Мы слишком много страдали от власти, чтобы не принимать мер предосторожности против будущего, ибо не хотим более предоставить нашу судьбу в распоряжение личных или коллективных заблуждений.

Статистические комиссии, говорят нам, не будут властью; они будут *определять* производство, *распределять* продукты, они *устанавливают* одно, *организуют* другое, но вовсе не будут правительством. Напротив, они будут слугами народа!

В таком случае спрашивается: если группам или индивидуумам будет предоставлена свобода упразднить комиссии, когда те станут их стеснять—в чем заключается польза этих комиссий? Не проще ли предоставить индивидуумам свободу организовываться, регулировать производство и потребление так, как они захотят, не усложняя дела бесполезным бадластом?

Как бы ни отрицали стыдливые сторонники власти, они не сумеют выйти из дилеммы: или группы и индивидуумы будут свободны принять или отвергнуть решения комиссий, или эти решения будут иметь силу закона.

В первом случае бесполезно устанавливать комиссии, во втором же нужно будет создать силу, чтобы поддерживать их решения, и в таком случае, куда же денется свобода тех, которые явятся оппозицией?

ГЛАВА XVI.

Диктатура класса.

Социалисты, сторонники власти, так откровенно желают установить правительство со всей его властью и всеми атрибутами, что для того, чтобы заранее оправдать его они громко заявляют, что будет необходимо установить „диктатуру класса“. Но при этом забывают об'яснить, что понимается под „диктатурой класса“. Не есть ли это одно из тех слов, высокопарных, громких, звучных, но совершенно лишенных смысла и абсолютно ничего не обозначающих; одно из тех пустых слов, бросаемых, время от времени, массам, чтобы избежать об'яснений, которые было бы затруднительно дать. Подобные слова содержат в себе целый мир обещаний, и наивные люди подхватывают их и делают из них себе знамя, не понимая, что над ними издеваются, что их осмеивают. „Диктатура класса!“ Посмотрим же, что этим хотят сказать.

„Это будет оружие рабочих против буржуазии“, отвечают нам. Превосходно! но в чем выразится эта „диктатура“ на следующий день после революции*), которая, чтобы быть удачной, должна состоять именно в том, что все социальные неравенства будут унижены?

Сколько ни вдумываться в эту проблему, вывод получается только один.

Пугая рабочих призраком буржуазии, хотят приучить их быть слепой, бессознательной массой, получающей лозунги от своих вожаков, приучить их действовать под влиянием толчка исходящего из правящего центра, без малейшей личной инициативы; таким образом надеются подготовить введение диктатуры, которую никто не станет оспаривать, и которая будет навязана всем на следующий день после революции.

Рассчитано хорошо, ибо при такой системе официальное правительство могло бы в крайнем случае притвориться покорным, униженным, делать вид, что исполняет только „волю народа“. Казалось

---

*) Самы сторонники власти допускают, что социальное преобразование произойдет внезапно вследствие революции, и из этого выводят оправдание власти, которую они хотят установить.

бы, не будет надобности ни в полиции, ни в армии, ибо принудительные силы будут добровольно доставлены правительству добрым и всегда великодушным народом.

Все живые силы революции, приученные выполнять без рассуждений приказание, безмянных правящих комитетов, находились бы всецело в руках правительства. Диктатура, обыкновенно жестокая, сделалась бы отеческой и кроткой, но тем не менее существовала бы, хотя и неуловимая, но постоянно возрождающаяся в наших рядах.

Мы должны бороться всеми нашими силами против подобной диктатуры, во сто раз более страшной по своим последствиям, чем все существовавшие до сих пор, ибо народ предписывал бы только то, что ему было бы продиктовано его вожаками, веря, что он сам предписывает свою собственную волю. Всякая мера, применения которой он требовал бы, была бы ему внушена теми, кто в ней нуждается для обуздания народа.

К тому же лица, оторванные от работы в мастерской*), не могли бы более производить, будучи принуждены отдавать все свое время делам диктатуры, и самим этим фактом превратились бы в представителей буржуазии.

Первая вещь, которую они должны были бы, по нашему мнению, сделать, приступая к исполнению своих обязанностей, это упразднить самих себя.

На это нам ответят, что занятия делами диктатуры волей товарищей и на пользу всеобщего благосостояния, не будучи материальным трудом, не были бы менее производительными, потому что способствовали бы поддержанию порядка в социальном строе; что производительные способности не ограничиваются выработкою какого-либо предмета, и что ученый, который решает алгебраическую, физическую или психологическую задачу, является таким же производителем, как и тот, кто обрабатывает землю, обтачивает часть машины или выделывает пару сапог. Пусть я они имеют право на участие в распределении продуктов, какова бы ни была форма их деятельности.

Конечно мы знаем, что мозговая работа может быть также производительна, как и ручной труд, и не намереваемся дать преимущество одному перед другим. Всякое проявление человеческой личности полезно развитию человечества, всем должно быть место в обществе, к которому мы стремимся, но мы не согласны с казулистическими рассуждениями сторонников различий. Зачем нам упразднить одну аристократию, и ставить на ее место другую? Разве это нас подвинет вперед?

„Нам будут править равные“, говорят нам. Но ведь они перестанут быть таковыми в тот день, когда им дано будет право нами командовать. И что нам за дело, кто даст предписание, если тот, который их получает, обязан только повиноваться.

---

*) Мы предполагаем, что именно рабочие будут избраны для «диктаторства».

В настоящее время гнет, тяготящий над нами, происходит не от кучки хозяев и собственников, живущих нашим трудом. Если теперь нищета так угнетает рабочих, то это не столько вследствие того, что собственность принадлежит немногим лицам, но, в особенности, потому, что эти немногие нуждаются в целой перархической системе организации, влекущей за собой появление массы бесполезных должностей, которые все подавляют производителя, и ради которых этот последний принужден работать. Что нам за дело до того, что будут переименованы названия и способ набирать персонал, если тяжесть останется на наших плечах?

Мы сказали, что если бы народу удалось совершить революцию, завладев частной собственностью, то классы самим фактом будут упразднены, и мы не видам необходимости устанавливать, в видах противодействия их возрождению, какой бы то ни было диктатуры. „Останутся“, говорит нам, „представители буржуазии, которые могут быть опасны новому строю, и существование их вызовет необходимость установления диктатуры“.

Пусть будет так. Установить власть для того, чтобы сделать бессильными тех, кто захотел бы повести общество назад? Отлично. Но ведь, как только эта власть будет установлена, кто помешает ей объявить войну тем, которые захотят пойти вперед? Кто из призванных к власти, ради преследования лиц, недовольных созданным вами положением, сумеет отличить между этими недовольными тех, кто будет желать худшего от тех, кто захочет лучшего?

Как бы там ни было, диктатура—понятие, слишком растяжимое, и мы ее не хотим. Мы, сторонники истинной свободы, считаем, что злая воля нескольких изолированных индивидуумов не оправдывает установления регламентации для всех. Злая воля представителей буржуазии, лишенных всего, что составляет теперь их силу: капитала и власти, не могла бы быть опасна ни для кого, но власть во главе общества была бы опасна для всех.

Неужели же можно серьезно думать, что при отобрании собственности из рук меньшинства, какое-либо социальное преобразование может совершиться без того предварительного переходного периода, который предвидится для анархического общества? Конечно нет. И выгода этого последнего заключается в том, что в то время, как оно будет развиваться, правда, опытным путем, но по крайней мере совершенно свободно, предоставляя каждому характеру, каждому темпераменту возможность эволюционировать по своему, и развивать инициативу,—централизованная организация, с ее претензией установить единую систему, будет сталкиваться постоянно с обидчивостью одних, разбивать надежды других, создавать недовольных наряду с удовлетворенными, и таким образом возникнут новые интересы, которые сплотятся вокруг новой власти и помогут подавить недовольных, оставляя им только один выход из положения— новую революцию.

Если же, напротив, предоставить группам свободу организовываться, то любая группа, которая не соответствовала бы развитию общества, могла бы переорганизоваться на новых началах; индивидуумы, участвующие в этой группе, могли бы, если эта группа не отвечала бы их стремлениям, покинуть ее, чтобы войти в другую, которая лучше бы отвечала их новым воззрениям, или же образовать новую группу, сообразно со своими взглядами; и все это, не производя замешательства в обществе, ибо эти изменения могли бы быть частичными и постепенными, между тем, как при насильно навязанной централизации для изменения малейшего из ее механизмов требуется всегда революция.

История человечества, таким образом, представляла бы только непрерывную эволюцию, ведущую нас без остановок, без столкновений к цели, к которой мы все стремимся: счастьем каждого отдельного индивидуума, но, прибавим мы от себя, при условии всеобщего счастья.

Из предыдущего видно, что далекие от желания взрывать динамитом всегда и без поводов тех, кто не держится одних с нами взглядов, мы только требуем естественного права*) или лучше простора применять это естественное право, присущее нашей природе. Пусть нам предоставят свободу организоваться так, как мы захотим, пусть также будут свободны те, которые думают не так, как мы, организоваться по своим собственным взглядам. Разве мы виноваты в том, что наши угнетатели не оставляют нам для пред'явления наших требований другого выхода, кроме насилия, того самого насилия, которое они не стесняются употреблять по отношению к нам?

Мы хотим занять свое место в обществе. Отказывая нам в возможности сделать это мирно, надеется ли буржуазия серьезно, что мы смирятся, в ожидании, пока она сделает нам какую-нибудь уступку?

Она пользуется властью, которой завладела в экономическом положении, в которое мы поставлены, чтобы нас поработить и эксплуатировать, не оставляя нам другого выхода, как или трусливо выносить эксплуатацию, или растоптать буржуазию; пусть она винит свою хищность, если одним из средств, представляющихся нам для нашего освобождения, является революция. Насилие вызывает насилие, и не мы создали такое положение.

Буржуазия со своим пристрастием к насилию является первой виновницей. Но если мы хотим лишить буржуазию той собственности, которой она владеет, если мы хотим лишить ее той власти, за которой она укрывается как за крепостной стеною, то не ради того, чтобы в свою очередь воспользоваться властью, не для того, чтобы позволить одному классу или отдельным лицам заменить буржуазию в эксплуатации человеческой деятельности.

---

*) Мы не нуждаемся, чтобы нам предоставляли это право, ибо мы сумеем его взять при надобности; мы хотим возможности его применять.

В 89 году, завладев именьями дворянства и духовенства, буржуазия распорядилась ими, отдав их во владение некоторым из своих членов, в ущерб тем, которые имели на них больше права, так как они сами их обрабатывали. Таким образом, еко была совершена классовая революция. Мы же хотим освобождения личности, без различия класса, и потому хотим вырвать собственность из рук одного класса, передать в распоряжение всех, без исключения, для того, чтобы каждый мог найти возможность развивать свои собственные способности.

И если мы прибегаем к силе, чтобы выполнить это преобразование, то проявляем не стремление к власти, как неосновательно говорят о нас, а напротив совершаем акт свободы, разбивая цепи, сковывающие нас.

Другой аргумент в пользу свободы групп и отдельных личностей в обществе, действительно основанном на солидарности сил и интересов всех, заключается в том, что человеческая мысль беспрестанно прогрессирует, между тем как человек, напротив, дойдя до известного периода, когда останавливается развитие мозга, и парализуется его умственная деятельность, склонен считать безумными все новые идеи, непопугиваемые более молодыми, чем он.

Разве, например, идеи 48 года не кажутся нам теперь очень устаревшими, чтобы не сказать, совершенно ретроградными? И где те несколько человек, переживших ту эпоху и считавшихся тогда одними из наиболее экзальтированных? В каком лагере они теперь?

И нет надобности возвращаться так далеко назад; никто сегодня не пойдет сражаться за идеи, господствовавшие в 71 году: коммунальную независимость и какой-то туманный социализм. Амнистированные коммунарны, оторванные ссылкой от умственного течения, вернувшись, в большинстве случаев *) оказались едва ли не на одном уровне с радикалами, которых они раньше, до событий, оставляли далеко позади себя, и я не хочу доискиваться, где они теперь.

Да, до тех пор пока люди будут стремиться установить единую форму организации, они будут создавать этим преграду для будущего общества; преграду, которая исчезнет только в результате революции, совершаемой новым поколением. Пусть те, кто считает себя выше массы, объявляют себя руководителями и требуют соответствующих учреждений для поддержания своего „протектората“,—это их роль. Мы же желаем истинного равенства и свободы, без ограничений, и думаем, что один человек равноценен другому, каковы бы ни были различия их способностей; мы убеждены даже, что эти различия являются только залогом лучшего функционирования гармонического общества, и хотим не диктатуры одного какого-нибудь класса, но полного, абсолютного исчезновения всех неравенств и привилегий, на которых эти неравенства основаны.

*) Мы, конечно, говорим здесь об искренних людях, а не о тех, которых честолюбие приводит всегда туда, где есть чем поживиться, а затем побуждает пренебрегать своими прежними единомышленниками.

ГЛАВА XVII.

Общественные службы.

Для того, чтобы оправдать необходимость какой-либо системы распределения продуктов в будущем обществе, ссылаются на невозможность производить их в достаточном количестве, чтобы позволить каждому на следующий день после революции брать продукты по своему желанию.

Нет надобности в длинных статистических исследованиях, чтобы рассеять такое опасение. В третьей главе этой книги, нам кажется, мы достаточно полно перечислили причины непроизводительного расточения продуктов в современном обществе, и достаточно ясно доказали, что нищета, от которой страдают рабочие, происходит от чрезмерного изобилия, и здесь органичимся только ссылкой на эту главу.

Производительный труд в современном обществе рассматривается, если не как унижающий, то во всяком случае, как нечто не слишком „возвышающее“, ибо тех, кто принужден заниматься им, называют „нижшими классами“. Идеал, предлагаемый современному человеку, заключается не в возможности быть полезным человечеству, а в том, чтобы добиться, безразлично какими средствами, такого экономического положения, которое позволило бы жить, ничего не делая. Капиталисту нет дела, на чей счет он живет, лишь бы только выплачивалась его рента; из кого извлечена она—этого он знать не хочет.

В обществе же, к которому мы стремимся, центр человеческой деятельности будет перемещен. Идеалом будет не паразитизм, а стремление человека самому производить себе все средства к существованию. Гордость его будет заключаться не в числе рабов, которых он эксплуатирует, а в том, чтобы доказать, что нет продукта, который он не был бы в состоянии произвести своими собственными силами. Вследствие этого весь бесполезный труд, вызываемый современной социальной организацией, будет преобразован в производительный и будет содействовать всеобщему производству, а не уменьшать его, как теперь.

Все, кто ныне составляет армию и бюрократию, вся бесчисленная масса прислуги обоого пола, полиция, судебные и законодатель-

ные учреждения—вся масса лиц, занимающих паразитные должности предназначенные единственно для поддержания порядка в современном обществе, или же для удовлетворения личных потребностей и защиты эксплуататоров—все они переставут быть бесполезными в социальном отношении и будут предоставлены своей собственной инициативе, своей личной деятельности, и начнут работать для своего существования. Все чиновники, служащие и счетоводы, проводящие всю жизнь в бюро, где портят бумагу, теряя свое время и заставляя терять общественное время, из-за того, что капиталисту или государству нужно знать, без всякой пользы для общества, как успешно идут дела—все они будут возвращены к деятельной и продуктивной жизни.

Земли, пущенные в залежь владельцами, не заботившимися об удобрении или воздерживавшимися от предварительных издержек, необходимых при всякой более серьезной эксплуатации; увеселительные парки, охотничьи участки, превращающие в пустыни целые края, чтобы предоставить „простор“ одному частному лицу,—все это будет возвращено производству и передано в распоряжение желающих их обрабатывать.

Мы видели, что такие пустыри, бесплодные и непроизводительные, по прихоти владельца, или потому, что предварительные издержки для их эксплуатации не могли бы быть немедленно возвращены алчному владельцу, ищущему ростовщических барышей, очень многочисленны; между тем, как эти пустыри, чтобы быть продуктивными, в будущем обществе потребуют только соединения сил и доброй воли.

Ныне мелкая собственность с ее системой заборов, оград, дробления на части, и личных эгоистических стремлений, вынуждает людей замыкаться, каждый на своем клочке земли, и пользоваться примитивными орудиями из-за недостатка земли или рабочих рук, которые позволили бы применить другие, более сложные, но и более производительные системы обработки.

Революция, сметая ограды, уничтожая границы, смешивая интересы, научит людей лучше понимать свою пользу. Когда они поймут, что соединившись с соседями, они смогут утилизировать машину, исполняющую в 8 дней работу их всех, в то время, как отдельно они затратили бы по 15 или 30 дней, если бы вздумали упорствовать в желании обрабатывать свой клочок земли примитивными орудиями—то это будет лучшим средством заставить их самих упразднить границы отдельных владений. На равнинах паровые машины вскапывают почву и вызовут наружу плодородные соки из ее глубины; одно улучшение повлечет за собою другое; при содействии химии, посредством вполне усваиваемых почвою и применимых к любой системе хозяйства удобрительных туков, земле будут возвращаться жизненные элементы, отнимаемые у нее в виде зерна, плодов, корешков или

листьев; и утверждение, что в будущем обществе производство сможет быть доведено до такой степени, что никто не будет иметь ни надобности ограничивать свои желания, ни выгоды от какой бы то ни было распределительной власти—не является вовсе научной ересью.

Чаще всего нам указывают на тот факт, что имеются продукты, как, например: шелк, тонкие вина и тому подобные, которые не смогут быть произведены в количестве, достаточном для удовлетворения всех требований.

Революция совершится лишь тогда, когда рабочие поймут, откуда происходят причины их нищеты. Они будут достаточно интеллигентны и энергичны, чтобы суметь найти и применить средства против нищеты и потому нам кажется, было бы очень странно предположить, что они смогут внезапно сделаться настолько глупыми, чтобы передрались между собой, если над ними не будет попечительной власти, которая бы разделила между ними кусок шелка, корзинку трюфелей, бутылку шампанского, или какой-нибудь другой предмет, ценность которого обуславливается чаще всего трудностью его добыть, между тем как он пригоден только для удовлетворения чувства тщеславия и может быть заменен, в большинстве случаев, каким-нибудь другим сходным продуктом, доставляющим такое же удовольствие, но менее вызывающим желание, так как встречается чаще.

Вышеупомянутое возражение настолько бессмысленно, что на него не следовало бы даже отвечать. Но защитники власти любят выдвигать подобные аргументы. Так как будущее общество не будет в состоянии перешагнуть границы, полагаемые самой природой, а нынешние проповедники его и подавно не могут этого сделать, то следовательно все вопросы, касающиеся будущего строя, могут выясняться только путем вычислений и рассуждений по теории вероятностей; благодаря этому наши противники торжествуют, выставя себя практичными людьми, с положительным научным умом.

Послушаем их: они якобы, по крайней мере не увлекаются туманными мечтами, ни бессмысленной сентиментальностью, ни бесплодными размышлениями о человеческой доброте. Они изучили всё тайника современного общественного строя вплоть до самого последнего его механизма, до самых мельчайших подробностей, и поэтому их нельзя обмануть!

Каков человек, хорош он или дурен—это потребность, которую им не нужно знать. Они заранее решили, что общество будет развиваться по их воле, и у них имеется готовый ответ на всякий вопрос, который может смутить сторонника свободы. Разве власть не магическая палочка, устраняющая всякое сопротивление... до того дня, когда она будет сломана о спину тех, кто ею пользуется?

Так, например, рабочие будут сражаться для того, чтобы получить удовлетворение своих важнейших материальных и интеллектуальных нужд; они будут достаточно умны, чтобы обеспечить себе

успех, и вдруг они остановятся на пути к своему освобождению потому, что на всех не хватит достаточно трюффелей. Из-за недостатка шампанского погибнет будущее человечества! Такова логика социалистов и представителей буржуазии.

Что касается нас, мы думаем, в защиту человечества, что люди, достаточно умные, чтобы свергнуть общество, которое их эксплуатирует, сумеют сговориться, как миролюбиво распределить продукты, встречающиеся в очень малом количестве, и что в случае надобности самые умные сумеют уступить тем, которые не будут достаточно развиты, чтобы терпеливо ждать, пока настанет их очередь.

Нам возражат, что наш ответ наивен,—хотя он только приворожен к возражению—что мы руководствуемся сантиментальностью, рассчитываем на доброту человека, выдуманного нами, а не такого, каков он в действительности и т. д. Понцем же чего-либо лучшего.

„Существуют продукты, незначительное количество которых не позволяет каждому человеку иметь их в достаточном размере; поэтому необходимо какое-либо правительство, которое устранил споры, само употребив эти продукты или разделив их между своими приверженцами“, таково рассуждение сторонников власти. Нет ли однако способа найти более выгодное решение вопроса?

В современном обществе организируются, самостоятельно без помощи государства, товарищества взаимопомощи и взаимного страхования, где все участники вносят некоторую долю в общую сумму, которую получает каждый из них, когда дойдет его очередь. Несмотря на множество поводов к распрям в современной социальной организации, такие общества существуют и функционируют настолько хорошо, насколько они могут вообще существовать при современном строе, основанном на антагонизме индивидуумов. Ничто не мешает в будущем обществе отдельным личностям организовать подобное товарищество взаимопомощи для распределения спорных вещей.

Почему такое предположение недопустимо? Теперь, несмотря на все причины к распрям, несмотря на разделение интересов в нашем обществе, в котором люди принуждены сокращать некоторые свои потребности, мы видим, как они собравшись за столом, вежливо уступают соседям, и предлагают друг другу лучшие порции какого-нибудь блюда. То же самое видим в семье: жена, накормив детей, сохраняет для мужа „который работает и нуждается в восстановлении своих сил“, самый большой кусок мяса и стакан вина, если имеется. Если есть старики в семье, каждый старается для них найти в блюде кусок, который они любят. И когда в доме не хватает хлеба, отец и мать урезают и без того уже небольшую свою долю, чтобы увеличить детскую, так как дети менее способны выносить лишения. Вместо общества, в котором люди вынуждены смотреть друг на друга, как на врага, создайте общество, которое было бы одной большой семьей,

и то, что происходит в нынешней отдельной семье, будет происходить и в общей огромной семье будущего строя.

В настоящее время все специализировано; те, кто производит шампанское, шелк, производят только это. Вследствие личного присвоения, владельцем лучшего участка земли является отдельный человек и употребляет нескольких людей для обработки этой земли. В будущем обществе люди приложат свои производительные способности к производству массы предметов. Они будут, следовательно, вынуждены образовать большее число групп, и гораздо большее число людей примет участие в производстве по каждой специальности. И вот уже найден один способ распространения предметов, вытекающий из естественного хода вещей.

С другой стороны, те, которые будут производить какой-нибудь один предмет, не будут ограничиваться производством его специально для себя. Они будут выделять его для друзей, которым захотят сделать удовольствие, для группы или отдельных личностей, с которыми будут в сношениях, и от которых будут ожидать подобных же услуг.

Точно также будут поступать и те, кто будет производить шелк, шампанское и проч., при чем мы допускаем, что выделывание этих продуктов будет производиться в том же размере, как оно производится теперь.

Те, которые будут испытывать более других надобность в шампанском или в шелковой одежде, смогут испробовать свои производительные способности на этих предметах, но так как человек не живет только шампанским или шелком, то они будут вынуждены завязать сношения с другими группами, чтобы получить от них другие предметы и, следовательно, пустить в обмен свои продукты; стремление получить, при посредстве обмена, дорого ценящиеся предметы, заставит людей стараться создать новые вещи, способные возбудить в каждом желание их иметь. Таким образом, мы, не ища, находим еще один из тех стимулов человеческой деятельности, в недостатке которых сторонники власти обвиняют анархическое общество.

Кроме того вещи, которые имеются в изобилии, быстро надоедают. Потребительная способность людей имеет пределы, и как только одни насытятся желанными предметами, они добровольно уступят свое место другим, новым потребителям.

Так как коллективисты из тактических целей отрицают, что их правительство есть настоящее правительство, то, конечно, им нужно было подыскать название, которое усыпило бы подозрительность недоверчивых и сделало бы приемлемым то, что скрывается под этим названием. Название „общественные службы“ звучит хорошо. Общественная служба! общественное счастье! республика!—во всех этих словах слышится столько доброжелательности, что кто мог бы не доверять им?

„Службы почты, телеграфа, передвижения и другие в том же роде“, говорят коллективисты, „будучи безусловно необходимыми для существования общества, не составляют никакого конкретного труда, который, окристаллизовавшись в каком-нибудь осязаемом продукте, мог бы быть сдан в общественный магазин. Тем не менее эти службы общественно полезны“.

Занятые на этих службах лица будут иметь право на вознаграждение, которое должно будет быть взято из валового продукта социального труда и тут необходимы вычисления, чтобы соизмерить их труд с трудом других производителей и установить пропорциональное распределение. Так как их жалование должно будет быть отнесено на счет всего продукта других корпораций, то очевидно, что эти работы должны быть объявлены общественными службами“ (Конечно, это лазейка для установления налога!)

Делая такую предпосылку, коллективисты, очевидно, надеются оправдать существование „статистических комиссий“ и всех паразитных должностей, которые они намерены создать для поддержания и защиты новой власти. „Общественные службы“! Под этим можно подразумевать все, что угодно, и под прикрытием полезной службы легко будет пролезть в люди любой креатуре паразитствующей администрации.

Но уловка слишком груба и может обмануть только наивных. Разве все, что служит благополучию или поддержанию общества, не является, уже самим фактом своей полезности—общественной службой? Производить зерновой хлеб или перевозить его туда, где в нем имеется надобность; производить башмаки или котлы, или доставлять из одной местности в другую продукты производства или сырой материал, необходимый для производства—разве всем этим не оказывается обществу равная услуга?

В чем же заключается необходимость создавать социальные категории, из которых одни носили бы этикетку, ставящую их, якобы, выше других, и доставляли бы таким образом элементы новой иерархии? Разве только в том, чтобы прикрыть ими, как щитом, статистические комиссии, должности и sineкуры, которые хотят создать, и которые действительно могли бы сослужить службу в обществе, но одну из тех плохих и дурных служб, от каких было бы необходимо освободиться без всякого промедления.

Нам возражали еще, что для работ, полезных всем, могущих охватить одну или несколько областей, нужно будет все-таки выбирать делегатов, обязанных сговориться о подлежащих выполнению работах; хотя бы функции этих делегатов были только временными и ограничивались выполнением данного проекта, ради которого они были бы выбраны. И это тоже заблуждение—ибо делегации бесполезны, когда можно самому делать свою работу.

Как мы пытались доказать в предыдущем личные интересы не должны противоречить общему; каждый может желать только то, что для него полезно, а то, что кому-нибудь полезно, не может быть вредно его близкому, разве только, если общество плохо уравновешено. Сношения между группами и отдельными личностями, следовательно, будут касаться только главнейших вопросов, которые каждый сможет рассматривать с особой точки зрения, сообразно своей манере понимать вещи, но куда не будут примешиваться денежные интересы или стремления к обогащению, присвоению в личную собственность.

Кроме того, все различные понятия как то: село, деревня, община, кантон, округ, отечество, создающие теперь столько частных, различных между собою и антагонических интересов, должны будут исчезнуть или, по крайней мере, оставаться только географическими названиями, облегчающими номенклатуру, топографию и личные сношения.

В результате все люди будут иметь только одну цель: выполнить проектированный труд таким образом, чтобы каждый нашел в нем приложение своих сил. Ныне при постройке какого-нибудь пути, канала, железной дороги, какого-либо учреждения, возникает соперничество интересов: влиятельный землевладелец интригует, чтобы заставить провести дорогу около его владений, и этим поднять их ценность; он пускает в ход все свои связи, чтобы проектируемая железная дорога прошла по его имениям в надежде получить выгодное вознаграждение. То, что происходит между отдельными личностями, равно наблюдается и между коллективными группами: одна община хочет иметь преимущества перед другой, один кантон хочет превосходствовать над соседним. В будущем обществе прежде всего постараются уничтожить бесполезные передвижения. Центры жительство создадутся вокруг местностей, изобилующих естественными богатствами. Если будет выгодно сгруппироваться вокруг рудников, чтобы непосредственно утилизировать добываемые из них материалы, то не будут поступать так, как поступают теперь: перевозить руду из одной местности в другую, и затем оттуда металл везти в следующий центр производства, что объясняется только тем, что политические разделения дают превосходство какой-либо одной области над другими.

Пути сообщения будут проводиться или перестроены так, чтобы связывали между собой все центры жительство, каковы бы они не были. Вопросы наследства, собственности, местной выгоды не привяжут больше целых поколений к местностям, в которых нет никакого основания пребывать, и не будут усложнять их сношений. Население сможет переселяться туда, где ему будет легче применять свои силы. И когда все такие частные и полукolleктивные интересы будут устранены, и останутся в наличности только различные способы

смотреть на вещи, возможность к соглашению окажется вдвое легче.

Если бы дело шло, например, о постройке дороги, канала, железной дороги, к чему посылать делегатов? Люди, не будучи заняты работой по 12 и 14 часов в день, имели бы время заняться общими вопросами; так как средства передвижения, почта, телеграф и телефон были бы предоставлены в распоряжение каждого, то отдельные личности могли бы писать, съезжаться вместе и рассматривать сами свои дела без делегаций.

Затем нужно помнить, что идея подобной работы не могла бы зародиться внезапно в голове одного человека. Весьма вероятно, что нужда в обыкновенной колесной или железной дорогах сперва ощущалась бы только неявно; в начале о ней бы только говорили, затем нужда в них, усиливаясь, дала бы себя чувствовать гораздо большему количеству людей, и наконец сильное движение общественного мнения заставило бы каждого приняться за дело и перейти от неопределенного состояния в период деятельности, в котором каждый старался бы реализовать общее желание.

Лица, убедившиеся первыми в необходимости этой работы, наверно стали бы пропагандировать свои идеи между соседями. Они постарались бы сгруппировать вокруг себя тех, кто более всего способен им помочь, и когда они составили бы ядро, достаточно сильное, чтобы изучить вопрос серьезно, каждый разделил бы труд по своим знаниям или способностям. Инженер снимал бы планы, изучал бы почву и местности, по которым должна пройти дорога, канал или железная дорога; каменоломы, рабочие по металлу, плотники изучали бы, каждый по своей части, средства, которые они легче всего могли бы добыть; ораторы совершали бы путешествия, чтобы вербовать на митингах сторонников, и в то же время писатели составляли бы книги и брошюры по тому же вопросу. Вопрос таким образом изучался бы со всех сторон, в поисках за наилучшими проектами, в которых труд был бы применен на условиях прочности, красоты и экономии сил.

Когда настанет время перейти к выполнению, все появившиеся проекты окажутся уже рассмотренными: каждое предложение, сделанное кем бы то ни было окажется всесторонне взвешанным и исследованным, и возможно, что в результате ни один из первоначальных планов не будет применен, а из всех предложенных составится новый план, в котором от каждого будет взято лучшее, и таким образом составится, если не идеальное совершенство, то по крайней мере относительно самый лучший проект, стоящий на высоте требований времени.

Если отдельные личности окажутся оскорбленными тем, что их проекты не будут приняты, то они смогут выйти из группы, или лишит ее своего содействия. Но кроме того, что такие случаи мало

вероятны, так как вопрос личного интереса будет устранен, а тщеславию будет уменьшаться по мере того, как люди будут более образованы, личные соображения ступают перед вопросами общей пользы, а вопросы личного самолюбия отодвигаются на второй план, и таким образом подобные случаи не смогут помешать общему делу.

Однако, чтобы не могли подумать, что мы стараемся избегать затруднений, допустим, что мнения относительно представленных проектов разделятся на две равные группы;—если бы разделились на большее число групп, работа оказалась бы невозможной, и следовательно нужно было бы возобновить пропаганду. Предположим, что эти две разномыслящие группы, не желая делать никакой уступки, обе решили приводить в исполнение свои проекты. Если бы разделение помешало выполнить предпринятую работу, то надобность в ней не замедлила бы побудить большинство *) прийти к более примирительным умозаключениям и заставить их поискать средства к соглашению, чтобы получить возможность действовать. Если бы каждая фракция оказалась достаточно сильной, чтобы привести свой проект в исполнение—вещь очень маловероятная, ибо подобные работы не предпринимаются для простого удовлетворения личного честолюбия—то и здесь общий интерес явился бы лучшим примирителем; впрочем, разногласия касались бы только деталей, относительно которых не встретилось бы особенных затруднений к взаимным уступкам.

Но доведем вопрос до абсурда и предположим, что каждая группа была бы настолько увлечена своим проектом и настолько сильна, что, несмотря ни на что, выполнила бы свой проект. В таком случае,—опять ввиду того, что личный интерес будет устранен,—если работы этих двух групп будут иметь какие-либо точки соприкосновения, то группам придется войти в соглашение относительно общих участков, и продолжать действовать самостоятельно, что касается частных, и в результате получатся две дороги, вместо одной, чем, наверно, никому не будет нанесен ущерб.

Мы имеем здесь в виду разногласие, которое могло бы возникнуть относительно самого плана, и оно будет единственное возможное, ибо если дело коснется только различий в воззрениях на способы выполнения работы, или внутренней организации групп, то это нисколько не отразится на самом труде; каждая группа будет свободно организоваться по собственному пониманию; при предварительном распределении труда каждый выскажет свой взгляд, и соглашение будет воз-

---

*) Нам возражают, что этим восстанавливается закон большинства, который мы отвергаем в других местах. Увы! мы хорошо знаем, что большинство не всегда служит критериумом истины, но мы не имеем намерения идти быстрее хода эволюции. Пусть только большинство, в свою очередь, оставит меньшинству свободу действовать по своему, мы не требуем большего.

можно с тем, чтобы каждый мог приняться за работу на своем участке, не будучи стеснен сам и не стесняя других.

Сторонники власти, не убедившись этим, нам скажут: „Это хорошо, но предположите, что две группы желают делать ту же работу, на том же участке, и не хотят уступать друг другу. Не произойдет ли тогда между ними война?“

Если бы такой случай мог представиться, ответим мы сторонникам власти, то это значило бы, что вместо того, чтобы прогрессировать, человек пошел назад. Мы стараемся создать общество для существ, моральные и интеллектуальные способности которых развиваются, а не для дегенератов, возвращающихся в первобытное состояние. В таком случае нам нечего делать, и над этими людьми должна быть та власть, которую они заслуживают.

В настоящее время организуются разного рода общества; железные дороги, каналы, мосты, торговля, промышленность, страхование, взаимопомощь *) и т. д., все становится добычей могущественных ассоциаций, которые образуются с целью эксплуатировать ту или другую отрасль человеческой деятельности. Если мы присмотримся к современному обществу ближе, то увидим бесчисленное множество мелких ассоциаций, образованных с целью получать материальную выгоду для своих участников, или ради удовлетворения какой-нибудь интеллектуальной потребности или фантазии.

Таковыми являются клубы, в которых члены находят, в подходящей обстановке, журналы, книги, отдых, экипажи для прогулок, развлечения и общество людей своего круга. Таковы общества вспомоществования на случай болезни; потребительные общества, организуемые ради того, чтобы иметь хорошие товары по дешевой цене; общества для взаимного страхования пенсий, выдаваемых членам при достижении известного возраста.

В другой области мы встречаем певческие и музыкальные общества; ассоциации для устройства научных или увеселительных поездок, для образования участковых библиотек, для занятий гимнастикой и даже ассоциации простых пьяниц или обжор. Еще имеются ассоциации научные, ставящие себе целью развитие человеческих знаний, знаменитое общество „Красного Креста“ для помощи раненым; общество спасания на водах; общество покровительства животных, члены которого только работают, не получая никакой материальной выгоды, ради простого интеллектуального или морального удовлетворения.

Конечно, у некоторых из членов этих обществ замечается много хвастовства и тщеславия, желания показать с малым трудом мелочную филантропию, или получать материальную выгоду, но нужно допустить, что большая часть членов искренно верит, что делает нечто хорошее;

---

*) О свободных ассоциациях смотри статью Кропоткина: «Неизбежная Анархия» в январском номере журнала «La Société Nouvelle» за 1895 год.

и действительно, несмотря на дурную социальную организацию, иногда делают его. Как ни неопределенны и несовершенны эти ассоциации, они отчасти отвечают стремлениям членов.

Относительно будущего общества, в котором личная инициатива не будет связана с денежным вопросом, в котором все свойства человеческой природы будут свободны, и одинаковые характеры будут свободно стремиться друг к другу, можно по аналогии с упомянутыми выше современными ассоциациями предвидеть, как установятся социальные отношения, и как урегулируются сношения между группами и отдельными индивидуумами. С целью производить или потреблять ту или иную вещь, люди группируются по своим вкусам, способностям и темпераментам. Почта, железные дороги, воспитание детей, и т. д. войдут в социальную организацию, также как производство котлов или чулков, ибо—все это составляет часть человеческой деятельности и должно двигаться личной инициативой; произойдет разделение труда—вот и все.

Так как никто не будет более связан денежными затруднениями или экономическими условиями, то каждый примкнет к той группе, которая лучше всего ответит его целям, его потребностям. Таким образом, та группа, которая принесет больше пользы, будет иметь больше шансов развиться.

Человек существо сложное, его волнуют тысячи различных чувств, он живет под влиянием разнообразнейших потребностей; и группы, которые образуются, будут так же многочисленны. Разнообразие их обеспечит отправление всех служб, необходимых для существования общества; многосложность человеческих потребностей даст возможность их удовлетворить; свободное проявление всех человеческих сил должно привести нас к искомой цели: Мировой гармонии!

И пусть не называют это утопией, указывая на примеры современных ассоциаций; положение не будет тем же; будущего человека никоим образом нельзя будет сравнивать с настоящим; уже для того, чтобы понять наш идеал и суметь создать среду, которая позволила бы его применить, человек сначала должен будет развиться; затем вслед за изменением социальной организации произойдет изменение нравов. Влияние среды составляет естественный закон, проявляющийся повсюду.

Все современные ассоциации дают простор сторонникам власти и эгоизмам. Если ассоциация многочисленна—часто даже и это не является необходимым условием—то среди членов ее возникают различия по должностям, положениям и денежным вознаграждениям, ибо одно связано с другим, и кроме того в настоящее время существуют также вопросы первенства.

Интересы группы, которые должны быть для всех главным двигателем, отходят на второй план, ибо вне этой группы имеется огромное общество, которое дробит интересы и побуждает каждого человека удовлетвориться непосредственной выгодой во вред соседям, рискуя

понести ущерб в будущем, и таким образом случается, что под знаменем общего интереса проходит масса частных.

Несмотря на все причины раздора, несмотря на столкновение противоположных стремлений, согласие, обыкновенно, поддерживается довольно долго; распря возникает только тогда, когда один или несколько членов ассоциации, более ловких и бессовестных, чем другие, начинают обманывать своих сотоварищей, стараясь получить доверие на управление ассоциацией, чтобы тогда заставить ее действовать сообразно своим частным интересам, до тех пор, пока не смогут отстранить от общей собственности своих товарищей и остаться ее единственными владельцами.

Примем во внимание, что в будущем обществе не будет ни частных доходов, извлекаемых из какого-либо предприятия, ни коммерческих, ни прибыльных операций. Люди будут группироваться для того, чтобы вести какое-либо определенное дело, производить какой-либо условленный продукт, для потребления каждого из соучастников, или для передачи тем группам или отдельным личностям, с которыми данная группа будет поддерживать дружеские или меновые отношения.

В каждой группе члены будут совершенно равны и свободны выйти из нее, когда им заблагорассудится, так как они не будут иметь вложенных в нее капиталов. Каждый внесет в группу свою долю труда, заранее условленную, и не будет иметь никакого предложения от нее отказаться, так как она будет выбрана им самим. Так как наемный труд будет уничтожен, не будет раздоров по вопросу о заработной плате.

В результате отдельный человек будет привязан к группе только удовольствием, которое он в ней найдет, облегчениями, которые она ему предоставит для удовлетворения его потребностей. Он будет привлечен в эту группу, может быть, выгодами, которые она одна ему доставит или будет способна ему доставить при более приятных условиях, чем другие группы; может быть также он будет привлечен в эту группу единственной потребностью применять свои специальные способности, которые будут наиболее цениться членами именно этой группы. Множество различных побуждений ведет многих лиц к одной и той же цели.

Как отдельная личность сможет избавиться от произвольных действий, навязываемых ей от имени группы, точно также группа сможет отказать в своем содействии отдельному человеку, который, вследствие ли злой воли, или по другому мотиву, перестал бы подчиняться дисциплине, предварительно установленной по соглашению, которое будет предшествовать распределению труда. Об этом мы поговорим дальше.

Сторонники власти возражают нам, что так как люди слишком испорчены современным воспитанием, слишком развращены вековыми предрассудками, то они не будут ни достаточно умны, ни достаточно

совершенны для того, чтобы им могла быть предоставлена свобода организоваться по своей воле, и будут нуждаться в какой-нибудь регулирующей власти, которая бы держала их, каждого в пределах его права.

„Люди не будут достаточно умны, чтобы уметь собою руководить“. Вот рассуждение в высшей степени нелогичное. И чтобы устранить опасность не находят ничего лучшего, как поставить во главе их других людей, может быть, более интеллигентных, хотя не наверно, но также, как и прочие, разделяющих те предрассудки, в которых упрекают общество; то-есть, вместо того, чтобы уничтожить предрассудки и пороки в массе, вместо того, чтобы постараться извлечь из совместной работы всех, при свободе каждого в отдельности, ту искру правды, которая осветила бы путь к будущему, хотят видеть воплощение всего общества в нескольких индивидуумах, имеющих руководить этим обществом согласно своему личному, более или менее широкому мировоззрению.

И кто выберет этих руководителей?

Мы не предполагаем, что любители власти нам скажут, что они сами себя выберут. Правда, некоторые личности, глубоко убежденные в своем высоком достоинстве, раскритиковали всеобщее избирательное право, провозглашая право интеллигенции поработить грубую чернь. Но они в политике ничего не значат, и вся вседо-интеллигентность, которой они себя считают одаренными, делает из них каких-то мумий прошедшего: и нам ничего ими заниматься.

„Народ выберет своих уполномоченных“, отвечают нам сторонники всеобщего избирательного права. Но ведь они только что возражали нам, что народ не будет достаточно зрел, чтобы уметь руководить собой. Каким же чудом этот народ созреет настолько, что сумеет выбирать между всеми интриганами, которые не преминут явиться выпрашивать у него избирательные бюллетени.

Избранные всеобщим голосованием новые правители,—как впрочем и современные—будут представлять собою среднюю всех мнений. Для руководства над нами, мы будем иметь только посредственностей, и, допуская даже, что мы имели бы возможность случайно встретить людей, выдающихся по уму и интеллигентности, тем не менее, как известно, какова бы не была широта взглядов отдельной личности, человеческий мозг всегда ограничен в своем развитии общим развитием эпохи. Человек может быть впереди ее, но во всяком случае, в очень незначительной степени.

Он не может даже усвоить всех знаний своей эпохи в одинаковой степени; и если бывает передовым в одних идеях, то зато и ретроградным в других. В извилинах его мозга всегда найдутся клеточки запоздавшие в своем развитии и сохранившие которые-нибудь из господствующих предрассудков. Есть идеи, принимаемые всеми в теории, перед осуществлением которых отступают. Так например, те,

кто в настоящее время находят смешным законный брак, тем не менее считают нужным легализировать свои брачные узы через представителя власти, утверждая, что это необходимо в современном обществе.

Значит, существует достаточно причин, удерживающих людей на болотистых тропинках рутины, и не нужно еще увеличивать их число, передавая в руки нескольких лиц власть, которая им позволила бы удерживать желающих оставить проторенные пути. И мы вправе сказать сторонникам власти: берегитесь, когда вы будете говорить нам о прогрессе, чтобы мы не заметили, что предлагаемый вами способ движения по его пути состоит в задерживании его под тем предлогом, что вы недостаточно сильны, дабы идти наравне с ним; берегитесь, чтобы мы не поняли, что единственная свобода, желательная для вас, состоит в том, чтобы избавиться от тех, которые думают не так, как вы, и полагают, что нет гениальных людей, вмещающих в себе все человеческие знания; которые убеждены, что эти знания, напротив, распределены во всем человечестве, рассеяны в каждой отдельной личности.

Вы боитесь не возврата назад, а невозможности доставить преобладание тщеславию, которым вы преисполнены. Вот почему вы противники тех, кто полагает, что всем людям должна быть предоставлена свобода искать друг друга и группироваться по своему усмотрению и что свобода личной инициативы даст миру новый свет.

Только видя рядом с собой лучше организованную группу, группа, организованная плохо, задумает сама реорганизоваться и постарается сделать это лучше. Насилие только причинило бы страдание тем, кого захотели бы к этому принудить. От свободного и продолжительного движения и непрерывного преобразования получится, наконец, та общность идей, тайну которой никто не знает, и которую напрасно пытались бы установить насиле.

ГЛАВА XVIII.

Тунеядцы.

Когда речь идет об упразднении власти, многие, и, между прочим, некоторые из наших товарищей рабочих, возражают нам: „А что вы сделаете с тунеядцами? Если в вашем обществе каждый сможет потреблять, не будучи принужден производить, то никто не захочет работать. Если каждый сможет брать продукты по своему желанию, нищета увеличится по сравнению с настоящим временем, и труд окажется еще более тяжелым для тех, кто будет работать“.

Мы знаем, что человек не может измениться в один день; сделаться, как бы по мановению магической палочки, ангелом из грубого животного, которым он был накануне. Вышеупомянутое возражение нам делается так часто, что было бы невозможно его забыть; мы достаточно ясно доказали в первых главах этой книги и не станем еще доказывать здесь, что для реализации того идеала, к которому мы стремимся, предполагается, что человек достигнет известной степени развития, которую необходимо иметь в виду. Чтобы рассматривать взаимные отношения в будущем обществе, необходимо принять в соображение имеющие быть произведенными преобразования и не становиться на точку зрения современного общества.

В настоящее время труд считается унижающим. Цель стремлений и усилий человека состоит в том, чтобы добиться положения, позволяющего отдельной личности жить, ничего не делая, по крайней мере, не делая ничего производительного. Зато рабочего гнетет истощающий упорный труд, по 12, 13 и 14 часов в сутки, чаще всего при самых вредных для здоровья условиях, и все это ради того, чтобы получить ничтожную плату, которая едва позволяет ему не умереть от голода *). Не удивительно поэтому, что людям противно работать, и мы удивляемся только тому, что взирая на праздность и роскошь богатых, рабочие не перестали еще затрачивать свои силы на безисходный труд и не делали более частых попыток свергнуть существующий строй.

---

*) Характерная черта труда в современном обществе: чем более труд тяжел и неприятен, тем менее он оплачивается. Высшая плата дается за производство предметов роскоши, т. е. то, что имеет целью личную услугу буржуазии.

Но когда в будущем обществе, как мы видели выше, будет возвращена к производительному труду вся та масса оплачиваемых служащих, которая теперь трудится ради того, чтобы могла функционировать правительственная и капиталистическая организация, давящая нас всей своей системой, и когда будут возвращены к производительному труду те, кто ныне работает, чтобы сберечь мускульную силу наших современных эксплуататоров или доставить им более утонченное наслаждение, тогда уменьшится доля силы, требуемая от отдельного индивидуума.

Когда, с другой стороны, лучшее распределение труда еще уменьшит эту долю; когда распространение машин увеличит производительность, уменьшая вместе с тем количество рабочих часов; когда мастерские будут оздоровлены и размещены в помещениях, которые существуют уже и могут легко быть приспособлены к их новому назначению, и в которых найдется достаточно места и воздуха; когда еще во вредных или изнурительных работах труд человека будет заменен трудом машин, и когда вследствие всех этих немедленных улучшений он превратится в здоровое упражнение, тогда, как кажется нам, все причины, производящие тунеядство, будут уже значительно уменьшены.

И в особенности, когда изменится человеческий идеал, жить паразитом делается также постыдным, как теперь счтается почетным.

Нам не могут возразить, что все это мечты; это положительные факты; все экономисты согласны, что при лучшем распределении труда восемь рабочих часов, требуемых социалистами, будут совершенно достаточны; некоторые говорят даже о шести, пяти и четырех часах. Между тем, говоря о лучшем распределении труда, они вовсе не принимают в расчет упразднение прислуги и должностей, необходимых для обеспечения современной эксплуатации и власти, ни упразднение массы должностей, необходимость которых вызывается глупою роскошью, уже начинающей становиться смешною; от уничтожения всего этого получится значительное сокращение рабочего времени.

Говоря о сокращении рабочего времени, мы подразумеваем, конечно, только время, проводимое в труде не из любви к нему, а по необходимости, ради производства предметов, безусловно нужных для удовлетворения неотложных потребностей человека. На это достаточно двух, трех, четырех часов. Но когда человек работает из любви к труду или любознательности, ему не приходит на ум считать часы, и в современном обществе люди, проведя восемь или десять часов в мастерской или конторе за работой, тяготящей их, для отдыха часто предаются занятиям, которые им нравятся: чтению, музыке, рисованию, живописи или скульптуре, а также и ручному труду. Такая привычка в наши дни все более развивается, и благодаря этому распространяются все больше механические инструменты для любителей.

Человек утомляется после 6-ти часов труда, который его тяготит, но проработает без усталости 17 часов, если может предаться занятиям, которые ему нравятся, и в особенности, если может разнообразить и менять их прежде, чем они сделаются для него утомительными.

Всякий человек обладает рабочей силой, которую он должен расходовать тем или другим способом. С того момента, когда он не будет принужден расходовать свои силы на истощающий труд, не обеспечивающий ему даже удовлетворения его главных потребностей, для него будет счастьем испробовать все свои способности в любом производстве, какое ему придет в голову.

Потому то люди, занимающиеся умственным трудом, ощущают потребность движения, и гигиена в наши дни, рекомендует чередовать ручной труд с интеллектуальным. Фехтование, бокс, футбол в моде ныне потому, что восстанавливают немного мускулы буржуазии, которая задыхается в собственном жиру.

Какой интерес, при таких условиях, будет людям отказываться от труда, когда, в особенности, они будут знать, что могут рассчитывать только на свои собственные силы, чтобы добыть себе все необходимое, и когда они не будут иметь в руках никакого средства угнетать кого бы то ни было властью и заставлять работать на себя.

Однако мы охотно допускаем—и это, вероятно, произойдет—что в начале найдутся люди, настолько лишенные морального чувства, что будут злоупотреблять духом солидарности, и настолько олушавшиеся, что будут бегать от работы. Во всяком случае они составят только меньшинство; ибо, если бы те, кто сделает революцию, сражались за то, чтобы не трудиться, они не остановились бы на полпути; от стремления жить, не трудясь, только одянь шаг до того, чтобы заставить других работать на себя, и поэтому их первой заботой было бы установить какую-либо власть. Они были бы ближе от вас, чем от нас.

Но в таком случае то, что совершилось бы не было бы социальной революцией; это была бы поработительная война, в которой более сильные подчинили бы слабым, победители эксплуатировали бы побежденных; мы не будем останавливаться на ней и возобновим наше исследование.

Если бы совершилась социальная революция, такая, как понимаем ее мы, то лишь потому, что большинство людей понимало бы пользу солидарности и взаимопомощи и опасность паразитизма; их деятельность направлялась бы к тому, чтобы помешать возвращению тех злоупотреблений, которые они сами уничтожили, и среди их туеядцы составляли бы меньшинство. Мы увидим дальше, что нельзя основывать социальные отношения на исключениях.

В наши дни рабочий, истощенный, лишенный всего, что он создает своим трудом, соглашается работать, чтобы обогащать кучку паразитов всех родов и видов, и почти все находят это даже вполне

естественным, а в то же время бояться, что в обществе, в котором условия труда будут улучшены, с целью сделать его привлекательным, продолжительность труда будет ограничена волей самого рабочего, и все будут обеспечены в полном удовлетворении своих потребностей, при единственном условии производить самим все необходимое каждому; что в таком обществе люди, охваченные вдруг невиданной до сих пор никогда ленью, откажутся работать для самих себя и предпочтут или умереть от нужды, или возобновить борьбу за подчинение одних другим!—так думать бессмысленно!

Под предлогом, что некоторые отдельные личности, совершенно испорченные современным положением вещей, могли бы отказаться работать, нам умышленно предлагают подчиняться власти имущим для того, чтобы принудить таких личностей к работе. Разве не выгоднее предоставить их собственной лени, чем создавать организацию, которая не сумеет принудить их к труду, но зато сможет отлично обратиться против нас самих.

Вспомним басню о садовнике, который пошел за своим господином просить освободить его от зайца, съевшего несколько капустных листьев, и о том, что из этого вышло. Мы считаем себя более практичными и докажем, что нет надобности ни в жандармах, ни в судах, чтобы исправить так называемых тунеядцев, если таковые имеются в действительности.

Впрочем, по нашему мнению, нет настоящих тунеядцев в точном смысле этого слова. Имеются только люди, способности которых не могли свободно развиваться, которым социальная организация помешала найти нормальное направление для своей деятельности, и которые, будучи выбиты из колеи, пошли по ложному пути и окончательно деморализовались и опустились.

Если сосчитаем огромную сумму усилий, которую приходится для своего существования затрачивать тунеядцу, не имеющему никаких средств, то увидим, что мускульная и умственная деятельность, проявляемая им в его шатаниях взад и вперед, часто больше той, которую ему пришлось бы затрачивать при каком-нибудь регулярном труде.

Чтобы воспользоваться завтраком приятеля, он ему окажет столько услуг, что они будут иногда стоят больше, чем пища, которую он получил от него.

Чтобы взять у другого сорок су, какие только услуги не умудрится он ему оказать: за рюмку абсента он готов пробежать через весь Париж! Положим, эти люди тратят свои силы бесполезно, но все же они их тратят. Создайте такое общество, в котором бы люди могли выбирать сами труд, и вы увидите, что самые ленивые окажутся полезными.

Эти люди, предоставленные самим себе в обществе, в котором законом служил бы труд, вскоре устыдились бы своего двусмыслен-

ного положения среди трудящихся. Мы не хотим силой принуждать туземцев к труду, но мы и не требуем, чтобы к ним относились с уважением, и чтобы каждое утро при их пробуждении им преподносили по их выбору то, что могло бы угодить их желаниям.

Если современное общество терпит паразитов, то потому, что нравы и социальная организация им отводят среди нас особое место; впрочем, от многих из них оно уже начинает устраниваться. Сводник хвастается своими обязанностями только в своей среде, большая часть населения избегает всякого сношения с ним. Палач, несущий общественную службу, во все времена считался отверженным среди людей. Многие другие должности если не пали еще так низко, то все более и более теряют свой престиж, и только немногие престарелые приверженцы старины восхваляют еще их, большая же часть их сторонников уже начинает говорить о смягчающих обстоятельствах, в виде требований социальной необходимости.

Мы предполагаем, что в будущем обществе произойдет то же по отношению к тем, которые захотели бы жить паразитами. Трудящиеся позволят из сострадания эксплуатировать себя до некоторой степени паразитствующими, не стесняясь показывать им презрение к их униженному положению в обществе.

Скорее чем принять подобное положение, туземец постарается оказаться полезным в каких-либо побочных работах, которые претят всякому другому. Это делается и на наших глазах, и таким образом, втянутые в производительные группы, самые ленивые нации бы также средство оказывать полезными.

Указывают еще на жителей Востока, на обитателей некоторых островов и экваториальных стран, ленивость которых вошла в поговорку, и для которых леньность обратилась почти в культ. Но в этих странах ленивость обитателей вызывается климатом, и с другой стороны жизнь там так легка, что ничто не принуждает туземцев насиловать свою природу. Достаточно им протянуть руку, чтобы добыть себе пищу: горсть фиников, риса или проса достаточно для поддержания жизни человека; листья деревьев служат им готовой одеждой; имеющие более утонченный вкус задают себе немного больше труда, и срезают для одежды кору некоторых деревьев, но все это в общем не требует больших усилий.

Желая их насильно приспособить к нашему образу жизни, европейцы истребили целые народы, которые до их прихода были образцами силы и изящества и жили в самых лучших условиях счастья и благоденствия. В то время, как свободное усвоение наших знаний и постепенное применение их могли бы способствовать прогрессу этих народов, насилие и власть погубили их или заставили идти назад в своем развитии.

Желать принудить грубой силой тех, кто упорно не хочет трудиться, было бы равносильно заставить их восстать против общества.

Они постараются добыть хитростью или силой—вспомним воровство и убийство в современном обществе,—то, чего им не дадут добровольно. Тогда придется учредить полицию, которая им мешала бы брать запрещенное; судей, которые бы их судили; тюремщиков, которые бы их держали под стражей, и таким образом, мало-по-малу создавая все самые типичные механизмы произвола и насилия, мы придем к восстановлению современного нам общества

Ради того, чтобы не кормить нескольких тунеядцев, сторонники власти не находят другого средства, как создать другую категорию тунеядцев с той только разницей, что положение этих последних будет законное и непоколебимое и упрочат их нежелательную в обществе профессию навсегда. В результате мы кормили бы две категории тунеядцев: одни, обретааясь на самом дне общества, жили бы на его счет, помимо его воли; других оно создало бы само под предлогом нежелания кормить ни одного паразита. И, таким образом, над нашими головами повис бы навсегда дамоклов меч: организованная и вооруженная сила, якобы имеющая назначением принудить людей выполнять то, что им не нравится, но всегда могущая обратиться против тех, кто ее установит.

ГЛАВА XIX.

Свободный выбор труда.

Нам говорят, что будет необходимо, чтобы группы, образовавшиеся в новом обществе, имели, если не главарей, то по крайней мере, людей, специально обязанных распределять труд в производительных группах, указывать каждому его обязанность, во избежание недоразумений между членами из-за желания делать одно и то же, и ради того, чтобы работа производилась методически и однообразно. Подобно современным потребительным товариществам, нужен будет кто-нибудь для распределения продуктов, из-за которых отдельные личности спорили бы если-бы над ними не было какого-либо контроля или регулирующей власти, наблюдающей, чтобы ничей интерес не был нарушен.

Касаясь этого предмета в предыдущих главах, мы доказали, что главным двигателем всех групп будет нужда, что люди должны будут расчленивать только на самих себя, чтобы добыть для себя все необходимое. Если они почувствуют нужду в каком-либо предмете, они должны будут направить свои силы к тому, чтобы добыть желаемый предмет. Они должны будут разыскивать род ассоциаций, больше всего способствующий получить то, что явится целью их желаний.

Прибегнут ли они к обмену, или будут брать из особых магазинов, или должны будут соединить вместе свои силы для производства желанного предмета, по нашему мнению, это будет зависеть от обстоятельств, и для достижения цели ими будут применяться различные способы.

Это будет зависеть от изобилия или редкости искомого предмета, а также от характера и склонностей отдельной личности: один будет чувствовать отвращение к какому-либо труду, и следовательно он будет вынужден сделаться полезным иначе, для того, чтобы получить от группы, участником которой он состоит, те вещи, производство коих ему кажется противным. Другой будет склонен производить различные предметы, не испытывая потребности использовать их лично; только удовольствие их производить, отделять, добиваться артистических эффектов, сообразно с его вкусом, будет мотивом его деятельности. Его счастье будет заключаться в том, что работы его

будут цениться, и друзья будут брать нарасхват произведения его труда.

Может случиться и так, что один человек не захочет иметь сношений с другим из-за безделицы, в чем сам себя будет упрекать, не имея никакого повода к ненависти, ни оправдания своему предубеждению против того. В другом случае, он почувствует симпатию к такому-то субъекту и ничего не пожалеет, чтобы угодить ему, при чем его симпатия тоже ничем не будет оправдываться.

Все эти случайности будут изменять характер поступков людей и влиять на выбор их сношений, определять образ их деятельности в группе. Многочисленны будут формы тех групп, которые отсюда произойдут.

Зачем же нужны еще главаря для групп, поставленных в такие условия? Прежде, чем составить группу, люди будут предварительно сговариваться относительно своих желаний и способностей, будут знать заранее какой части общего труда они отдадут предпочтение; в подобных условиях распределение труда произойдет единственно на основании свободного выбора. И это тем легче, что отдельная личность, которая при распределении труда не найдет искомого удовлетворения, не будет иметь надобности входить в такую группу и поищет другую, если ей будет отказано в некоторых уступках, а такие возможны везде, где дело ведется по взаимному соглашению.

Если в настоящее время рабочий предпочитает одну работу другой, то это объясняется тем, что одна работа приносит больше выгоды и дает рабочему больше личного значения; и это будет происходить во всяком обществе, которое сохранит систему наемного труда. Но когда наемный труд будет упразднен, а также и все бесполезные должности, то только потребности или способности будут побуждать людей к деятельности; соглашение между отдельными личностями, соединяющимися в группу для какого-либо общего дела, устанавливается весьма легко, когда между ними не играет роли личная выгода.

Другой причиной, способствующей тому, что люди замыкаются в какой-либо одной специальной отрасли труда, вызывающей огрубение и ограниченность индивидуальных способностей, так как она доводит любую из них до чрезмерного развития, заключается в том, что чем продолжительнее человек предается известному роду труда, и чем чаще повторяет одни и те же движения, тем искуснее становится он в своей специальности, тем точнее и быстрее делаются его приемы. Такая специализация рабочего выгодна капиталисту, ищущему только одного: извлечь возможно больше прибыли в наименьший срок из имеющихся у него орудий производства: машин или людей—для него безразлично. Рабочий, начав развить в этом направлении, вынужден его держаться, так как у него нет средств учиться другому ремеслу, и работодатели ищут только тех, которые, будучи уже выучены, обеспечивают им готовый производительный труд.

Неестественно, чтобы человек атрофировал свои различные способности в пользу какой-либо одной. Нормально установленное общество должно ему давать возможность быть независимым от среды и обстоятельств, допуская развитие всех его способностей. Если переход от одного труда к другому заставит его производить немного медленнее в каждой отдельной отрасли его способностей, то зато разнообразие вознаградит щедро эту небольшую потерю, не говоря о том, что она пополняется очень легко, благодаря усовершенствованию машин. Нам указывают на работы, вредные и отталкивающие, утверждая, что „если люди не будут заинтересованы какой-либо выгодой, то не найдется никого, кто бы захотел выполнять такие работы“.

Люди, вынужденные в настоящее время силою обстоятельств выполнять грязные или вредные общественные работы, по совершении революции, весьма вероятно, захотят себя вознаграждать и будут правы. Но это еще не значит, что они откажутся выполнять свое ремесло, если оно будет необходимо, и если только они одни будут способны его выполнять. Они, как и прочие, не захотят делать одно и то же в течение 14 часов в сутки; они тоже захотят здоровых и приятных условий для выполнения своей работы; также захотят разнообразить свои занятия, и все их требования должны будут быть исполнены. Но когда они добьются своего, то не будут иметь поводов отказываться помогать тем, кто нуждается в их способностях и знаниях прежнего их ремесла. Почему, в самом деле, только одна какая-либо категория людей должна быть обречена исполнять отталкивающие и вредные работы? Если эти работы производятся для общей пользы, почему каждый не взял бы на себя свою часть? Если такая работа полезна только для одной группы людей, по какому праву эта группа хочет принудить к этой работе других людей, которые бы производили то, что необходимо для нее одной.

Если данное ремесло представляет из себя социальную необходимость, то труд должен быть распределен между всеми членами общества; занимавшиеся раньше этим ремеслом внесут свои знания и будут обучать других. Если данные продукты требуются только одной категорией людей, то они сорганизуются сами, чтобы производить то, в чем нуждаются, и сговорятся с теми, кто может им помочь своими советами и своей опытностью.

Чтобы подкрепить нашу аргументацию, мы возьмем примеры каждой категории работ, на которые мы только что указывали. В первой— грязные работы—указывают на корпорацию чистильщиков отхожих мест, труд которых принадлежит к разряду самых отталкивающих, так-что на другой день после революции никто не захочет им завязаться.

Пример может быть не особенно удачно выбран, ибо уже и в современном обществе труд этот производится механически, и здания строятся так, что отхожие места постоянно оmyваются при по-

средстве оросительной системы, вычищающей их до дна, и опорожняются от содержимого тотчас же, как оно туда попадет, и таким образом устраняется посредничество чистильщика. В виду того, что устройство жилых помещений уже и теперь постепенно улучшается, то очень возможно, что названная корпорация в скором времени совершенно будет упразднена.

Но так как пример нам дан скорее вообще для обозначения какого-либо грязного и отталкивающего занятия, чем для того, чтобы указать специально на этот труд, а не какой-либо другой, и что в конце концов наше рассуждение вполне пригодно и для всякого другого примера, то мы посмотрим, что произойдет в обществе, которое не нашло бы средства обойтись без услуг чистильщиков отхожих мест, и которому угрожала бы опасность не найти в своей среде никого для выполнения этой обязанности.

Несчастье в самом деле большое: целое общество по уши в нечистотах вследствие того, что во главе его нет власти, которая декретировала бы вывозку нечистот! И после этого еще находятся люди, сомневающиеся в пользе правительства! И вот готовое занятие для современных политиков, которые на другой день после революции окажутся не у дел и благодаря своему умственному убожеству не сумеют приспособиться к какой-либо другой работе!

Однако, вернемся к делу.

Во всяком доме, где нужно будет произвести эту работу, предполагаем—и это не подлежит спору—каждый обитатель способствовал наполнению выгребной ямы; и вот когда настанет пора опорожнить эту яму, первыми почувствуют надобность в этом по особому запаху сами обитатели этого дома. Имея непосредственный интерес в том, чтобы освободиться от избытка такого добра, и главным образом, чтобы не быть отравленными миазмами, они должны будут сделать одно: сговориться между собой, и выполнить работу, и так как орудия, которые существуют теперь для этого, будут находиться в общем распоряжении, то не говоря о возможных в будущем улучшениях, каждому из обитателей помещения нужно будет приложить к делу руки, израсходовать немного доброй воли и сил, и с небольшой затратой труда они окажутся освобожденными от того, что их стесняло.

Прогресс, который мы указали в построении отхожих мест, отразится на всех отраслях человеческой деятельности. Сегодня оказывается ненужным ремесло чистильщика отхожих мест, завтра то же случится с ремеслом мусорщика, и так каждый день упрощается какая-нибудь из областей человеческой деятельности.

Что касается второго примера—вредных ремесел—то у нас нет недостатка в таких, но мы не достаточно хорошо знакомы с деталями, чтобы о них говорить, и остановимся на производстве свинцовых белил, которое всегда указывается, как одно из самых вредных для здоровья. И здесь, вероятно, были применены усовершенствования,

чтобы уменьшить смертоносное действие этого производства, но не зная их, мы возьмем этот труд таким, каким он есть, ибо это безразлично для нашего доказательства.

Нуждаются в свинцовых белилах те, кто их потребляет, но не те, кто их производит.

Это истина, не требующая доказательства. Но в таком случае зачем людям жертвовать свою жизнь и здоровье на производство продукта, который им не нужен?

Что главным образом делает вредными профессии, занесенные в разряд опасных, так это, во-первых, жадность эксплуататоров и затем продолжительность труда. Предположите, что вместо того, чтобы находиться в отравленных парах по 10 или 12 часов в сутки, это постоянно в течение ряда месяцев и лет, рабочие были бы заняты в этом производстве только один или два часа с перерывами и, что вместо того, чтобы находиться в плохо проветриваемых помещениях, мастерские были бы устроены на открытом воздухе под навесом и снабжены всеми известными гигиеническими приспособлениями—тогда работа будет более или менее неприятной, но перестанет быть опасной. Раз этот пункт решен, остается знать, кто будет выделять эти продукты? На это мы уже ответили: те, кто в них будет нуждаться. Разнообразие занятий необходимо человеку, и переход от одного труда к другому окажет ему в этом смысле услугу; почему, например, художник, будучи в одной группе с художниками, не может стать участником другой группы для производства необходимых ему красок? Почему астроном, соединяясь с другими, чтобы наблюдать происходящее в глубинах мирового пространства, не может вступить в группу оптиков, для изготовления необходимых ему объективов? Умея обращаться с предметом, они окажутся наиболее сведущими в том, как его изготовить при наилучших условиях, какие можно желать.

В особенности мы не должны забывать, что механические орудия предназначены заменить человека в большей части его работ и прежде всего в грязных и вредных работах. В настоящее время экономические соображения заставляют предпринимателя воздерживаться от покупки какой-либо машины или ремонта той, которая у него имеется. Он может использовать рабочего в 20, 10, 5 и даже менее лет, и никто не потребует от него отчета. В будущем обществе людям будет выгодно соблюдать гигиену в своих мастерских, так как они сами в них будут рабочими, и вопросы экономии никоим образом не будут приниматься в расчет. Человеческий гений сможет свободно заняться развитием и усовершенствованием машин.

Из всего предыдущего мы знаем, что труд вместо того, чтобы быть, как в современном обществе, рабством и мученьем, окажется привлекательным, и благодаря тому, что при выборе занятий люди будут руководствоваться личным влечением, сделается приятным времяпрепровождением, гимнастикой. Остается еще изучить немного

более подробно, каким образом в будущем обществе будут, в случае конфликта, примиряться противоположные идеи.

Так как пример иллюстрирует мысль и делает ее всегда более ясной, при условии, конечно что он удачный, то мы поведем наше рассуждение также при помощи примера; возьмем постройку дома и рассмотрим различные случаи, которые могут произойти.

Хотя анархистов обвиняют в том, что они беспокойные головы и не знают, чего хотят, мы полагаем, что когда дело коснется постройки дома—как и вообще всякой другой работы—члены будущего общества, охваченные желанием строить, не захотят терять время на нагромождение камня на камень, кирпич на кирпич только ради удовольствия портить материал.

Весьма вероятно, что современные огромные, напоминающие казармы, здания исчезнут в будущем обществе. Нет сомнения, что люди не пожелают быть набитыми в современных вредных для здоровья строениях, в которых, из экономических соображений—вследствие дороговизны земли—пытаются наверстать на высоте то, что теряется на поверхности. Как, впрочем, это теперь практикуется в Лондоне, люди захотят жить в „особняках“ небольших семейных домах, окруженных садиками для развлечений обитателей.

Постройка подобных домов требует весьма ограниченного числа людей. Технических затруднений почти не будет, и людям будет очень легко соединиться в группы для постройки таких небольших зданий. Но возможно, что люди будут продолжать строить современные огромные дома, и мы не можем предсказать будущую эволюцию. В этом отношении те, кто будут иметь особые взгляды на пригодность к жилью подобных домов, должны будут сговориться между собой; а те, чьи различные мнения смогут соединиться и примениться к одному типу здания, сгруппируются для постройки дома по условленному плану, распределяя квартиры так, чтобы каждый выбрал бы себе заранее подходящую для него, согласно его особым требованиям. Это, может быть, усложнит немного дело, но мы думаем, что не будет невозможным.

В будущем обществе, точно также, как в современном, силы не будут тратиться напрасно. Соглашение между отдельными личностями будет регулировать их поведение. Человек, который захочет изолироваться, жить только своими силами, потребляет только продукты своего производства, создаст для себя невозможную жизнь, потому что будет принужден работать непрерывно, без отдыха, и в результате добьется только посредственного довольства.

Поэтому люди, конечно, должны, будут производить своими руками некоторое количество необходимых им предметов, но совместно, чтобы воспользоваться прогрессом механики; кроме того, федерация различных групп позволит отдельным людям пользоваться многими продуктами, которых они не будут производить сами; обмен между

группами явится могучим средством для распределения накопленных продуктов, ибо очевидно, что если пущенная в ход машина может произвести в один или два часа в десять раз больше того, что нужно одному человеку, то последний не остановится по истечении пяти минут под предлогом, что он имеет уже сколько ему нужно. Он потерял бы таким образом в подготовительных работах все свое время, прежде чем произвел бы половину предметов различных сортов, в которых нуждался бы. Установится среднее количество занятий, которое может выполнять каждый человек, и определить которое теперь невозможно. Нужда и обстоятельства будут руководить людьми лучше всякой статистической комиссии.

Итак, те, которые, не довольствуясь уже существующими помещениями, захотят приспособить жилища по своему вкусу, сначала сговорятся между собой, и затем с другими группами, могущими им доставить необходимые материалы, и таким образом образуют вторую, третью федерацию групп, и так до бесконечности.

Но, говорят нам, имеются не только частные жилища. Есть публичные здания: мастерские, магазины, театры, помещения для собраний и проч. Если никто не будет специально предназначен для их постройки, кто станет их воздвигать.

До сих пор наши рассуждения велись так, как будто предполагается, что на следующий день после революции люди единодушно откажутся продолжать свой обычный труд;—такой случай может произойти, мы не видим в этом ничего невозможного, и так как этот случай представляет наиболее затруднений, то продолжаем рассуждать по прежнему.

Итак, люди, которые будут иметь нужду в здании, о котором шла речь, должны будут сами сделаться каменщиками. Они обратятся к инженерам и архитекторам, чтобы они составили планы проектированного здания. Чертежи их будут рассмотрены всеми. Обсудив детали и общий вид, остановятся на определенном проекте. И только если он будет чрезвычайно эксцентричен, из всех существующих каменщиков, слесарей и плотников не удастся убедить нескольких согласиться показать новичкам, как нужно взяться за дело; всякий проект, если он не окончательно нелеп, всегда находит сторонников. Не обращаясь к людям за деньгами, от них потребуют их доли труда и сил. В наши дни достаточно иметь деньги, чтобы направить социальные силы на выполнение самого абсурдного проекта; в будущем обществе к работе приступят только те, кто одобрит проект.

Как мы говорили относительно колесных и железных дорог, когда только личный интерес перестанет играть роль, и все побочные соображения будут устранены, соглашение будет легко достижимо. Но и здесь, если предположить, что люди будут настолько глупы, что не сговорятся между собой, мы натолкнемся на те же затруднения, что и там, и должны будем прийти к одинаковым выводам.

Логика нам говорит, что как только личный интерес—этот двигатель всех раздоров и распрей, вследствие столкновений с интересами других личностей—исчезнет из социальных отношений, разногласия могут оказаться только в способе понимать и рассматривать вещи: незначительные различия в оценке, вероятно, изгладятся при совместном обсуждении, и тогда в наличности останутся только различия, настолько резкие, что при них не окажется возможным никакое взаимное согласие.

Тогда нужда, этот всеобщий двигатель, более сильный, чем все мелкие вопросы самолюбия или тщеславия, не замедлит привести людей в более уступчивое настроение.

В противном случае пришлось бы признать, что люди регрессируют, и тогда разумному человеку, вместо того, чтобы стараться определить для человеческого рода идеал свободы и счастья, оставалось бы только искать в небытии спасение от мучительных страданий, которые он испытывал бы, видя, что человечество идет назад в своем развитии.

Если бы вследствие несогласия, дело окончилось постройкой двух зданий вместо одного, никто не стал бы на это жаловаться. Здесь получилась бы та выгода, что каждая группа, желая доказать превосходство своего плана, соперничала бы в усердии. Самолюбие побуждало бы людей выказать все свои знания, всю силу воли, чтобы довести до совершенства свое дело. Мы встречаем здесь тот стимул доброй воли людей, который, по мнению защитников власти, должен состоять только в страхе наказания или в приманке барышем.

Что касается разделения труда между группами, то, как мы видели, каждый будет искать ту группу, в которой он мог бы дать полный простор своим силам, и ассоциируясь, люди будут улаживаться относительно того, какую именно часть труда каждый из них специально выбирает для себя; поэтому индивидуум будет стремиться к ассоциации только с теми, кто вследствие наклонностей к известному труду, облегчит ему его работу, а не отнимет ее у него. Если, например, понадобится построить машину, то тот, кто будет иметь специальные наклонности к сборке машин, если не сумеет собрать ее один, захочет соединиться только с кузнецами, литейщиками и т. д. Если сложность работы потребует труда нескольких сборщиков, кузнецов, литейщиков и проч., то группировка их произойдет соответствующим образом на тех же условиях, как выше.

Если группировка при этих условиях совершится, то этим самым будет соблюдено разделение труда, ибо оно послужило основанием данной ассоциации. Как только группа организуется, ей останется только приняться за дело. Предположим, что во время работы кому-нибудь захотелось бы переменить первоначально им самим выбранный род труда; мы знаем, в современном обществе охотно делаются уступки, и потому подобное желание будет беспрепятственно удовлетворено, и

даже новые сотрудники сделают все, что от них зависит, чтобы помочь своему товарищу в его новом труде, пока он с ним не освоится.

Если по той или другой причине такая перемена труда не могла бы совершиться, то человек поищет другую группу, покинутая же им группа пополнится новым членом. Человек, получивший репутацию хорошего исполнителя принятой на себя в ассоциации части общей работы, будет хорошо принят в каждой группе; тот, кто прослышет неуживчивым, никогда не удовлетворенным, будет избегаться всеми, или с трудом найдет ту группу, которая его примет, и при том только, если он будет искупать свои недостатки другими качествами.

Возражали нам, что некоторые индивидуумы могут захотеть взяться за труд, который они неспособны выполнить. Но, ведь, группирование не будет происходить в слепую, и так как солидарность и общественная жизнь будут в будущем обществе очень развиты, то связи между людьми увеличатся, и ассоциации будут образовываться главным образом между теми, которые будут хорошо знать друг друга. Всякий, входящий в какую-либо группу, будет по крайней мере известен некоторым.

Вследствие этого ошибок будет значительно меньше, и кроме того, всякому известно, что человек хорошо делает только то, что делает добровольно. Самый факт, что кто-нибудь ищет такого-то труда, а не иного, указывает на то, что он чувствует способность его выполнить.

В случае, если бы он ошибся в своих способностях, сотоварищи не оставили бы его своими советами; а если бы его неумелость была слишком очевидна, то бесплодность его усилий заставит его скорее, чем что либо другое, не продолжать ту же работу.

Следовательно, труд может выполняться без споров, без тревог, без взаимного озлобления, к удовлетворению всех. Достаточно поставить людей в условия совершенной свободы и равенства, чтобы получить гармонию, эту идеальную цель человечества.

Если по той или другой причине, один или несколько человек не смогут оставаться в группе, ими самими выбранной, то, как мы видели, ничто их в ней не удержит; они будут свободны из нее выйти и вступить в группу, которая лучше соответствовала бы их новым воззрениям. От ухода одного монаха обитель не опустеет, говорит пословица, и это верно относительно какой угодно группы людей.

Если случайно не найдется бы группы, отвечающей стремлениям отдельного индивидуума, то ему пришлось бы искать других, способных его понять, вынатыть самим его стремления и помочь ему в осуществлении его идеала.

Всякий образ мыслей, всякий характер, лишь бы он не был совершенно эксцентричным, всегда находит сходных себе. Эксцентричные характеры составляют исключение, и общество создано, или по крайней мере должно быть создано, только для характеров, склонных к обществу. Следовательно, из-за ненормальных явлений, якобы

имеющих препятствовать будущей организации, не будет надобности создавать исключительные законы. Впрочем, всякий, кто хочет жить, должен подчиняться необходимости. Правда, не будет хозяина, который бы ему приказывал, но его существование возможно только при посредстве ассоциации с другими. Если он хочет погибнуть, он в этом свободен, но если он хочет жить, то может это сделать только, найдя товарищей. Солидарность есть одно из естественных условий существования, и мы в этом следуем указаниям природы.

Итак, то, что мы только что сказали относительно постройки какого-либо здания, может быть приложено ко всем отраслям человеческой деятельности, начиная с самого колоссального труда и кончая самым простейшим из производств. Самая полная свобода—вот единственный двигатель человеческой деятельности с его двумя следствиями: равенством и солидарностью.

„Нужны ангелы“, говорят нам, „чтобы подобная организация была бы возможна. Человек слишком дурен, им нужно управлять при помощи палки“.

Человек не ангел, его прошедшее доказывает нам это и, конечно, в один день он не изменится; изменение социальных учреждений, если оно произойдет внезапно, не сможет его моментально изменить и превратить в мыслителя, не делающего ошибок, и свободного от заблуждений. Наука разрушила веру в талисманы.

Но в первых главах этой книги мы показали, как понимаем мы эволюцию и революцию, и мы думаем, что достаточно выяснил, что одна не возможна без другой. Если человек развивается настолько, что изменяет свою среду, то почему не продолжал бы он прогрессировать в среде, благоприятствующей его прогрессу?

На место современного общества, грубо эгоистичного, в котором всегда перед истощенным рабочим встает страшный вопрос, так часто неразрешимый для него: „что я буду есть завтра“, на место этого общества, в котором „борьба за существование“ в самом скверном своем значении происходит между всеми, без отдыха и передышки—создается общество, основанное на солидарности интересов, в котором не будет притеснения; общество, в котором человек получит удовлетворение всех своих потребностей, будучи обязан отдать в возврат только часть своей деятельности.

И нет причин, почему бы люди не могли понять друг друга? Правда, человек эгоистичен и честолюбив, но научите его, что эгоисту выгодно быть солидарным с другими эгоистами, выгодно соединиться с ними, вместо того, чтобы враждовать, и вы сделаете людей солидарными. Уничтожьте то, что может льстить их честолюбию, удовлетворять и поддерживать их стремление к господству; сделайте так, чтобы они не могли подняться над толпой и навязывать ей свою волю, и тогда в этой массе людей, которые будучи взяты в отдельности, имеют все недостатки, вытекающие из скверного воспитания,

наследства общества, испорченного до мозга костей, проявятся смелые и благородные идеи, самоотвержение и энтузиазм, благодаря которым, как мы видели в прошлых революциях, люди в лохмотьях способны стоять на страже с оружием в руках, охранять миллионы, отнятые у них в виде налогов, сберегая их благоговейно для тех, кто впоследствии воспользуется этими миллионами для обращения в рабство их же самих. Такой образ действия, может быть, не заслуживает одобрения, но из него мы видим, что в периоды борьбы можно рассчитывать на великодушные массы.

Нам постоянно твердят об эволюции. Но ведь мы знаем хорошо, что необходимо, чтобы эволюция произошла в умах прежде, чем совершится в действительности, и знаем также, что идея, как бы ни была логична, не может быть навязана массе, если та не подготовлена к пониманию ее; что каждый должен пытаться способствовать этой эволюции, пропагандируя свои идеи так, как он их понимает, для того, чтобы грядущая революция не застала бы нас врасплох.

Что же касается того дня, когда свершится революция, то тогда мы применяя на практике наши идеи, пригласим наших товарищей по несчастью последовать нашему примеру. Если они пойдут за нами, значит эволюция произошла: если вместо того чтобы нам подражать, они станут повиноваться тем, кто обманывает их, желая их эксплуатировать и будут стрелять в нас,—значит эволюция не произошла и, тогда мы, конечно, падём под ударами власти, которая будет установлена совершающейся революцией. Но даже тем немногим, что нами будет сделано, идеи наши будут брошены в жизнь.

Когда рабочие, подпав под иго новых господ, которые примутся их эксплуатировать по-прежнему, догадаются, что они еще раз вынули каштаны из огня для кучки интриганов, они пораздумают и признают, что мы были правы, когда говорили им, что не нужно подчиняться господам. Если деятельность анархистов во время борьбы будет понятна рабочим, то они смогут увлечь за собою толпу, если они будут побеждены, эволюция будет продолжаться в направлении их главной мысли, и подготовится новая революция для ее осуществления.

ГЛАВА XX.

Коммунизм и анархия.

Прежде чем продолжать наше исследование, мы не можем обойти молчанием одно возражение, а именно: что коммунизм и анархия несовместимы, что одно отрицает другое.

Коммунизм, говорят нам, предполагает принудительное подчинение всех одному и тому же закону, между тем, как анархия предполагает самый безграничный индивидуализм. Определение это ошибочно. Слово „анархия“ означает только отрицание политической власти: оно вовсе не определяет наших экономических тенденций, и так как свобода, которую требуют анархисты, может вытекать только из экономического положения, которое люди сумеют себе создать, то мы полагаем, что необходимо ясно указать руководящую цель.

Конечно в настоящее время слово „анархист“ весьма определенно и, если отбросить все нелепости, которые подразумевают под ним страх и трусость тех, кто боится за свои права, то увидим, что оно означает не только ненависть к власти, но также уничтожение капиталистической эксплуатации.

Но ведь наша цель, наши идеи, наши тенденции, наша физическая природа и наши потребности влекут нас к ассоциации с людьми, ассоциации, в которой все люди, соединившись между собою, смогут свободно развиваться, согласно с их различными способами видеть и чувствовать. Зачем же нам бояться слова, если оно точным образом характеризует наше мировоззрение? Другим, прежде нас, оно служило этикеткой для систем, отвергаемых нами, но нам до этого нет дела: мы не боимся слов, и не доверяем скорее тому, что может скрываться под ними. Мы принимаем слова за то, что они собою обозначают, не останавливаясь на том значении их, которое другие хотели бы им придать.

Мы убеждены, что люди могут быть счастливыми, только живя вместе, по братски, и так как слово: „коммунизм“ применяется для обозначения такого состояния, то мы им пользуемся. Как противники власти, проникнутые той истиной, что человек может и должен жить без господ, что анархия именно это и обозначает и должна вести людей к такому гармоничному состоянию, при котором люди будут жить

без ссера, без борьбы, в самом совершенном согласии, мы пишем это слово рядом с словом „коммунизм“ для того, чтобы лучше охарактеризовать наши экономические и политические воззрения, составляющие наш социальный идеал, и мы не могли бы найти лучших слов для выражения их. В социальных системах, придуманных изобретателями совершенно готового общества, коммунизм обозначал строй, в котором все должны подчиняться общему закону; в котором равенство понимается, как приведение всех людей к одному уровню; это доказывает только, что слово „коммунизм“ было употреблено вопреки своему первоначальному значению, и ничего более.

В наших представлениях о социальном строе слово „анархия“ не только не „несовместимо“ со словом „коммунизм“, но напротив, смягчает то понятие о власти, которое могло бы быть приписано ему после того употребления, которое было сделано из него прежде.

Если „коммунизм“ показывает, что люди должны жить в обществах на началах самого полного равенства, то „анархия“ добавляет к нему, что это равенство дополняется самой неограниченной свободой личности: что оно не пустой звук, так как не может быть навязано силой, ибо не признает никакой власти: ни Бога, ни правительства, — каждый повинуетя только своей собственной воле!

Некоторые анархисты, боясь, что анархическая идея последует по ложной дороге христианского милосердия, самоотречения и прочих вздорных понятий, которые содействовали подчинению людей игу власти, проповедывая им покорность и преданность, говорят нам, что нужно отвергнуть коммунизм из опасения впасть в смутный и неопределенный сентиментализм старых социалистических школ. Мы, больше чем кто либо другой, являемся врагами нелепид, которые под предлогом чувства учат людей уважать предрассудки, препятствующие прогрессу и подчиняющие их власти эксплуатации. Мы более, чем кто-либо, противники и того глупого сентиментализма, которым буржуазные поэты и историки сдобривали свои писания и этим развратили рабочего, вызывая в нем глупое великодушие, благодаря которому он всегда делался жертвой интриганов, умевших вызвать в других чувства самоотвержения, чтобы тем успешнее их эксплуатировать. Пора действительно рабочим отделаться от сентиментального благородства, из-за которого они всегда оставались в дураках! Однако ради того, чтобы не впасть в сентиментализм, не надо впадать в противоположную крайность, как это случилось в литературе, где под предлогом противодействия чувствительности героев романтической школы хотели изобразить человека бессознательным и злым животным.

Кроме сентиментализма, знаменующего собою только плохо уравновешенные умы, человеку присущи потребность иметь идеал, чувство привязанности к тем, кого он уважает, стремление к прогрессу и жажда чего-то лучшего, ощущаемая даже самими отсталыми субъектами; все это должно быть принято во внимание.

„Зависть побуждает высшие классы ненавидеть богатых“, говорят экономисты, всегда появляющиеся там, где нужно клеветать против людей, у которых нет ста тысяч франков годового дохода.

Нет, господа, не ненависть и не зависть, а только чувство справедливости. Все лучшие стремления, присущие человеку, делают из него интеллигентное существо, и в совокупности с его дарованиями, став побудительной причиной его действий, отличают его от животного, пассивно переносящего свою участь, и не старающегося ее изменить.

Только рассматривая человека таким, каков он есть, и принимая в расчет все побудительные причины его поступков и условия существования, созданные природой или видоизмененные им, мы можем составить себе представление о том, к чему способен он будет в будущем.

Не будем же презирать поэзию и чувство, так как они дают нам силу бороться с препятствиями, услаждают часы отдыха, нередко находимого нами в жизни. Красота, Истина, Любовь и Дружба только чувства, но без них мы были бы дикими животными. Они сделали составной частью нашего существа, без которых мы не понимали бы жизнь. Пусть эти чувства управляются разумом, и пусть к ним не примешивается плаксивый и приторный сентиментализм тех, кто хочет исполнить завет их для оправдания современных ужасов, мы же смело признаем их, ибо они должны быть регуляторами нашего идеала.

Мы видели в предыдущем, что поставить вопрос: может ли человек жить одиноко? значит его решить, и мы не будем на этом останавливаться. Но помимо экономических условий, принуждающих человека жить в обществе, существуют соображения чисто морального свойства. Вне полового влечения, каждый человек чувствует влечение к одному, либо другому человеку; каждый испытывает потребность обмена мыслей, потребность в уважении и одобрении со стороны других. Одиночное заключение является жесточайшей пыткой, какую могли придумать современные филантропы. Общительность основное свойство человека; мизантропами и отшельниками являются только люди с расстроеным умом или галлюцинанты.

Что это верно, доказывает то, что чувство общности пережило и устояло, несмотря на все несправедливости и жестокости, совершаемые ежедневно „во имя общества“. Человека заставляют признавать за необходимость социального строя то, что является только результатом подчинения одного класса произволу другого.

Но если человек не может жить одиноко, если он может освободиться от преград, созданных условиями существования, в которых он находится, только соединяя свои силы с другими, если его темперамент, его вкусы, его интерес, его умственное развитие влечет его к ассоциации, то очевидно, что для того, чтобы быть прочным, эта ассоциация должна быть основана на полном равенстве всех членов. Она не должна терпеть в своей среде никакой привилегии. Если она

предназначена закрепить и облегчить соглашение между своими членами, то не должна наделять некоторых из них преимуществами, которые искусственно поставили бы наделенных ими выше других. Люди должны будут сговориться, чтобы „согласовать“ свои силы, и должны будут действовать „сообща“.

Следовательно для определения будущего социального строя слово „коммунизм“ не лишнее, также как слово „анархия“, понимаемое в смысле требуемой нами неограниченной свободы, и эти два слова, вместе взятые, обозначают, что мы зываем к рассудку людей, чтобы они сами решились, в каких пределах должны развиваться их свобода и солидарность!

Мы полагаем, что всем сказанным выше мы ответили уже на возражение тех, которые якобы боятся, что если в будущем обществе не будет власти, то люди не будут никогда уверены в возможности пользоваться своим трудом и будут рисковать каждую минуту тем, что более сильные или более хитрые отнимут продукты их деятельности.

Мы видели, что человеку невозможно жить одиноко. Однако тому, кто в качестве невежественного эгоиста предпочтет жить в уединении, никто не помешает в этом; такие люди будут свободны накапливать продукты и встретят единственное препятствие в практической невозможности делать это в слишком больших размерах. Но отказывая в своей помощи другим, они сами будут лишены чужой помощи и таким образом прежде всего сами будут наказаны, ибо будут терять больше, чем смогли бы сберечь. И действительно, что может человек изобрести и создать такое, что было бы полезнее для него, чем помощь членов ассоциации, которой он лишился? Как бы ни был он интеллигентен, идея не зарождается в нем совершенно готовой. Он ее почерпает из своих занятий, из чтения, из споров с окружающими, не говоря уже о том, что всякая новая идея есть только изменение какой-либо ранее сложившейся, и следовательно человеку нет никакой выгоды уединяться от других.

Из выше изложенных объяснений относительно механизма группирования индивидуумов читатель, вероятно, уяснил себе всю выгоду для отдельной личности принять в нем участие. Помимо немедленной выгоды: содействия в исполнении труда, непосильного ему одному, человек находит в своих сотоварищах друзей, которые сумеют в случае надобности его защитить, если кто-нибудь захотел бы его обидеть.

Так как люди будут составлять группы не волею обстоятельств, но по своим собственным склонностям, то между членами одной и той же группы установится связь тесной солидарности. Обидеть одного—будет значить соорудить против себя всю группу. А ведь каждый человек будет участвовать по необходимости во множестве групп. Чем общительнее он будет со своими сотоварищами, чем более в нем будет развиваться чувство солидарности, тем более его будут

уважать и тем больше будет сумма услуг, которых он сможет от них ожидать. Вместо того, чтобы быть слабым и безоружным перед обидой, каким хотят его представить, он будет располагать огромными средствами защиты, которых лишится только тогда, когда вздумает сам стать обидчиком.

Мы не должны забывать, что политическое рабство, вытекающее из нашего экономического порабощения, имеет значение только как защита привилегий имущих; те, кому нечего защищать, принуждаются доставлять силу для защиты насильников от мести ограбленных ими.

Когда люди получают экономическую свободу и не будут терпеть в своей среде распределителей естественных и промышленных продуктов, когда эти продукты будут предоставлены сво одному распоряжению тех, кто может их использовать, только тогда они станут свободными и равноправными. Имея возможность удовлетворять все свои потребности, они не будут подчиняться никакой власти, ибо будут сознавать себя равными со всяким, кто захотел бы над ними господствовать. Но, уразумев и поняв уроки прошлого, они будут знать, что несправедливость вызывает несправедливость, и насилие влечет за собою насилие. Не желая сами выносить чье-либо иго, они поймут, что не должны сами угнетать других под страхом возмездия. Желая оставаться свободными, они будут уважать свободу других.

ГЛАВА XXI.

Гармония. — Солидарность.

Мы видели в предыдущих главах, как и почему люди будут соединяться в группы и сговариваться между собой при той организации, которая произойдет из их ежедневных сношений, без власти и правительства; нам остается теперь показать, как смогут существовать бок о бок будущие группировки, не стесняя, не мешая и не воюя друг с другом. Мы твердо уверены, что это возможно, и постараемся показать, каким путем эта уверенность стала нашим непоколебимым убеждением.

Изучая причины раздоров, которые в современном обществе делают каждого человека противником своего ближнего, мы видели, хотя коснувшись этого явления мимоходом, что только страх за завтрашний день сделал человека эгоистом в узком значении этого слова, т.-е. думающим только о себе, сводящим все к своему „я“, и не заботящимся о тех, кто страдает вследствие того, что он наслаждается, лишь бы зрелище их страданий не представлялось непосредственно его глазам.

Все-же, несмотря на все это, человек, взятый в отдельности, страдает при виде страдания ближних; нищета, поразившая его взор, смущает его покой. Он охотно помогает ближнему, когда может это делать, не рискуя своими барышами, или шансами на успех. Некоторые, конечно, делают это только ради популярности, но уже само желание популярности доказывает, что такая помощь ближнему одобряется обществом.

Во имя общества—то-есть, счастья всех—человек допускает ограничения своей свободы и современную эксплуатацию, которую одна грубая сила была бы бессильна поддерживать. Мы допускаем, что в их покорности есть доля страха перед жандармами, но какую пользу получают от нее те, кто, не имея гроша за душою, доставляют силы, необходимые для поддержания существующего строя? И разве не из их же рядов выходят и жандармы? Мы знаем, что в исключительных случаях люди жертвуют своим благополучием и жизнью для общей пользы: ради науки, отечества, любви к человечеству, и даже ради своих личных убеждений. Примеры людей, рискующих своей жизнью,

положением или свободой, чтобы быть полезным своему другу, не редки.

Конечно, современная буржуазия с ее интригами, жадной наживы, шантажем и вероломством, которые у нее в порядке вещей, нам доказывает одичание человечества, но к счастью она составляет лишь меньшинство, и в буржуазии не все являются политиками.

Противники анархии обвиняют анархистов в том, что они создали в своем воображении человека, безусловно доброго, скромного, самотверженного; идеальное существо, никогда не встречающееся в действительности.

В свою очередь, мы можем упрекнуть их в том, что для своих целей они представляют человека иным, чем они; созданным не по их подобию, — ибо они приписывают себе все достоинства, которые отрицают в других, — а по образу несуществующего в действительности, единственного в своем роде существа.

Они представляют человека существом холодным, жестоким и эгоистично глупым, между тем, как все его прошлое доказывает, что он является таким только вследствие обстоятельств, и что эволюция стремится его вывести из этого состояния. И так, приложим наши силы к тому, чтобы обстоятельства не вынуждали его более желать гибели своего ближнего.

Желание выдвинуться, стремление к наживе суть только следствия антагонистической организации общества, которое предоставляет людям право во всякое время пользоваться всеми средствами в борьбе, чтобы достичь цели раньше своих конкурентов; им нужно раздавить конкурентов, если они не хотят быть ими раздавленными и служить ступенью, по которой взойдут их победители. Организация современного общества такова, что нужно затыкать уши, чтобы не слышать крики тонущих, не поддаваться соблазну поспешить к ним на помощь; вместо того, чтобы протянуть спасательный шест, нужно, напротив, *помочь* им погрузиться вглубь, ибо толпа соперников спешит за вами, и она раздавит вас без жалости, если вы вздумаете остановиться. Не удивительно после этого, если согласие и дружба сделались так редки в современном обществе. Вы основываете вашу организацию на личной конкуренции, на истреблении одних другими, поэтому не смущайтесь, если пожнете ненависть и смуту! Столько же права удивиться имел бы человек, усевшийся на мину и вложивший в нее заклад, когда полетит на воздух.

Совершенно иной будет наша организация: частная собственность будет уничтожена, люди не будут иметь более надобности копить деньги, чтобы обеспечить себе уверенность в завтрашнем дне. Стимулом человеческой деятельности будет не стремление накапливать, но необходимость так или иначе давать себе пропитание, но потребность деятельности, совершенствования, стремления к лучшему идеалу. Сношения групп и отдельных личностей не будут устанавливаться в це-

лах обмена, как теперь, когда каждый договаривающийся старается только *утопить* другого; сношения будут иметь целью только взаимное облегчение труда; согласие установится скоро, причины раздоров исчезнут, и социальные сношения будут побуждать людей к солидарности вместо того, чтобы заставлять их вредить друг другу. Сейте мир, и вы пожнете солидарность.

Мы видели также, что мир, конечно, не установится сразу в идеальном виде. Чудеса в наши дни не совершаются. Прежде чем добиться, чтобы все шло без толчков, без недоразумений, будут, конечно, колебания, недоразумения, ошибки, но мы уже говорили, что не надеемся на то, что перемена произойдет сразу, что для того, чтобы она установилась и была бы прочной, требуется много усилий.

Мы согласны, что работа будет продолжительной, трудной и потребует борьбы, попыток начать снова, иногда самоотвержения со стороны одной части индивидуумов; но при всех опытах, повторных начинаниях, разочарованиях успех будет больше обеспечен, чем при помощи власти и угнетения.

Ошибки и разочарования сделают людей более осторожными и заставят их размышлять прежде, чем действовать. Когда они заметят, что они на ложной дороге, им будет легко изменить направление; между тем как, если бы власть предписала неверное направление, они могли от него забавиться, только начав новую революцию, прежде чем окончится первая. Опыт показывает нам, что легче сделать себе господ, чем от них освободиться.

Как мы говорили, когда люди соединятся в группы, чтобы производить продукты для своего личного употребления, или чтобы доставлять другим предметы своего производства, эти группы должны будут войти в сношения друг с другом и при том, каждая с таким количеством групп, какого потребуют ее нужды; равным образом, один человек сможет участвовать в 10, 20, 50 группах, поскольку это будет вызвано разнообразием его вкусов и многочисленностью его способностей. Из совокупности разветвлений вытекает для отдельного индивидуума возможность добыть себе то, что он не сможет сам произвести.

Группы будут уведомлять друг друга о переменах потребностей и результатах деятельности. Для того, чтобы добыть пищу, им нужно будет знать, где находятся группы, которые могли бы им доставить необходимый сырой материал; с своей стороны они должны будут осведомить других, что они могут предоставить в их распоряжение. В современном обществе такие сведения доставляются ежедневно путем особых публикаций, и таковые можно будет изменить и приспособить к потребностям будущего общества.

Тот же процесс соединения, который будет совершаться среди отдельных личностей, произойдет и между группами путем сходных стремлений и потребностей, без вмешательства власти.

В виде возражения нас могут спросить: „Как поступит группа, которой другие группы не захотят доставить то, в чем она будет нуждаться?“ Утверждают, что такой случай возможен. Подобное возражение мы слышали относительно индивидуумов одиноких; случай аналогичен с тем, и по нашему мнению, требует аналогичных средств.

Для того, чтобы одной группе, среди тысяч и миллионов групп, не удалось найти никакой другой, которая согласилась бы установить с ней связь, нужно будет, чтобы поведение ее членов было слишком ненормальным, и они оказались совершенно нетерпимыми среди остальных. Тогда, так как времени и пространства будет достаточно всем, они должны будут эволюционировать в том направлении, которое удовлетворит их самих, они не сумели оказаться достаточно общественными, чтобы найти себе друзей.

Но это будет только исключение и не может служить аргументом. В действительности подбор, который будет совершаться среди отдельных личностей, будет также совершаться среди групп. И так как способности и склонности бесчисленны, то каждый темперамент, каждая группа выберут себе то, что им нужно.

Нам ответят, что все это гипотезы, но мы возразим, что говоря о будущем, мы можем только строить гипотезы. Сама наука, утверждающая, что она следует только опытным путем, обязана всеми своими открытиями гипотезам, которые, впоследствии подтвердились опытом и вычислениями.

Также легко будут решаться вопросы об общей пользе. В большинстве случаев не иначе происходит и в современном обществе. Все более и более приучаются обходиться без содействия Государства. Те, которые проявляют в этом отношении почин, делают из общей пользы средство наживы, но тем не менее, по существу, она остается делом личной инициативы.

Финансисты, принимающиеся за какое-либо дело, если они не хотят, или не могут в него вложить свои собственные капиталы, прибегают к добровольным подпискам, и люди, привлеченные приманкой дивидендов и крупных прибылей, спешат покрыть таковые, если дело им кажется верным, таким образом, принимая на себя риски, неизбежно вытекающие из каждого финансового предприятия, о котором они знают только то, что главным деятелям угодно будет им сообщить. Бесполовно прибавляет, что в современном обществе возможны только те предприятия, которые доставят капиталистам средство эксплуатации, ибо одни соображения об общей пользе не являются достаточно существенными, чтобы извлечь капиталы из карманов тех, кто ими обладает. Однако, иногда открываются и даже покрываются подписки, имеющие целью содействовать основанию общепольного учреждения, не приносящего никакого дохода. Это исключения, скорее говорящие в пользу наших выводов, но недостаточные, чтобы подкрепить серьезную аргументацию, и потому мы оставляем их в стороне.

В действительности происходит то, что применение многих идей отсрочивается до бесконечности, если не забрасывается окончательно, ибо представляя общественную пользу, оно не может дать непосредственно никакой прибыли на капиталы, которые были бы туда вложены. Чтобы быть осуществленной, идея должна не только быть общественно-полезной, но и должна служить средством накопления или увеличения богатства небольшой группе людей.

Почему то, что происходит в современном обществе, не могло бы произойти в будущем, в котором финансовые соображения будут устранены? Тот, кто возьмет какую-либо идею прежде других, возьмет на себя инициативу ее пропагандировать, обратится к доброй воле других, будет развивать свою идею всеми возможными средствами, стараясь внушить свое убеждение возможно большему числу сторонников. Вместо того, чтобы подписываться на взносы деньгами, будут подписываться на содействие проектированному труду интеллигентностью, силами, пока, наконец, соберется необходимый для выполнения его персонал.

Всякое дело, имеющее действительно общепользное значение, будет обеспечено поддержкой групп; тем более, что в смысле осуществления работ, в которых будет испытываться надобность, люди должны будут рассчитывать только на самих себя, между тем как в современном обществе в достаточной мере признавать какую либо общественную работу спешной и соглашаться доставить необходимые денежные средства: нужно еще получить разрешение центральной власти, что не всегда удается, или удается только после многолетних хлопот.

И только если идея работы будет совершенно непонята, не найдется людей для ее выполнения; это будет значить, что ее полезность не доказана.

Если работа действительно будет полезна, она всегда найдет группу пропагандистов, готовых распространять идею ее. И хотя осуществление всякой идеи зависит от эволюции, но здесь было бы то преимущество, что она не была бы устранена, хотя и понята, единственно из за того, что осуществление ее не приносило бы достаточно крупных дивидендов тем, кто в него вложил бы свои капиталы.

„Все это очень хорошо“, говорят нам, — „но ведь вы хотите установить какую-то спартанскую республику, где все будет обращено в пользу общества, и отдельная личность должна будет, что бы вы там ни говорили, жертвовать собою для общего блага; в вашем обществе можно будет умереть от скуки, ибо люди должны будут отказываться от всякого развлечения, всякого веселия, потому что производство должно будет ограничиваться предметами первой необходимости.“

Мы видели, что лучшее распределение труда даст человеку много свободного времени, которое он сможет посвятить каким ему угодно занятиям; следовательно, вышеуказанное возражение неосновательно, потому что человек всегда будет в состоянии соединиться с кем

захочет, чтобы производить то, что лучше отвечает его вкусам. И разве все, чего хочет человек, не составляет для него потребности?

Материальные потребности не суть единственные, какие тревожат человека; все, что становится для него необходимым, руководит его деятельностью и, следовательно, участвует в социальном производстве. И здесь сходные склонности и одинаковые вкусы будут руководить людьми и группировать их, чтобы установить связи, обеспечивающие их полное удовлетворение.

Защитники власти видят в многочисленности темпераментов и разнообразии способностей среди людей повод к опасению за гармонию и добрый мир; между тем, в действительности это различие вкусов и способностей позволит людям развиваться свободно. Если бы их потребности были одинаковы, легко могло бы прозойти, что им пришлось бы бороться за кров и хлеб; при разнообразии же вкусов и способов деятельности один будет получать наслаждение в том, что было бы неприятно другому.

В будущем обществе, следовательно, будут продолжать производить и предметы, служащие только для увеселения человека, но воспитание и совершившийся прогресс заставят его искать более возвышенных удовольствий, чем напр., петушинные бои, или скачки, где „ставят“ на лошадь, за которой ухаживали в течение целых месяцев, как за любовницей, чтобы она хорошо бежала четверть часа. Мы берем человека таким, каков он есть, со всеми его недостатками и вкусом, испорченным невежеством и предрассудками, и надеемся, что эволюция сделает его вкусы проще, утонченнее, эстетичнее; что он избавится, наконец, от той страсти к мишуре и нарядам, которая характеризует дикаря и встречается измененной, но не исчезнувшей, у человека современной высшей цивилизации.

У защитников власти нет недостатка в возражениях. Разбитые на одном пункте, они пытаются выехать на другом. „Вы заявляете, говорят они, что люди сумеют группироваться, чтобы производить необходимое для себя; но если никто не будет специально занят регистрацией требуемых предметов, подсчетом таковых по магазинам, оповещением о недостающих, то производство пойдет без толку; будет перепроизводство одних и недостаток других продуктов; это будет хаос, в котором никто не сможет разобраться“.

В наши дни нет недостатка в статистиках; в каждой отрасли знания имеются свои счетчики, которые регистрируют факты, совершившиеся действия, произведенные и потребленные продукты. Подсчеты, вычисление, измерение представляют увлекательную работу для многих людей, и в будущем обществе они будут совершенно свободны отдаваться любимому занятию. Они-то и будут нас осведомлять о равновесии производства и потребления.

Почты, телеграф и телефон сделают их сведения доступными всем, даже пожелавшим жить одиноко; сведений не будет лишен ни-

кто. Наконец, мы полагаем, что указанный нами способ соединения в группы является лучшим ответом на всякие возражения такого рода. Группа людей, задавшаяся целью нас осведомить или предупредить о необходимости какой-либо операции в области производства, может быть очень полезной, не будучи опасной. Совершенно иначе было бы, если бы группа эта получала на то миссию путем особой делегации. Нет никакой надобности для общества передавать полномочия особой группе, которая бы указывала каждому члену то, что он должен делать, когда каждому стоит только захотеть, чтобы осведомиться самому о том, что совершается в любой момент в целом мире, и когда работа может совершиться нормально, благодаря разумному соглашению при разделении труда.

ГЛАВА XXII.

Женщина.—Брак.

Идея свободы личности распространяется, и нет никакого сомнения, она восторжествует, как все идеи; но есть еще идея, которую отделили от первой, хотя по существу они составляют одно и то же, и, вопреки идее свободы, многие, увы даже среди рабочих, протестующих против своего порабощения, продолжают видеть в женщине только низшее существо: орудие наслаждения, если не рабыню.

Сколько раз мы слышали: „Женщине нельзя заниматься политикой! пусть она смотрит за кастрюлями и штопает чулки мужа“. Очень часто таким языком говорят социалисты и революционеры; другие не говорят так, но бессознательно поступают в своей семье, как настоящие хозяева.

Помимо того, что они теряют таким образом одну из самых великих сил революции, их поведение доказывает еще, что они сами не доросли до полного понимания солидарности всех людей, без различия пола. Отсюда возникло умственное течение, которое не оставляя в стороне экономический вопрос, добивается в современном обществе освобождения женщины, допущения ее ко всякому труду и привлечению ее к участию в политических делах.

Стремление это, как и многие другие в современном обществе, обнаруживает близорукость его сторонников и полное незнание положения вещей.

Порабощение женщины есть пережиток состояния варварства, перешедший в законодательство, потому что мужчина рассматривает женщину, действительно, как низшее существо; но став для богатой женщины совершенно номинальным, оно со всей силой обрушилось на пролетарскую женщину. Последняя может освободиться только вместе с своим товарищем по нищете, и политическое освобождение будет для нее такой же ловушкой, какой было для рабочего его политическое освобождение! Не вне социальной революции и не помимо нее должна женщина искать своего освобождения, а только, присоединяя свои требования к требованиям всех неимущих.

После отцов церкви, которые серьезно спорили, имеет ли женщина душу, сколько глупостей было наговорено по поводу освобож-

дения женщины! Даже в наши дни многие ученые утверждают, что женщина — низшее существо. Правда, в большинстве случаев ими являются как раз те самые ученые, которые говорят о „низших классах“, когда вопрос касается рабочих, и которые упорно проводят мысль о неспособности некоторых рас подняться на известную ступень умственного развития. Такие ученые всегда готовы оправдать всякий, гнет, всякую несправедливость, лишь бы их угодливость награждалась орденами и лентами. Они, вероятно, полагают, что насколько ими унижаются другие, настолько возвышаются они сами.

И на что только не указывали для доказательства мнимого низшего развития женщины! На мускульную слабость по сравнению с таковой же силой мужчины, на меньший объем ее мозга; мы говорим здесь только о том, что совершенно установлено, и не ссылаемся на якобы неспособность к точным наукам и какую-то физиологию, стараясь доказать, что половые органы женщины суть только задержанные в своем развитии органы мужчины.

Но когда было установлено, что мозг является органом мысли, сторонники отсталости женщины стали думать, что они наконец нашли непоколебимую базу для своей доктрины, и на этом они укрепились. Действительно, у всех человеческих рас нормальный мозг женщины меньше весом, чем мозг мужчины.

Равным образом доказано, что при всех одинаковых прочих условиях, мозг, более тяжелый, имеет больше шансов быть богаче одаренным, и это считается вне спора. Можно ли спорить против фактов? Да, можно: когда кто-либо занимается наукой, настоящей наукой, в целях научиться, увеличить свои знания, а не ради того, чтобы выработать орудие борьбы для оправдания предвзятой идеи, он должен сравнивать все элементы исследования, принять в расчет все побочные отношения, дополняющие предмет и усложняющие его, изучать изменения, этими отношениями вносимые в главный элемент, и их взаимное влияние, и только после этого может надеяться получить приблизительно верные заключения.

Наши ученые обрадовались находке, подкрепившей их теорию. Они забыли только одно, что если вес мозга составляет все, если он один должен быть принят в расчет, то кит и слон самые умные существа, так как, конечно, их мозг тяжелее мозга человека.

Не один вес обуславливает качество мозга, и некоторые ученые это поняли. Нужно принять в расчет его отношение к длине тела, к общему весу. Мозг составлен из мыслительных клеток, но также и из нервных клеток, единственная функция которых заключается в приведении в движение различных мускулов. Чем масса мускулов больше, тем нервные клетки должны быть многочисленнее и обильнее, и их масса ничего общего не имеет с интеллигентностью.

Затем обилие извилин имеет столько же, если не больше, значения, как вес; химический состав является еще одним условием, с ко-

торым нужно считаться. Различие в структуре клеточек может изменить функционирование мозга; точно также нужно принять в соображение условия питания, которое в зависимости от более или менее регулярного прилива крови замедляет или ускоряет мозговую деятельность. И наконец, недостаточно иметь хорошо одаренный мозг, нужно еще его упражнять научным образованием. Женщину, как и рабочего, всегда держали на нижней ступени образования, под предлогом, что образование, какое получают наши власть имущие, выше их понимания, и что оно им бесполезно для выполнения предоставленных им работ. И это высшее разитие нам теперь выдают за естественный закон!

Люди не осмеливались бы высказывать такую научную ересь, если бы они не поклонялись антропоцентрической теории, которая ставит их в центре повторения и вытекает из того же источника, что и ложное понятие о геоцентризме. Но чувствуя, как мало-по-малу разрушается их главенство, они пытаются установить последнее изменение его *): „вироцентрику“, но и та не более, чем первые две, основана на реальных данных.

Если бы дело шло о двух различных расах, ничем не связанных между собой, мы понимали бы еще, что вопрос о превосходстве мог бы быть поставлен, без сомнения, так же ложно, как и в данном случае; но его можно было бы по крайней мере обсуждать. Но поднимать этот вопрос относительно двух членов одной семьи, равно необходимых для продолжения рода, могут только очень умственно-ограниченные люди.

Мужчина и женщина не плодятся каждый отдельно; мужчина не производит только сыновей, а женщина только дочерей, чтобы передавать таким образом каждый своему потомству отдельно свои качества и свои недостатки; оба участвуют вместе в акте зарождения как мальчиков, так и девочек. Каждый из них передает свои качества потомству без различия пола. Иногда мужчина преобладает, иногда женщина. Иногда один из них передает преимущественно свои качества потомству своего пола, но также и потомству другого пола. Никто не мог еще дать этому объяснение, тем не менее остается установленным фактом, что, смотря по обстоятельствам, тот или другой пол преобладает в потомстве.

Если же это так, и если в какой-то данный момент, который мы примем за исходную точку, женский пол действительно был высший, то должно было произойти следующее: или женщина окончательно передала бы потомству свою недоразвитость, или мужчина передал бы свое превосходство или, наконец, между обоими элементами уста-

---

*) Не надо забывать педантов, которые хотят доказать превосходство некоторых рас, и полупедантов, доказывающих превосходство некоторых классов. Все эти заблуждения вытекают из одного и того же чувства.

новилось бы равновесие сил, которое привело бы их к одному уровню.

В первом случае каждому поколению женщина передавала бы свою нисшую организацию, и ее отрицательные качества стали бы наконец преобладать над положительными мужчины. Если это так, то за время: с момента, когда начался человеческий род, по сегодняшний день, человечество должно было давно возвратиться в первобытное состояние.

Во втором случае восторжествовали бы положительные качества мужчины. Сторонники женской отсталости принуждены отвергнуть такую гипотезу, ибо с того времени, как оба пола соединяются для произведения потомства, они достаточно перемешались, чтобы приобрести равные качества, и утверждать, что женщина в настоящее время ниже мужчины, будет нелогично. Равным образом они будут отрицать третий случай, который предполагает еще средний уровень, низший, для обоих полов. Остается только четвертая гипотеза, по которой, не смотря на смешение, каждый под сохранил при всех скрещенных свои собственные качества. Кроме того, что эта гипотеза менее всего приемлема, против нея ополчатся все те, кто во что бы то ни стало хотят доказать верность абсолютной теории „борьбы за существование“ и „переживания более способных“.

Таким образом простое логическое рассуждение приводит нас к следующему решению: оба пола равно наделены различными оттенками и качествами, которые присущи физиологической организации каждого пола и делают их равнозначными, если не совершенно одинаковыми.

Женщина, вследствие своей физической слабости, в нисших обществах всегда подчинялась власти мужчины при различных степенях насилия с его стороны: мужчина всегда более или менее навязывал ей свою любовь. Сначала собственность племенц, затем отца, она переходила потом под власть мужа, и таким образом меняла хозяев, которые не обращали внимания на ее личные симпатии. Хозяева следили за ней, как за собственностью, чтобы помешать ей отдаваться без их согласия, за исключением стран, где большое потомство считалось залогом богатства и потому хозяин закрывал глаза на прохождение благ, которыми мог располагать, как своим. Во всех других случаях хозяин иногда в порыве великодушия предлагал ее другу, гостю или клиенту, как предлагают стул, но он считал бы себя обманутым, еслибы те воспользовались ею помимо его воли, и жестоко отомстил бы виновной.

Правда, хотя ее зависимость постоянно подтверждается законами и на словах восхваляется многими, но на самом деле, путем ли хитрости, или той силы, которую женщина имеет над мужчиной в сфере половых сношений, эта якобы власть мужчины пала очень низко.

В нашем так называемом цивилизованном обществе богатая женщина пользуется свободой фактически, если и не по праву, и только бедная женщина подчиняется гнету и букве закона.

Но даже у наиболее отсталых народов ей дается отвоевывать себе некоторые привилегии. Древние историки упоминают об одном галльском племени, в котором женщины были призваны судить споры, возникающие в племени между соседями, и решению их должен был подчиниться даже один римский полководец.

У австралийцев, где женщина в общем находится на положении животного и за едой садится позади своего повелителя и хозяина, который ей бросает ненужные ему куски, указывают подобный же обычай. *) Хотя женщина фактически всегда подчинялась грубой мужской силе, но лукавством и хитростью она всегда умела влиять на него. Теперь ей ставят в преступление эту хитрость, которая, якобы, является „оружием слабых“; она могла бы ответить, что доказывать свое право при помощи силы может только дикарь.

Первоначальной формой брака было, вероятно, беспорядочное сожитие обоего пола; затем мужчина утвердил свое право собственности, захватывая силой ту, которую хотел сделать своей подругой; потом он стал ее покупать; когда нравы смягчились, стали наконец принимать в расчет желания самой женщины и постепенно давать ей свободу, но чувство собственности, которое заложено в деспотической организации отцовской семьи, старалось поставить женщину в тесную зависимость от мужчины — отсюда все узаконенно, а также предрассудки относительно половых сношений.

Сколько было издано законов, с целью регламентировать отношения мужчины и женщины, сколько заблуждений и предрассудков старалась поддержать и насадить официальная мораль. Но природа их опрокидывала, никогда не подчиняясь их произвольным декретам. Мужчина в качестве хозяина считает возможным охотиться во владениях соседа, это одобряется; даже в самом скромном обществе мужчины, который может похвастаться многочисленными „победами“, считается „молодцом“. Но женщина составляла в силу законов, воспитания, предрассудков и общественного мнения чью-либо „собственность“, и не имеет права отдаваться своим чувствам. Половые сношения составляют для нее запрещенный плод; ей разрешается только связь, санкционированная мэром и священником. Таким образом в акте, в котором участвуют двое, одной достается стыд, а другому слава.

Защитники мужчин говорят, что зло, совершаемое обоими участниками, несравнимо. Адюльтер женщины может-де ввести в семью посторонних детей, которые позднее лишат законных собственников части наследства. Из этой капиталистической истины можно вывести заключение, что приятно причинять убыток соседу, но неприятно

*) Элизэ Реклю: Австралийские дикари.

испытывать его самому, и здесь капиталистическая мораль высказывается во всем своем блеске.

Женщина-собственность, отдавшись мужчине, наружность которого ее покоряла, виновата перед своим хозяином. Развязный самец, подобно кукушке забравшийся в гнездо соседа, доказывает этим свой ум. Так бывает всегда.

Церковь, с своей стороны, предала анафеме тех, кто повиновался больше законам природы, чем правилам моралистов и законников. Теория первородного греха обрушилась всей своей тяжестью на совершение производительного акта.

Не будучи в состоянии предписать полное воздержание, Церковь должна была санкционировать и благословить союз мужчины и женщины, но чтобы регламентировать эти сношения, она стала без пощады преследовать тех, кто отдавался любви без ее согласия. Церемонии, которые первобытные люди добровольно выполняли, чтобы ознаменовать вступление в брачное сожитие, сделались обязательными в религии и отсюда перешли в свод гражданских законов, унаследовавший большую часть прерогатив Церкви,

После запрещения любить без дозволения священника, было запрещено любить без дозволения мэра. Общественное мнение, поддерживаемое в невежестве священником и законодателем, презирало тех, кто находил, что любовь не нуждается ни в чьем разрешении. Но всегда, вследствие идеи собственности, осуждение падало на женщину; мужчину осуждали только тогда, когда он относился к такому союзу серьезно и обращался с своей любовницей, как с законной женой.

Но ложный стыд, также как все наказания, изобретенные против тех, кто практиковал свободную любовь, привел к одному: люди сделались плутами, лжецами и лицемерами, не став ни более целомудренными, ни более воздержанными. Противодействуя природе, ее извращают, вместо того, чтобы укротить. То, что происходит в нашем, так называемом, цивилизованном обществе, вполне доказывает это.

В нем ложная стыдливость доведена до крайности; и следствием явились адюльтер, проституция и разврат, а законный брак превратился в своего рода сводничество. Детоубийства доказывают, что позор, падающий на девушку, которая отдается любви, никому не мешает пользоваться ею при случае, но последствия доводят ее до преступления из-за того, чтобы скрыть так называемое падение.

Впрочем, в настоящее время ригоризм в обществе понемногу исчезает, а о религии даже перестали говорить. За исключением какой-нибудь простушки, желающей показать подвенечный наряд, да наследника, желающего приобрести благосклонность у своих богатых, несколько отсталых, родственников, мало кто испытывает потребность становиться на колени перед господином, надевающим маскарадный костюм не только в дни карнавала. Что же касается гражданской санкции, то если бы произвести подсчет среди населения наших больших

городов, оказалось бы, что все браки записаны в мэрии, но три четверти из них порвали без всяких формальностей законные связи и заключили новые, никем официально не освященные, и что брачные пары составлены не так, как они записаны в мэрии: конечно, остались, например, господин и госпожа А., господин и госпожа В., но госпожа, известная соседям, как госпожа А., в мэрии считается госпожей Х., и госпожа В. является легально госпожей Z.

Это явление сделалось всеобщим, так что буржуа, как бы ни были против, а вынуждены были включить развод в свой кодекс. В наши дни человек, желающий вступить в свободный брачный союз, без официальной санкции для такового, может это сделать, не теряя уважения окружающей среды.

Общественное мнение начинает считать свободно заключенный союз настолько же действительным, как и законный брак и, хотя официальное освящение брака исчезнет только вместе с другими социальными учреждениями, ибо на нем основана собственность, так как закон о наследстве требует, чтобы семья была законна, строго разграничена и тесно связана, во избежание расточения достояния, тем не менее ему был нанесен роковой удар в тот момент, когда законодатель должен был установить случаи, при которых брак может быть расторгнут.

И действительно, разве не бессмысленно было принуждать двух людей жить вместе, когда совместная жизнь оказывается для обоих невыносимой!

Из-за того, что в молодости, в порыве первого увлечения, мужчина и женщина нравились друг другу, закон заставляет их прожить вместе всю жизнь, не имея права разорвать сковывающие их цепи. Если существование делалось настолько невыносимым, что каждый хотел получить прежнюю свободу, то мог это сделать лишь вопреки закону, и новая его семья никогда не была признана действительной, как бы она ни была ему дорога. Он вынужден был скрывать, как позор, нелегальность своего семейного положения, так как общественное мнение столь же бессмысленно, как и закон.

Несчастлив был тот, кто обманулся в выборе, или дал себя завлечь приветливыми, но обманчивыми улыбками, коварными обещаниями, вероломными клятвами, хотя и искренно данными в момент порыва, но впоследствии забытыми под влиянием обстоятельств. Раз решение было принято, его нельзя было изменить в течение всей жизни. Счастливо, оно, или нет, с ним нужно было примириться. Как бессмысленно было все это.

Нерасторжимость брака была идиотизмом. Два человека могут нравиться друг другу в течение дня, месяца, двух лет и затем дойти до смертельной ненависти. Зачем заставлять их растравлять эту ненависть, принуждая их жить вместе, когда так просто разойтись в разные стороны?

Помимо религиозных предрассудков такой жертвы требовал капитал, ибо в современном обществе браки являются скорее ассоциацией двух капиталов, чем союзом двух полов. Допустить расторжение ассоциации значило отказаться от предполагавшихся денежных операций, и положение осложнялось еще вопросом о детах, не в виду привязанности к ним одной из сторон, а вследствие того, что приходилось решить, кто будет кормить их.

Другой непростительной бессмыслицей была власть родителей наложить свое *вето* на любовь детей. По какому праву люди, которые не в состоянии уже ни думать, ни чувствовать, как молодые, могли вмешиваться в любовные чувства молодежи и ставить им преграды? Сколько молодых людей, встретив препятствие своей страсти, кончали самоубийством, когда было так логично идти наперекор своим опекунам.

Когда общество будет освобождено от экономических цепей, половые сношения сделаются более естественными и более свободными и вновь примут свой прежний характер: „свободного соглашения двух свободных личностей“. Мужчина не будет искать приданного или связей для своей карьеры, а женщина—человека, который стал бы ее содержать. Выбирая себе товарища, она больше будет обращать внимания на то, отвечает ли мужчина ее эстетическому и этическому идеалу, чем на то, способен ли он обеспечить ей жизнь в роскоши и праздности. Когда мужчина будет выбирать себе подругу, он будет скорее искать в ней моральные и физические качества, чем „надежды на будущее“; лишение нескольких тысяч франков приданного не заставит его закрывать глаза на небезупречное прошлое своей невесты.

Нам возражают, что если не сдерживать распущенность в половых сношениях, то может случиться, что брачные союзы будут не прочны. Мы только что видели, что в современном обществе карательные законы не в состоянии уничтожить распущенность. Мы даже уверены, что эти законы способствуют в большинстве случаев семейным раздорам, так как нельзя регламентировать того, что не выносит никакого принуждения. Не лучше ли оставить людей свободными, чтобы, когда они не будут вынуждены более жить вместе, они могли бы сохранить уважение по отношению друг к другу вместо того, чтобы, вследствие принудительного сожительства, стать ожесточенными врагами? Разве благороднее то, что происходит теперь, когда муж имеет любовниц, а жена любовников, и они обманывают друг друга на виду у всех, но все закрывают глаза, лишь бы избежать скандала.

Современный брак—это школа лжи и лицемерия, а адюльтер его неизбежный спутник, точно так, как публичный дом составляет необходимую принадлежность той ложной стыдливости, которая требует, чтобы люди краснели, говоря о половом акте. Скрывают потребность

в нем, но развратничают, когда никто не видит. Но из-за того, что женщина имела половые сношения с мужчиной, ходячая мораль требует, чтобы она продолжала иметь их только с ним. На каком основании? Если они обманулись друг в друге, то почему они не могут искать лучшего? Потому что это будет разврат, отвечают нам.— Несчастные, посмотрите же на свое общество.

Мы уже упоминали случаи, когда обольщенная девушка, не находя лучшего средства скрыть свой так называемый грех, прибегает к искусственному выкидышу или детоубийству. И на один случай, когда адюльтер не обходится без скандала, сколько приходится других случаев, оканчивающихся благополучно, на виду у всех! Когда женщина любит,—мы берем для примера женщину, потому что ей больше приходится бояться последствий,—ей впрочем закон, общественное мнение и все прочее. Следовательно, если нельзя подавить чувство, которое вековые гонения заставили только скрывать, но не искоренили, предоставим ему проявляться свободно. От этого мы выиграем постольку, поскольку наши отношения станут откровеннее и честнее, и это уже будет настоящий прогресс.

И не только в этом одном отношении, ибо мы полагаем, это в тот день, когда официальные принуждения и вмешательство будут уничтожены, также как экономические соображения, семья, став более нормальной, и несколько не разрушаясь, делается более устойчивой и дружной. Действительно целомудренная женщина не отдается первому встречному,—Дарвин доказывает, что то же замечается и у животных,—и, если не играет роли корыстолюбие, отдается только тому мужчине, к которому чувствует влечение. Но даже в тогда, сколько борьбы и сопротивления оказывает женщина прежде, чем отдаться! Разве можно требовать лучших гарантий?

Мы видели, что в современном обществе брачные союзы основаны скорее на экономических соображениях, чем на любви; поэтому после очень непродолжительного времени совместной жизни, муж и жена начинают питать предубеждение, один против другого и становятся друг другу невыносимыми; в особенности, если окажется, что они обманулись в своих „надеждах на будущее“. Даже в браках, в которых некоторую роль играла любовь, воспитание и предрассудки вызывают враждебные чувства. Мужчина и женщина, зная, что они неразрывно связаны на всю жизнь, постепенно перестают оказывать друг другу внимание и предупредительность, которые можно было бы назвать „приправой“ любви; мало-по-малу привычка, пресыщение раз'единяют их, оба забывают личные заботы один о другом, которые каждый из них так любили во время „ухаживания;“ каждый сожалеет об идеале, о котором он мечтал и которого не находит в своем друге.

Идеал этот каждый из них стремится найти в другой связи и, наконец, настает психологический момент, когда идеал кажется най-

ден; новая связь удовлетворяет, или в свою очередь приводит к разочарованию, но в результате все-таки отрывает от предмета первой привязанности.

В тот день, когда закон и приличия не будут более связывать мужчину и женщину, мужчина пожелает, чтобы предмет его любви принадлежал ему всегда, и поймет, что ради устранения соперников и сохранения привязанности к себе, ему необходимо окружать женщину теми же заботами и предупредительностью, которые проявлялись им до обладания ею, и все это отразится благотворительно на моральной и психической эволюции человеческого рода.

С другой стороны, не имея нужды продаваться ради питания, или возможности доставить себе желаемый комфорт, женщина в предмете своей любви будет искать качества, которые ей больше нравятся, а к таковым принадлежит постоянство. Обыкновенно женщина отличается большим постоянством и поэтому будет делать все зависящее от нее, чтобы свискать себе прочную привязанность любимого человека.

Кроме того, после некоторого промежутка времени, прожитого вместе, в мужчине и женщине зарождается чувство взаимного уважения, заменяющее собою странные порывы первых времен супружества и заставляющее их пренебрегать случайными увлечениями. Если эволюция человечества в этом направлении имеет целью моногамию, то к таковой может повести только свобода, и опыт уже показал, к чему ведет стеснение.

Возможно, что мужчина, пока он молод, горяч, полон сил и энергии, переменчив и склонен к непостоянству, но мы знаем, что он умеет сдерживать себя, когда искренно любит, чтобы не оскорбить предмет своей любви; предоставим же природе исправлять, в этом отношении, самое себя.

Некоторые соглашаются со всем выше сказанным, но утверждают, что в современном обществе брак является гарантией для женщины; это заблуждение, ибо законы пишутся мужчинами, и те не забыли сочинить их в свою пользу. Правда, женщина, если она богата, найдет защиту в законе и будет свободна; точно также мужчина, будучи богатым, свободен, и ему нет дела до законов; но что касается женщины из пролетариата, то законный брак только фиктивно гарантирует ее против мужа, который захотел бы ее бросить вместе с ее ребятами.

На ведение дел в суде нужны деньги; нужно не мало времени и хлопот, чтобы добиться судебного решения, а затем, что может она сделать против человека, у которого нет гроша за душою, и всегда имеется возможность свести на нет арест, наложенный на имущество, постоянно переменив место жительства и службы. Если же он человек состоятельный, то найдутся в законе лазейки; не говоря уж о средствах запугивания.

Если к тому еще ее муж окажется пьяницей и грубияном, и будет эксплуатировать ее и бить, то она не может развестись с ним, ибо по закону она его собственность, и ее хозяин получил над нею право „пользования и злоупотребления“. Ей придется вынести бесконечные издевательства и муки, прежде чем добьется освобождения от сковывающих ее с ним цепей; да и то закон заступает за нее только в случаях физических увечий, при наличии же одних нравственных истязаний она совершенно безоружна, и ей суждено умереть в этой каторге, если не удастся найти себе защиту, более действительную, чем та, которую предлагает ей закон.

Женщина-пролетарка, точно также как и рабочий, получит свободу только от социальной революции, и те, кто сулит ей эмансипацию в современном обществе, обманывает ее бессовестно. Она—рабыня пред лицом мужчины и закона, и должна иметь волю добиться признания ее гражданских прав, а для этого ей необходимо ассоциироваться и идти заодно с теми, кто стремится к освобождению всех без исключения людей, без различия пола и национальности.

ГЛАВА XXIII.

Дети в будущем обществе.

Одним из самых сложных и самых серьезных вопросов, подлежащих обсуждению, является, без сомнения, вопрос о ребенке. Когда подумаем об этом слабом существе, в мозгу которого первые полученные впечатления отлагают отпечаток, долженствующий обусловить все его дальнейшее развитие, в нас пробуждается чувство глубокой симпатии и доброжелательности, которые мы хотели бы распространить на маленьких обездоленных созданий, делающихся прежде всех жертвами плохой организации современного социального строя.

Именно потому, что ребенок слаб и может умереть, если ему не будет оказана помощь, в анархическом обществе, в котором никому не будет грозить нищета, все поспешат излить свои нежные чувства на детей; каждый пожелает быть полезным, содействовать их физическому и нравственному воспитанию и внести свою долю познаний в их интеллектуальное развитие.

Чтобы понять такую заботливость о ребенке, очевидно, нужно отрешиться мысленно от современного общества, в котором семья является, во-первых, тягостью, и во-вторых, средством эксплуатации; нужно составить себе ясное понятие о новых социальных отношениях, описанных нами выше, и отдать себе отчет о новом порядке, имеющем установиться в взаимных отношениях мужчины и женщины, при котором ребенок внесет новый элемент, связывающий крепче других нормально развитых индивидуумов разного пола. Чтобы здраво судить о том, что имеет быть, необходимо прежде всего отрешиться от предрассудков, существующих в современном обществе.

Так как анархисты отрицают всякую власть, и их организация должна вытекать из ежедневных отношений, прямых, непосредственных, моментально зарождающихся от действий заинтересованных индивидуумов в группе, или между двумя группами, но тотчас-же прерывающихся,—то ясно, что общество ради сохранения такой организации не будет нуждаться ни в каком комитете, ни системе представительства, долженствующего посредничать, в виде учреждения, в взаимных отношениях индивидуумов.

Вопрос о ребенке значительно упрощается и ставится уже не в форме, принятой социалистами: „кому должен принадлежать ребенок“, ибо ребенок не „собственность“, не предмет, могущий принадлежать родителям больше—как этого требуют одни—чем обществу—как хотят другие; вопрос этот принимает следующую форму: „кто будет заботиться о ребенке?“

Так как анархизм, как мы уже видели, допускает ассоциацию индивидуумов на началах соединения сил, ради достижения наибольшей суммы удовлетворений, но не общество, в общепринятом смысле, состоящее из ряда учреждений, функционирующих от имени всех его членов, то очевидно невозможно будет вверить ребенка какой-то величине, реально не существующей, и предположение, что ребенок будет принадлежать обществу, само собою устраняется.

С другой стороны может случиться, что найдутся люди, которые не захотят взять на себя заботы о своих детях; в современном обществе это бывает, как следствие экономических условий, но станет непонятным, когда людям нечего будет считаться с этими условиями; тем более, что любовь к потомству есть чувство, присущее всем животным, включая тех, у которых слабо развит пол, как напр., рыбы; тем не менее такие случаи могут повторяться, и это надо иметь в виду.

Кроме того, проявления любви к потомству бывают различны, и у иных родителей могут вредить ребенку; спрашивается, почему ребенок должен быть собственностью родителей и подчиняться их авторитету, если таковой существенно вредит его развитию?

Рождаясь, ребенок приносит с собою свое право на существование, и это природное право насколько не опорачивается его младенческой слабостью; период бессилия присущ всем людям, и все его переживают, и не может служить достаточным поводом, чтобы ребенок принадлежал тем, кто его произвел на свет, ибо его нужды должны быть поставлены выше личных вкусов его родителей.

Ради будущего, когда он окрепнет, между тем как они истратят силы, родители должны облегчать ребенку его развитие и заслужить его любовь, если хотят впоследствии, когда они одраждеют, найти в нем поддержку за то, что помогали когда-то ему, точно также как помогали им в их младенчестве; в этом мы видим уже ответ на вопрос поставленный нам выше, а именно: „Забота о ребенке будет принадлежать тем, кто больше всего будет его любить“.

Так как семья, в юридическом значении этого слова, будет уразднена, а отношения между мужчиной и женщиной будут устанавливаться путем свободной акции сходных темпераментов, то вероятно характеры индивидуумов переменятся; в взаимных отношениях будет больше искренности, и обязанности отца и матери изменятся под влиянием изменившегося взгляда на них. Причины боязни перед приращением семейства совершенно будут устранены.

Когда человек в обществе будет находить удовлетворение всех своих потребностей, тогда прокормление и воспитание детей не только переставут быть для него тягостью, но, так как воспитание не будет сопряжено с расходами и лишениями, родители не будут смотреть на детей, как на резервный капитал, имеющий приносить проценты пропорционально тому, сколько в него было вложено.

В наши дни закон обеспечивает родителям право над детьми, как над собственностью, которой они могут располагать сообразно своим выгодам, и руководить их развитием по своему усмотрению. Дитя вырастает туземцем или работником, образованным или невежей, смотря по тому, какую выгоду родители желали получить от него.

Нечто совершенно иное будет в том обществе, о котором мы говорим. Закон и экономические соображения не будут более служить связующим элементом семьи; место их займут любовь и уважение, и ребенок, перестав быть лишней обузой для родителей, явится объектом их привязанности и ласки, маленьким существом, требующим от них умственного развития и образования. Нет сомнения, что люди, не будучи более удручены заботами о существовании, отлично сумеют выполнять свои обязанности по отношению к потомству.

Так как семья не будет регламентироваться законами, то и здесь, как в остальных социальных отношениях, различные характеров и темпераментов и свободное развитие самых разнообразных дарований сгладят все затруднения, вытекающие из нового положения вещей, и каждый в новом социальном строе займет свое настоящее место, не нарушая общей гармонии.

В настоящее время встречаются люди, не любящие детей и не переносящие их присутствия. Современные законы, принуждая таких родителей держать при себе детей, и ставя затруднения передаче их в чужие руки, являются причиной столь часто повторяющихся фактов истязаний, которые иногда доходят до суда, но чаще всего остаются необнаруженными; и принцип полновластия родителей над детьми настолько глубоко укоренен в законах, что наши добродетельные защитники собственности, под давлением общественного мнения, карают, конечно, истязателей, но с величайшей снисходительностью, каковая, вероятно, им внушается самим духом наших законов.

Зато, если есть люди, вымещающие на беззащитных существах свои обиды от плохой организации общества, то есть и такие, для которых уход за детьми и их ласки составляют счастье; которые величайшую радость для себя видят в том, чтобы жить одной жизнью с ребенком, участвовать в его играх и забавах, наблюдать расцвет его индивидуальности.

Такие люди с особенной восторженностью руководят первыми шагами ребенка и научают его произносить первые слова; многие из них, в особенности женщины, становятся педагогами, несмотря на все

отрицательные стороны этой профессии в современном обществе, единственно из чувства симпатии к детскому возрасту.

Они-то понимают ребенка и умеют заставить его слушаться. Любовь к детям делает их настоящими наставниками, между тем, как те, кто в педагогической деятельности видит ремесло или карьеру, являются только тюремщиками и мучителями, вселяющими при помощи дисциплины и отметок в головы воспитанников отрывки знаний и вместе с ними ненависть к учению.

При современных экономических условиях многие лишены возможности осуществлять свои симпатии к детям; но в будущем обществе эти люди будут иметь возможность группироваться и сговориться в видах воспитания детей тех, кто или не имеет к тому склонности, или за недостатком всесторонних познаний будет вынужден обращаться к чужой помощи, чтобы дать ребенку те сведения, которыми не обладает сам.

Только вместо людей, работающих по обязанности, из-за куска хлеба, без призвания и любви к делу, будем иметь воспитателей, которые будут серьезно относиться к делу и вести его добросовестно, стараться заставить уразуметь то, чему они учат, и станут таким образом, как бы духовными родителями своих воспитанников. Нас называют разрушителями семьи; правда, мы ломаем ограды, ее стесняющие, но ради того, чтобы расширить ее и распространить на всех об'ектов нашей любви, на всех людей, нас окружающих, на всех тех, к кому влекут нас наши симпатии.

Если рассматривать вопрос с этой точки зрения, он выясняется сам собою, и нет нужды прибегать к какому-то „общественному посредничеству“. Все разделят между собою работу добровольно, и каждый найдет в ней личное удовлетворение, ибо выберет то, что отвечает его способностям, и к чему чувствует влечение.

Сторонники власти возражают нам следующее: „Если общество не будет контролировать воспитателей, и им будет предоставлена свобода воспитывать детей по своему усмотрению, то может легко случиться, что порочные люди направят в дурную сторону умственные способности своих воспитанников, приучат их к тунеядству и сделают опасными для общества“.

„Может случиться также, что иная мать, движимая материнским чувством, захочет, напр., во что бы то ни стало сама воспитывать своего ребенка, между тем как будет доказано, что ее болезненное состояние не позволяет этого“.

И много других фактов приводится ими, которых нельзя предвидеть, и которые якобы могут вызвать недоразумения в новом обществе вследствие неограниченной свободы личности.

Разберем по очереди все их возражения и докажем, что свобода и естественные наклонности больше значат в жизни общества, чем

власть, которая всегда еще более запутывает всякие ненормальные общественные явления.

Если на основании естественных законов кто-либо может предъявлять права на ребенка, то несомненно прежде всего его мать. Право это принадлежит ей больше, чем обществу и отцу, который, по существу, может считать себя отцом ребенка только вследствие доверия к ней. Мать выносила его в себе в течении стольких месяцев, терпя всю тягость беременности, и более чем кто-либо иной способна ухаживать за хрупким существом, которое, питаясь молоком из ее груди, составляет в первое время своей жизни как бы часть ее тела; поэтому право удерживать ребенка при себе бесспорно принадлежит матери.

Впрочем, в анархическом обществе не будет ни жандармов, ни принуждения, и тем женщинам, которые любят своих детей, будет предоставлена полная свобода. Остается решить, что будет с теми, которые не любят своих детей.

В современном обществе при тяжелых условиях существования, мать не задумывается доверять ребенка кормилице, если сама не может, или не хочет воспитывать его: женщина-работница делает это, чтобы иметь возможность продолжать работать; женщина из буржуазии—чтобы избавиться от скучной обязанности ухаживать за ребенком, или чтобы не испортить бюст и быть в состоянии продолжать декольтироваться на балах и раутах.

Тем более в будущем обществе всякая мать согласится доверить ребенка добровольной кормилице, раз только будет доказано, что это необходимо для его здоровья.

В особенности, если иметь ввиду, что кормление грудью не есть условие *sine qua non* здоровья ребенка, и что мать всегда будет иметь возможность переменить место жительства и поселиться в местности, где имеются соответствующие климатические условия, чтобы самой продолжать ходить за своим ребенком.

Кормление грудью—физиологическая функция матери, и если оно может совершаться без вреда для нее и для ребенка, то тем лучше. Исходя из этого положения некоторые врачи пытаются доказать, что кормление молоком матери необходимо для нормального развития ребенка; между тем ежедневно приходится видеть детей, которые развиваются и вырастают здоровыми и сильными, будучи выкормлены даже без кормилиц, а искусственными средствами, и при том в самых ненормальных условиях, когда неимущие родители, за недостатком денежных средств и умственного развития не могут применить многих усовершенствований в данной области.

Следовательно, кормление молоком матери не является необходимостью, и все аргументы против этого должны быть отнесены к категории тех аргументов, которые якобы научны, а в сущности придумываются для защиты классовых интересов. Буржуазная семья распадается, и буржуазия хотела бы, чтобы кроме семейных чувств

существовала еще мораль, обязующая матерей сохранять детей при себе.

Совершенно иначе будет обставлено это дело в будущем обществе: продукты не будут фальсифицироваться корыстными торгашами, и не только корм для коров будет приспособлен к их назначению: доставлять молоко для кормления детей, но и сами коровы будут поставлены в наилучшие условия, вследствие чего будут сильны и здоровы, а не худосочны, как большинство их в наших современных городах.

Детей, которым необходима будет перемена климата, не нужно будет разлучать с матерями; в настоящее время перемена места жительства затруднена, главным образом, дороговизной передвижения, а также неуверенностью, что на новом месте найдутся средства к существованию; в будущем обществе средства передвижения будут удешевлены до крайнего предела, и жители новых мест примут новоприбывших не как конкурентов, явившихся, чтобы отбить у них работу, а как товарищей на помощь и трудоспособность которых они могут рассчитывать.

Среди тех, кто посвятит себя воспитанию детей, не будет больше наемников, ненавидящих свое занятие; воспитатели и воспитательницы будут с любовью следовать своему призванию, и оно будет служить лучшей гарантией пользы, приносимой ими детям, так как все старания этих лиц будут направлены к тому, чтобы дети увлеклись учением, и таким образом их умственное развитие будет обеспечено.

Что касается возражения, будто умственно ограниченные родители могут дать плохое воспитание ребенку, извратив его первые впечатления и прививая ему предрассудки, которыми одержимы сами, то такое возражение не представляется серьезным.

Кто в настоящее время не одержим предрассудками? У каждого человека найдется какое-либо ложное понятие, привитое ему дурным воспитанием, и тем не менее всякий считает себя просвещеннее своих соседей. Нет положительного метода определения правды и безошибочности какой-либо спекулятивной концепции; каждый судит по своему способу воззрение и считает свое суждение правильным, и сама наука признает, что за исключением некоторых, увы, весьма немногих истин, ясно определенных, и признанных неизменными, все вокруг нас подвержено изменениям, трансформации: то, что сегодня признается истинной, является таковой только вследствие неполноты наших познаний, и завтра же какое-нибудь новое открытие может доказать ее неверность.

Сосредоточить все человеческие знания в одной системе обучения, к которой должны были бы приспособляться все, значило бы хотеть кристаллизировать их, и мы знаем, какой вред принесло официальное обучение; оно затормозило развитие многих поколений, прошлых и современных, и только критицизм, который не мог быть совершен-

но подавлен, несколько парализовал этот вред. Не будем же под предлогом прогресса увеличивать зло, создавая институт, благодаря которому все человечество должно пройти через одно и то же духовное горнило.

При современном строе родителям мешает дать детям всестороннее образование и заставляет посылать их предпочтительнее в мастерскую, чем в школу, в большинстве случаев все тот же денежный вопрос; но несмотря на существующие затруднения этого рода, несмотря на невежество, держащее неимущих на самой низкой ступени культуры, число неграмотных уменьшается с каждым днем, и поэтому нельзя даже допустить мысли, чтобы в будущем обществе родители, не удерживаемые более роковым вопросом: где добыть хлеба?—все-таки хотели оставить своих детей невеждами; ведь даже современные обскурантисты жалуется на то, что „нижние классы“, ненавидят свое положение и стремятся к чему-то высшему; это приписывается ими обязательному обучению, и они сожалеют о тех временах, когда люди верили в дьявола и колдунов, не умели писать, и терпеливо несли страдания в земной жизни, в надежде на награду в загробной.

Когда люди будут поставлены в условия, обеспечивающие полное физическое и моральное их развитие, они не захотят быть обскурантами и оставлять свое потомство в невежестве, в особенности, если приобретение познаний явится залогом превосходства человека над другими на пути к достижению счастья в жизни.

Централизовать обучение—это значит остановить развитие, и примененные к нему принудительного режима равносильно совершенному его уничтожению. Для свободного развития человечества необходимо, чтобы воспитание ребенка было предоставлено индивидуальной инициативе.

Каждый из нас рождается с разнообразными способностями, которые развиваются постольку, поскольку нам дана возможность упражнять их, а это возможно только при системе полной свободы. В воспитании мы не признаем режима, который предписывал бы „надлежащий“ путь, и в этом отношении людям должен быть предоставлен свободный выбор. Как бы широко ни была задумана в теории система обучения, основанная на власти, на практике она приводит к угнетению детей и извращению их дарований.

Тем, кто в будущем обществе посвятит себя воспитанию детей, не придется приступать к делу с заранее намеченной программой; они должны будут прежде всего научать характеры своих воспитанников и отличать их дарования, чтобы способствовать развитию таковых в видах проложения им дороги в жизни.

Роль их будет состоять в том, чтобы вызывать вопросы учеников, объяснять то, что им кажется неясным, и отнюдь не нагружать их головы фактами, которые затем они пересказывают без всякого понимания.

Если мышление современного человека извращено, если его ум переполнен предрассудками и нелепыми суждениями, от которых он не может отрешиться, то в этом виновата централистическая система обучения, придуманная Государством и Церковью, которую не могло побороть воспитание, получаемое дома, в семье, ибо сами родители не свободны от тех же предрассудков и нелепых суждений.

Еслибы, по испровержении Государства и Церкви, кто-либо из родителей вздумал воспитывать своих детей в прежнем духе, то это было бы невозможно в силу хода вещей.

Жажда знания врождена в человеке; в будущем обществе появятся группы людей, задающихся целью облегчить желающим изучение специальных отраслей науки, и так как всякий человек, убежденный в правильности своей идеи, является прозелитом ее, то такие группы не будут ограничиваться изучением данного предмета, а будут стараться пропагандировать конечные выводы изучения. Таким образом создастся бесконечное множество таких групп для каждой отрасли знания, и заранее можно предвидеть, какое грандиозное возникнет умственное движение, и какой широкий обмен мыслей получится в результате его

Кроме того, взаимные отношения между людьми будут гораздо шире и интимнее, чем в современном обществе; все, что изо дня в день будет происходить перед глазами ребенка, и о чем он ежедневно будет слышать, не позволит ему подпасть под абсолютное влияние родителей и наставников, и он пойдет только за тем, в ком увидит действительную симпатию и доброжелательность к себе, а тот, кто действительно любит ребенка, жертвует собою ради доставления ему всех средств, необходимых для его развития.

Все, что нужно для приобретения познаний, ребенок найдет, в случае отказа родителей, в окружающей его среде, и больше того, если бы родители захотели навязать ему свою власть, и он от этого чувствовал себя несчастным, ему легко будет оставить родителей и отдать себя под покровительство лиц, более ему симпатичных.

Родители лишены будут возможности прибегнуть к содействию полиции, чтобы вернуть его, ибо он их собственность в силу современных законов, но в будущем обществе он будет свободен.

Нам, может быть, возражат, что все-таки встретятся случаи, когда родители, вследствие отсутствия каких-либо узаконений, извратят ум или даже развратят своих детей.

Мы ответим, что упразднение власти не уничтожит солидарности, но напротив розовьет ее. В современном обществе, несмотря на наличность власти, факты несправедливости многочисленны, и очень часто невозможно постороннее вмешательство из-за различных осложнений, с которыми связана судебная процедура, хотя всякий такой факт вызывает всеобщее негодование. В будущем обществе, обидчики

не будут находить защиты в рутинном законе, и легко будет дать им понять, что право сильнейшего—это палка о двух концах,

Людям будет предоставлена свобода развивать солидарность во всех направлениях, и они сумеют при помощи пропагандирования нашей системы обучения побороть веделые тенденции умственно ограниченных родителей. И неужели из-за того, что ничтожному числу глупых людей хочется идти против здравого смысла, должен быть навязан всему человечеству какой-то институт, который уже потому будет анти-освободительный и анти-прогрессивный, что будет возведен в закон.

Современные последователи Мальтуса доказывают, что количество с'естных продуктов не прямо пропорционально количеству народонаселения, и что если половые отношения не будут регламентированы никаким общественным договором; если родители не будут обязаны воспитывать свое потомство, то дети размножатся, как кролики, и люди, будучи слишком многочисленны, вынуждены будут необходимостью возобновить между собою войны. По словам этих пророков возвратятся на землю времена дикого состояния и людоедства.

Мы уже видели, что в настоящее время имеется столько же земли необработанной, сколько возделанной, и каждый день изобретаются новые способы получить самый больший урожай на минимальном пространстве земли; в Китае, например, при самых примитивных средствах обработки земли прокармливается народонаселение, большее чем во всей Европе, и недостаток орудий земледения пополяется неусыпным трудом над землею и непрерывным ее удобрением. При помощи усовершенствованных орудий, а также знания свойств почвы, химии растений и искусственных удобрений может быть достигнуто очень многое. Следовательно, для человечества открыто огромное пространство, и ему нечего опасаться переполнения мира детьми. Кроме того, муки деторождения и неудобства, связанные с беременностью, всегда будут служить сдерживающими стимулами, не говоря о том, что остается открытым вопрос: не уменьшается ли плодovitость какой-либо расы, или рода, по мере большого развития их интеллекта? Предоставим новым поколениям устраивать затруднения, которые они встретят, в будущее наверно укажет им, как это сделать. Мы с нашим узким умственным кругозором не можем быть пророками.

ГЛАВА XXIV.

Искусство и художники.

„Коммунистическое общество—это смерть искусства—восклицают некоторые художники, видящие в литературе, живописи, ваянии, музыке, театре и проч. только средство нажить деньги. Определяя „ценность“ художественного произведения размером той денежной суммы, какую можно за него получить, они воображают, что необходимо существование „аристократии“, умеющей их ценить, и боятся мысли, что она может исчезнуть, и их „искусство“ перестанет приносить им награды, комфорт, ордена и академические титулы.

Другие из них считают себя независимыми, потому что они-де „ненавидят все мещанское“; в сущности они, сами того не подозревая, такие же реакционеры, как и предыдущие, ибо они сторонники теории: „искусство для искусства“, и проповедуют, что книги, картины, статуи прежде всего должны не быть тенденциозными. Художник не должен иметь иного убеждения, кроме „искусства“. Красота художественного произведения обуславливается рисунком, колоритом, построением фразы, созвучием слов. Этого для художника достаточно, и он в особенности должен избегать вложить в произведение свои мысли о современности и будущем обществе, ибо художник должен доверять самому себе.

Тот, кто осмеливается утверждать, что кроме удовольствия для глаз и слуха, художественное произведение должно давать пищу для ума того, кто читает, смотрит или слушает, оскорбляет искусство, и говорить, что художественное произведение может служить идеалу, как средство пропаганды, значит озорочить его.

Такие „непримиримые“ доказывают, что искусство слишком возвышенно, чтобы быть понятным толпою, и что хотеть его сделать ей понятным равносильно обезчещению его.

Мы не говорим, что искусство должно быть приспособлено к уровню вкусов толпы, ибо это означало бы калечить мысль и форму, что представляет позорное деяние, которого тщательно должен избегать уважающий себя художник. Унижаться до лести низменным вкусам толпы также позорно, как проституировать мысль ради привлечения покупателей. Но можно стараться сделать мысль повятой, уstra-

нить нарочно придумываемые неясности и употреблять удобопонятный способ изложения для того, чтобы реагировать на самых непонятных суб'ектов и вызвать в их мозгах ряд впечатлений, дозволяющий им понять хоть одну какую-либо часть художественного произведения. Полагаем, что таково назначение искусства, и что гораздо легче витать мыслью в небесах, оставаясь непонятым для других, чем быть точным и ясным и сохранять при этом вполне безупречную форму.

Мне могут возразить, что до настоящего времени художественные произведения, имевшие служить пропаганде, всегда грешили со стороны формы. Возражение это делалось часто, и, может быть, оно основательно. Тем не менее, наверно, есть тенденциозные произведения, художественные по форме; еслибы собрать статистические данные, то вероятно большинство таких произведений, в особенности по литературе, окажется малоценным и в этом отношении, но это доказывает только одно, а именно, что авторы были люди убежденные, но не обладали талантом, необходимым, чтобы создать художественное произведение.

Если же и обладали им, то как часто бывает с людьми убежденными, они увлекались сущностью идеи в ущерб ее выражению; желая во что бы то ни стало изобразить красоту идеи, отбросили все противоречия, выбрали только то, что говорит в пользу ее, и таким образом не были правдивы; а между тем, как бы там ни было, правдивость является главным условием всякого произведения искусства.

Я никогда не видел картины Пиккио „Торжество порядка“, и еслибы даже увидел ее, то не будучи знатоком, не сумел бы ее оценить по достоинству, но всякий согласится со мною, что обладая талантом, можно на эту тему создать *chef d'oeuvre*, и что основная идея ее будет содействовать этому.

„Жерминаль“ всегда останется одним из лучших произведений Золя. Нам скажут, что Золя не думал этой книгой пропагандировать социализм; согласен; но он описал в ней борьбу капитала и труда, и трудно лучше изобразить антагонизм между ними, чем он это сделал взаимным противопоставлением семейств Грегуар и Маге; точно также никто не станет утверждать, что если бы Золя был убежденным социалистом, то произведение его от этого вышло бы хуже.

Когда Деклав писал свое: „*Sous offs*“, Генри Фавр: „*Au Port d'Armes*“, Дарен: „*Bas les coeurs*“ и *Biribi*“, Гауптман: „Ткачей“, Ажалбер: „*La fille Elisa*“, заимствованное из романа Гонкуров, они не хотели пропагандировать, но наверно хотели выразить свое отвращение к некоторым из современных общественных институтов, и вот почему в их книгах всегда будет слышаться крик возмущения.

Вышесказанное не понравится господам сторонникам искусства для искусства. По их мнению художественное произведение, раз его понимает толпа, перестает быть таковым, ибо чтобы быть художествен-

ным, оно должно быть недоступно пониманию массы, и говорить своим собственным языком, ключом к которому владеют только немногие „посвященные“. Для них искусство это божество, всегда скрытое в туманном облаке, для служения которому приставлена небольшая группа жрецов, червь же пусть трудится и терпит лишения, чтобы жрецы-художники могли священнодействовать.

Конечно, не все проповедники искусства для искусства заходят так далеко в своем презрении к толпе, но к такому выводу приводит их теория, и многие считают себя гораздо выше грубой черни: не все они, конечно, стремятся стать в ряды привилегированных, и некоторые из них протестуют против существующего строя с его беззакониями, но только тогда, когда им самим приходится испытывать их на себе.

Для нас так называемые произведения искусства суть только проявления человеческой деятельности, и вопрос о них в будущем обществе не является отдельным, самостоятельным, а решается, как и вопрос о всякой человеческой деятельности вообще, тем, что творчеству человека будет предоставлена самая полная свобода.

При помощи взаимного соглашения и солидарности художники найдут возможность распространять свои произведения, которые будут действительно художественными, потому что процесс творчества не будет стеснен заботами о материальных средствах, при каких работают художники в современном обществе.

Чтобы ни говорили дилетанты, писатель, художник, скульптор работают не ради себя самих и не для того, чтобы самим только наслаждаться своими произведениями и прятать их от профанов. Художественные наслаждения, по существу своему, принадлежат к категории альтруистических, которые только тогда вполне удовлетворяются, когда в них принимают участие другие; конечно, если художник убежден в красоте своего произведения, то ему нет дела до мнения профанов; тем не менее чужие похвалы доставляют ему удовольствие. Писатель, издавая книгу, или ищет одобрения для проводимой им идеи, или пропагандирует ее; то же можно сказать о художнике или скульпторе, когда они выставляют картину или статую, о композиторе, выступающем перед публикой с музыкальным произведением, о драматурге, ставящем пьесу.

В современном обществе три четверти из числа тех, кто хотел бы служить искусству, не может этого сделать вследствие тяжелых условий существования. Человек, вынужденный 10 или 12 часов в сутки тратить на добывание средств к пропитанию, не имеет возможности отдаваться своим эстетическим стремлениям, и только очень небольшое число материально обеспеченных может культивировать их. Остальным, если те крохи дарования, какие, были у них, не атрофировались совершенно в борьбе за существование, предоставляется любоваться произведениями привилегированных счастливых.

В будущем обществе количество времени, необходимое для удовлетворения насущных потребностей человека, сократится до минимума и будет служить как бы гимнастикой, благодаря которой будут развиваться его физические силы.

Поэтому каждый человек сможет упражнять свои дарования и таланты в том направлении, какое найдет нужным, чтобы достигнуть идеал, к которому стремится. Истинные дарования будут оценены по достоинству, а самомнение людей, воображающих только, что у них есть талант, найдет себе удовлетворение без ущерба для других; если работы их окажутся неудачными, то виновниками будут только они сами. Между тем в современном обществе такие люди, если они богаты, часто приобретают авторитет, вредный для других.

Если, наприм., композитор захочет познакомить публику со своими произведениями, он должен будет среди окружающих найти исполнителей, готовых ему помочь, и если окажется нужным, он сделается их учителем, и таким образом его желание распространить свои произведения заставит его быть полезным другим, чтобы заручиться их сотрудничеством. Если он захочет издать свои произведения печатно, то окажется одно из двух: или потребность в этом будет чувствоваться им одним, или его будут побуждать к этому поклонники его таланта, в каком случае действие последних будет обеспечено, и к изданию не встретится никаких затруднений.

В первом случае затруднений будет много, но не непреодолимых. Худшее, что может случиться, это то, что он будет вынужден, если не найдет никого, кто бы интересовался его произведениями, сделаться самому гравером и типографщиком.

Тогда он будет вынужден завести сношения с группой лиц, производящих нужные ему предметы; должен будет или стараться заинтересовать их в издании, или же быть им полезным, чтобы получить от них помощь. Во всяком случае перед ним откроется обширное поле деятельности: индивидуальной личности будет дан простор, а не поставлена преграда, какую она встретила бы в современном обществе.

Человек не может быть всесторонним и судит о чем-либо здраво только тогда, когда обладает познаниями в разных областях, ибо человеческие знания, как и мировые события, связаны друг с другом и вытекают одно из другого.

Являясь по очереди то причинами, то следствиями, события становятся понятными только для того, кто умеет их сгруппировать и не рассматривает каждое в отдельности.

Произведение искусства приближается к совершенству, когда меньше всего дает материала для критики и переходит в шедевр, когда оно безупречно. Так как всякое произведение искусства затрагивает в большей или меньшей степени какую-либо область мировых явлений, то художник вынужден, чтобы быть правдивым, добросове-

стно изучить всю совокупность этих явлений для того, чтобы в его произведение не вкралась какая-либо аномалия, могущая испортить целое.

Какова бы ни была сила воображения, каковы бы ни были терпение и добросовестность художника, он изобразит хорошо только то, что хорошо знает, и как бы он ни был вдохновлен своим трудом, если его познания ограничены, как это бывает вследствие современной системы образования, произведение его от этого пострадает; конечно, в мелочах, но они заметны тем, у кого есть специальные познания в данной области, и когда общий уровень интеллектуального развития массы поднимется, то такие недостатки сделаются заметнее, если художник не будет стараться расширить круг своих познаний.

Уже в настоящее время, в современном обществе наблюдается это движение в смысле ассоциации родственных друг другу дарований; мы говорили уже о разного рода музыкальных обществах; пока они не поднимаются выше среднего уровня; но то, что возможно в области высшего искусства, возможно и для высшего. Распространяются также ассоциации для театральных представлений с каким-либо определенным направлением; из них заслуживают быть упомянутыми: „Le Théâtre Libre“ и „l'Œuvre“.

При современном строе такие ассоциации стеснены денежным вопросом и не могут еще освободиться от наличности иерархического духа. Вынужденные столько же иметь представителей капитала, сколько людей доброй воли, инициаторы их часто группируются, руководствуясь обстоятельствами, а не сообразно однородным дарованиям сочленов, но не смотря на все отрицательные условия, инициатива дает хорошие результаты.

В будущем обществе денежный вопрос будет устранен, и останется только искать людей доброй воли, и так как все будут свободны, то и подбор сделается легче. Театральные пьесы всегда будут писаться, и всегда найдутся желающие их исполнять; они будут сближаться между собою и ассоциировать свои дарования в этой сфере. К ним присоединятся и те, кто может оказать содействие: один выплыванием декораций, другой в качестве режиссера, третий заготовкой костюмов и т. д.

Если бы каждый из зрителей по мере сил и возможности помогал исполнению пьесы, которую смотрит, то получаемое им удовольствие от этого стало бы больше. Конечно, найдутся докучливые субъекты, но от них избавиться легче, чем найти денежную поддержку, какая необходима в настоящее время.

То что говорится здесь о театральных представлениях, приложимо к всякому другому интеллигентному развлечению, и таким образом в будущем обществе такие развлечения не только не будут запрещаться, но, напротив, сделаются доступными для всех.

В настоящее время художник, если он не богат, то, за очень редкими исключениями, вряд ли выдвинется из толпы; творчеству он отдается только в ущерб душевному спокойствию и телесному здоровью, и когда, наконец, его произведение увидит свет, то сколько уступок и сделок с своею совестью потребуются от него для того, чтобы он получил известность!

Мне возражат, что „трудности закалывают человека“, и что „истинный талант всегда выбьется наружу“. Заметим себе, что афоризм этот приходится всегда слышать от тех, кто обладает всем, что им нужно, и никогда не проявляет никаких талантов. Зато, если одному талантливому человеку удастся побороть все трудности, то сколько их гибнет в нищете, не говоря уже о том, что весьма часто и этот один не избежал бы общей участи, если бы ему не помогли как-нибудь случайные посторонние обстоятельства, не зависящие от его таланта и воли. Правда, в бедности человек закаливается, но если она крайняя, то убивает, и сколько погибло от нее богато одаренных людей, которые при благоприятных условиях могли бы развиться и стать первостепенными художниками! Никто не вернет художнику лучших годов его жизни, отнятых у него эксплуататорами!

Для художника сделаться известным недостаточно, нужно еще, чтобы талант его ценился, и чтобы он мог им существовать. Картина задумана: идея ее как будто трепещет в голове художника, и руки простираются, чтобы обнять воплощение ее... но в доме пусто, дает себя знать голод, и дети просят хлеба; приходится работать на жизнь, а не отдаваться искусству; исполнение откладывается на лучшие времена; нужно брать работу, какую предлагает предприниматель; искусство превращается в средство к существованию, а там настает и день, когда окажется, что идея исчезла безвозвратно, и художник превратился в простого ремесленника.

Творчество в наши дни достояние очень незначительного числа счастливых, обязанных своим положением обстоятельствам, не имеющих ничего общего с талантом. Только люди богатые могут отдаваться тому, что они называют „художественным чутьем“. Отдельные между нами действительно обладают вкусом, но взятые в массе, они— филистеры, невежественные и тупоумные, опасные своим богатством, в том отношении, что развращают эстетическое чувство общества, ибо с их вкусами надо считаться, так как они одни имеют возможность покупать художественные произведения. В настоящее время художник руководствуется не самостоятельными концепциями своей творческой силы, а требованиями тех, кто покупает его произведения, и вот почему современное искусство представляет собою ремесло, моду, эквилибристическое упражнение.

Свободное искусство, как мы его понимаем, сделает художника единственным его хозяином. Он будет иметь возможность весь отдаваться своему воображению, всем капризам своей фантазии и созда-

вать свое произведение таким, каким он задумал, вкладывать в него все свое вдохновение и весь энтузиазм. Тогда произведение будет воплощением идеи самого художника, а не чужой, навязанной ему внешними ничего общего с ним не имеющими обстоятельствами.

Конечно, рядом с действительно художественными произведениями образуется огромный завал безталантных ничего не стоящих, но нам до этого нет никакого дела. Ведь в наши дни любой богач от нечего делать заполняет свои гостиные плохими картинами и уродливыми статуями, пренебрегая настоящими художественными произведениями. Люди, не обладающие талантом, будут разве только что терять свое время, и если найдут почитателей, то тем лучше для них, но вредить никому не будут.

Но как бы там ни было, по мере того, как с усовершенствованием орудий производства, с распространением научных познаний жить человеку будет становиться легче, интеллектуальная и эстетическая сторона индивидуальной личности получают перевес над ее другими сторонами, и, как выразился—на этот раз правильно—один из декадентов: *Искусство, высшее проявление индивидуализма*, будет способствовать полному удовлетворению человека и его развитию.

ГЛАВА XXV.

Традиция и обычай.

Итак, рассмотрев некоторые виды проявления человеческой деятельности, мы пришли к выводу, что со всех точек зрения самая полная свобода есть вернейший залог совершенного мира и полной гармонии.

Те, кто всегда был под опекой и потому не может отвлечься от современных условий и воображает, что человечество не может жить без укаски, наверно, скажут: „общество погибнет, если не будет законов!“ Как будто закон был необходим для существования общества, как будто не существуют еще агломерации людей, обходясь без законов постольку, поскольку это допускает их степень развития.

Законы сами по себе бессильны принудить людей исполнять предписания и заставить уважать налагаемые ими запрещения.

Для того, чтобы быть действительными, законы должны поддерживаться принудительной силой. И сама эта сила—как мы видели—плохая поддержка, если нравы находятся в противоречии с тем, что предписывает закон.

Когда начинают критиковать законы, это значит, что они уже теряют свою силу. Законы только тогда имеют настоящую силу, когда они находятся в полном согласии с общественным мнением, что встречается очень редко.

Но сам по себе закон никогда ничего не устранял. В средние века воровство каралось виселицей или колесованием; судебное следствие велось при помощи самых ужасных пыток; богохульникам жгли язык и губы, и колдунов сжигали на кострах. Но все это не мешало людям богохульствовать; неверие распространялось, общество того времени кишело колдунами и ворами.

Ныне перестали преследовать богохульников и сжигать колдунов. Довольствуются тем, что наказывают их за мошенничество или за незаконную медицинскую практику, согласно статьям закона, ими нарушаемым. Число их уменьшилось с того дня, когда их оставили в покое, и теперь они не проявляют намерений ни ездить верхом на метлах, ни иметь сношений с сатаной, хотя за это более их никто не вздумал бы преследовать.

Что касается воров, то хотя наказания и стали менее суровы, их продолжают преследовать, если они не защищены своим общественным положением или должностью, но мы не думаем, что их число уменьшилось; здесь вопреки законам и общественному мнению действует еще один фактор: социальная организация и институт частной собственности, на котором она основана, вызывают воровство. Воровство есть продукт капиталистического режима, и исчезнет только вместе с тем, что его порождает.

Наоборот, если бы ктонибудь имел терпение перерыть собрание законов и указов, он нашел бы, что многие из них вышли из употребления, так как нравы изменились, вследствие чего они сделались излишними.

Что представляли из себя первые писанные законы, как не признанные и приведенные в порядок нравы и обычаи. Еще до революции во Франции было право феодальное и право обычное. Последнее вытекало из обычаев, и каждая провинция в очень многих случаях управлялась по своим обычаям. Как только буржуазия окрепла, первым делом ей было завладеть прерогативами Парламента, присвоить законодательную власть и издать свои законы и декреты, причем она заботилась только об интересах своего класса, не обращая внимания на местные нравы и обычаи населения, над которым ею чинились суд и расправа. Затем явился Бонапарт и продолжал дело Конвента; он смешал вместе с несколькими обрывками римского права то, что в изданных до него законах могло оправдать его самовластье; и таким образом нами при помощи законов правят давно уже умершие люди, причем каждое новое поколение не упускало случая вносить в законы еще свои ограничения, вместо того, чтобы просто их уничтожить. Это только усложнило положение и все более и более запутывало нас в безвыходную сеть декретов, законов и регламентов, губящих всякого, кто в нее попадает.

Там, где социальными отношениями управляют традиция и обычай, можно, конечно, говорить, что живые люди управляются мертвыми, но обычаи и нравы незаметно изменяются, и каждая эпоха на старый обычай накладывает свой особый отпечаток. Все, что не написано, а только признано, но не навязано силою, изменяется вместе с нравами.

Писанный закон неподвижен; можно его исказить, истолковать так, как никогда не думали его понимать те, кто его формулировал, но чем эластичнее закон, тем он страшнее, ибо призываемые его применять получают благодаря его растяжимости большие облегчения приспособить его сообразно своим интересам.

Вследствие этого происходит, что во время революций те, которые накануне преследовались существующим законом, могли на следующий день при помощи того же закона и того же состава судей карать своих вчерашних преследователей. От этого происходит также

то, что многие законы, оскорбляющие общественное чувство, продолжают управлять нашими действиями, ибо тем, кто находится у власти, выгодно увековечить предрассудки, выраженные в этих законах.

Нам возражают, что в странах, где царит обычай, каковы Корсика и восточная часть Алжира, личная месть делает жизнь во сто раз более трудной, чем там, где применяется юридическое наказание; что человек в этих странах несколько не защищен от мщения обиженной стороны, и убийство следует за убийством, втягивая в дело мщения целые деревни и целый ряд поколений.

Но зато все согласны, что в этих странах развилось рыцарское исполнение данного слова, чего лишена большая часть наших якобы цивилизованных стран; с другой стороны, необходимо признать, что лучший закон ничего не стоит, когда судья плох, и так как большая часть сторонников власти признает, что для того, чтобы законы правильно применялись, следовало бы их передать в руки безгрешных ангелов, то отсюда легко вывести заключение.

Затем не нужно забывать, что мы не стремимся к возвращению назад и что общество изменится под влиянием анархистической эволюции. Возврат к учреждениям прошлого, таким, какими они существовали, являлся бы регрессом. Мы же хотим применения того, что полезно и может облегчить эволюцию в духе анархизма.

Между институтами, поддерживаемыми властью в ее интересах, мы указывали на брак, не упоминая о других, каковых много. Буржуазный строй, чтобы быть прочным, должен был опереться на семью; так как при помощи ее может продолжаться господство капитала; поэтому он связал семью тысячью законных оков. Любовь, привязанность, союз по выбору и по взаимной склонности—все это мелочи, выдуманные мечтателями и до них закону нет дела. Для буржуазии существует только одна семья—это семья юридическая, основанная на восходящих и нисходящих линиях со строго проведенной иерархией, связанная законными формами и втиснутая в законные рамки, в которой родственниками считаются только те, кто признан законом, каковы бы ни были их взаимные чувства и отношения.

Таким образом, с точки зрения закона, двое супругов, взаимно ненавидящие друг друга в течение всей жизни и разошедшиеся, чтобы не жить вместе, всегда будут считаться составляющими законную семью, единственно действительную, если только они были соединены маром и забыли потребовать от другого чиновника, в другом костюме, чтобы он проделал над ними обратную церемонию развода; между тем, двое всегда живших вместе и искренно любивших друг друга, будут только „сожитель и сожительница“, по официальной терминологии, и их семья не будет действительна, если они пренебрегли некоторыми законными формальностями.

Дети первой жены, если муж путем многочисленных хлопот не добился развода, по закону считаются его единственными законными

детьми, те же, которые произойдут от него вне брака, не будут для него ничем. Что касается последних, то даже, если бы их положение было урегулировано впоследствии, оно, по закону, считается второстепенным. Оказывается, что в этом вся прелесть нашего законодательства!

Но в правах происходит заметный прогресс! Незаконнорожденный не является более парием, как это было некогда, и как думают теперь ретрограды; „незаконные“ связи, как мы сказали, весьма распространены среди населения больших городов, и, хотя иногда какой-нибудь добрый сосед вследствие склонности к злословью и сплетням начинает судачить, но везде они признаются наравне с законными.

Иногда некоторым удается даже добиться признания со стороны администрации. Один закон остается неподвижным.

Итак, современный закон, поскольку он не вдохновляется партийным духом, имел когда то временное *raison d'être*, и есть в сущности не что иное, как выражение обычая, притом ретроградное, ибо, становясь законом, он делается неподвижным и отстаёт от нравов, которые, сами по себе прогрессируя, изменялись.

Более того, общественное мнение неуклонно преследовало всегда только то, что наносило действительный ущерб обществу, причиняя вред одному из его членов; причем умело принимать в соображение намерение и обстоятельства. Законом предусмотрены максимальные и минимальные кары, и колебание его зависят больше от физиологической натуры тех, кто призван применять закон, чем от природы самого преступления. Наконец, разве не лучшее средство морализировать людей—указывать им на то, что нарушение полезного правила носит в себе самом наказание, ибо повредит им своими последствиями? Разве это не будет так же нравственно и, в особенности, так же действительно, как внушать человеку, что если он нарушит закон, то будет наказан, но, что ему ничего не будет, если он сумеет скрыть свое преступление от власти?

Нам возражат, что только страх наказания может принудить людей выполнять свой долг;—увы, этот обычный припев сторонников репрессий является ложным аргументом. Наши учреждения, во-первых, доказывают, что страх наказания не устраняет преступлений, и, во-вторых, мы видели, что традиция и обычай всеисильны у народов, называемых нами несправедливыми. Неужели приходится сознаться, что наша нравственность ниже их?

Вот, что рассказывает Белло об индейцах полярных стран по поводу складов съестных припасов, устраиваемых ими в дни удачной охоты, в расходовании которых они должны быть особенно экономны, так как часто сами терпят страшный голод.

„19 июня... Г. Геберн сказал, что индейцы ему принесли мясо, к которому они не притрагивались, хотя не ели уже трое суток. Они устраивают склады, в которых прячут часть своих запасов, чтобы

вошки не могли с'есть. Если вы очень нуждаетесь, они не имеют ничего против, чтобы вы взяли, сколько вам нужно, но не выбирая кусков; ибо, говорят они резонно, голодный человек без разбора берет то, что находит. Равным образом считается преступлением, если кто-нибудь не закроет кладовую*. *)

Следующий пример находим у Вамбери, и нас не могут обвинять в том, что мы берем примеры из жизни идиллических народов, так как здесь говорится о туркменах, единственное занятие которых составляет грабеж.

„Туркмены, по моим сведениям, мало похожие на описываемых Муравьевым, разделяются на девять племен, называемых *Халык*, которые делятся на колена или *тафы*, а эти на роды или *тиры*“.

„Двойная связь: солидарность людей, принадлежащих к каждому роду, и родов, из которых состоит каждое колено, образует главный связующий элемент этого странного общества. Тот не туркмен, кто не знает с самого раннего возраста к какому роду и колену он принадлежит, и кто не гордится силой и численностью своего племени. Впрочем, в нем он находит всегда защиту от произвольного насилия со стороны членов других родов; ибо все племя в случае обиды одного из своих сынов обязано требовать удовлетворения“ (**). И далее:

„Кочевники, живущие в этой местности, пришли толпою осмотреть караван; завязалось нечто в роде торговли; я видел, как заключались в кредит довольно значительные сделки купли и продажи. Редакция долговых обязательств и в особенности их транскрипция, конечно, были мне об'яснены. Меня удивило, что должник вместо того, чтобы передать обязательство за свою подписью кредитору, оставляет его в своем собственном кармане; и так, впрочем, делается во всей стране. Кредитор, которого я спросил относительно такого способа действий, совершенно обратного нашим обычаям, ответил мне просто: „Зачем мне сохранять это письмо, и к чему оно мне? должник нуждается в нем, чтобы помнить срок платежа и сумму, которую он обязан мне уплатить“ (***)).

Таким то образом разбойники подают нам пример честности и верности данному слову. Но торговые сношения в нашем современном обществе, как бы ни было оно испорчено, отчасти основаны на доверии и честности, и торговля не могла бы существовать ни одной минуты, еслибы приходилось рассчитывать только на страх перед законом.

Закон наказывает и может наказывать только тогда, когда известен виновный в преступлении; но человек, каждый раз, когда он совершает дурной поступок—считает ли он сам его таковым, или так

*) I. K. Bellot, Journal d'un voyage aux mers polaires, стр. 19.

**) A. Vambéry, Voyage d'unfavx Derviche, édition abrégée, стр.—38.

***) Idib. стр. 91.

его квалифицирует закон—совершает его только при уверенности, что он не будет открыт *), или тогда, когда польза, извлекаемая им щедро, вознаградит его за лишения, сопряженные с наказанием, которому он может подвергнуться. Закон бессилен предупредить преступление, когда причины, побуждающие к нему человека, сильнее чувства страха.

Некоторые утверждают, что нужно усилить строгость законов. Мы только что видели, что в средние века они были очень жестокими, но никого не утрушали. Наступают, впрочем, и такие моменты, когда наказание непропорционально преступлению, и самые жестокие „каратели“ принуждены согласиться смягчить закон. Все это доказывает, что наказание не служит действительным средством.

С другой стороны, при существовании законов люди лишены права чинить самосуд, и потому тот, кто сумеет скомбинировать свои действия так, чтобы при совершении преступления не было свидетелей, остается ненаказанным.

Кроме того, закон всегда произволен, ибо чтобы судить, судья вынужден основываться на некотором среднем уровне и пренебрегать подробностями, несмотря на то, что иногда именно они характеризуют преступление. Более того, законы издаются для защиты привилегий какой-либо одной касты и ради удобств какого-либо правительства, и поэтому они постоянно нарушаются, так как нарушение их не всегда вызывает презрение со стороны общественного мнения. Насиловать инициативу личности, уже этим законы толкают людей на преступление.

Общество, основанное на антагонизме интересов, как мы это видели, фатально ведет к конфликтам между людьми. Иным должно быть общество, в котором людям будет выгодно взаимно уважать друг друга, и данное слово будет соблюдаться потому, что это полезно всем, а не потому, что несоблюдение его повлечет за собою физическое наказание. Устранив вероломство в деловых сношениях, сделайте так, чтобы тот, кто нарушил слово, был удален из этих сношений, и нравственность распространится; ибо человек поймет, что если он нанесет какой-либо ущерб другим, то это может в каждый момент отразиться на его деловых сношениях, и этим каждый будет заинтересован помешать, когда увидит, что нарушается данное слово.

И что бы ни говорили моралисты, в настоящее время дух солидарности и боязнь общественного мнения гораздо больше мешают людям грешить против так называемой морали, чем весь современный институт законов и наказаний.

Когда люди почувствуют себя солидарными, между ними установится новая мораль, которая будет нести в себе самой свой источник и будет могущественнее и действительнее всех ваших репрессив-

---

*) Разумеется, мы говорим о преднамеренных поступках, а не о поступках, совершаемых под влиянием гнева, ибо закон еще менее способен их предупредить.

ных законов. Когда солидарность скрепит все социальные отношения, и эти последние будут складываться только вследствие сходных стремлений, всякий человек, который захочет нанести вред другому члену общества, немедленно окажется осужденным средою, ибо каждый будет понимать, что если он допустит совершение несправедливого поступка, не разоблачив его, то этим откроет другим возможность вредить, от чего сам может пострадать впоследствии. Обидчик, презираемый всеми и отстраненный от сношений с людьми, чувствуя, что его жизнь стала невыносимой, будет более наказан, чем если бы его заключили в тюрьму, и страх такого отчуждения помешает исполнить задуманное им несправедливое дело.

Преступления исчезнут не вследствие наличия карательного института, но от лучшей социальной организации, в результате воспитания людей и эволюции морали.

ГЛАВА XXVI.

Свобода с точки зрения науки.

Мы приходим к концу нашей работы. Нами рассмотрены все возражения, которые можно было предвидеть, и мы пришли к заключению, что все, что мы знаем о человеке, вместо того, чтобы разрушить наш идеал, скорее подкрепляет наши гипотезы о гармонии и солидарности. И наука, сама наука, подкрепляет анархические теории, показывая нам, что все в природе движется по закону взаимного влечения и следовательно: свободно. Природа—обширное горнило, в котором различные тела изменяются, приобретая новые свойства, причем изменения происходят без предвзятого намерения, единственно в силу свойств этих тел.

В природе, в царствах: животном, растительном и минеральном все связано друг с другом; правда, движение и развитие одних тел управляются движениями и развитием других; и следовательно человек, в известной мере, зависит от общества, в котором он живет и развивается; но для буржуа и для сторонников власти всех родов это общество заключается в некоторой организации, которая изображает общество в форме установленной власти, и велениям этой власти по их теории должны подчинять люди свою деятельность. Эту теорию мы отвергаем и хотим доказать ее ложность.

Мы видели, что не человек должен подчиняться требованиям дурно организованного общества, но последнее должно сообразоваться и функционировать таким образом, чтобы человек нашел в нем простор для своей личности, а не ограничение. Оно должно сообразовать свою организацию с сношениями людей между собой. Не оставаясь неподвижным, оно должно следовать колебаниям человеческой эволюции и всегда быть в гармонии с изменениями, вносимыми временем и обстоятельствами.

Верно также, что наука нам доказывает, что все в природе управляется везыблемыми законами, называемыми „естественными законами“; законами, требующими, чтобы все молекулы, имеющие одинаковые свойства, стремились друг к другу и соединялись для образования какого-либо минерала, растительного или животного организма, смотря по способу нарастания их, по состоянию среды, в

которой происходит соединение, по числу и силе молекул каждого рода, участвующего в соединении.

Кто создал эти законы? Для священника: сверх естественное существо, называемое „Богом“. Для ученого—если ему удалось освободиться от всех предрассудков, влиявших на его детство и воспитание—эти законы являются результатом свойств, которыми одарены различные вещества, составляющие вселенную, и пребывают в самих этих свойствах.

В этом случае закон не управляет различными частями одного целого, но объясняет, что если явления произошли в том или другом смысле, тем или другим способом, то потому, что вследствие свойств самих тел иначе не могло быть.

Социальные законы не могут иметь другой власти, чем естественные законы; они могут только объяснять отношения между людьми, но не управлять ими. Понятые в этом смысле, они не нуждаются в какой-либо принудительной власти. Констатируя только совершившиеся факты, законы санкционируются лишь тем, что неповиновение естественному закону само собою влечет за собой наказание. Знакомство с ними должно наперед указывать нам результат всякого нашего поступка по отношению к другим и учить нас, найдем ли мы в нем пользу и наслаждение, или раскаяние и отвращение, не будет ли удовольствие, получаемое нами от этого поступка сопровождаться еще большим неудовольствием. Силы социолога, следовательно, должны быть направлены не на то, чтобы установить законы, приложимые при помощи силы ко всем безразлично, а на то, чтобы изучить следствия наших поступков и их отношение к естественным законам; его выводы научат человека тому, что выгодно для него и для всей расы. Социологические законы не должны быть принудительными; они должны научить, но не принудить нас; должны найти самую благоприятную среду, в которой индивидуум сможет развиваться во всю ширь своей природы.

Например, в химии, когда хотят соединить два тела, разве воля химика производит то, что приведенные в соприкосновение различные тела соединяются! Нет, предварительно нужно было изучить различные свойства этих тел настолько, чтобы знать, что при опытах над известными количествами, при известных условиях, получается определенный результат,—неизбежный каждый раз, как только опыты происходят при совершенно одинаковых условиях; и если бы химик, чтобы получить искомый результат, хотел соединить тела, одаренные различными свойствами, без надлежащих условий, то эти тела взаимно уничтожили бы друг друга или разрушились бы; во всяком случае результат был бы иной, чем тот, на который надеялся химик. Воля последнего, следовательно, влияет на результат только знанием употребляемых им веществ; его могущество ограничено свойствами тел; вся его власть ограничивается подготовлением для опыта надлежащих условий, и только.

Также всегда будет и относительно человеческих обществ; как только захотят их организовать произвольно, не обращая внимания на темпераменты, идеи, склонности людей, всегда получат ненормальное общество, которое через короткое время превратится в хаос, беспорядок и возмущение.

Роль анархистов в социологии не может быть иной, чем роль химика: их дело подготовить среду, в которой люди смогут свободно эволюционировать; развить мозги людей так, чтобы довести их до понимания возможности полной свободы, возбудить в них волю ее завоевать.

Когда молекулы и клеточки, составляющие вселенную, могут свободно ассоциироваться, когда ничто не препятствует их эволюции, происходит их сочетание, результатом коего является законченное существо, действительно жизнеспособное в той среде, где оно развилось. Но если ассоциация не могла произойти свободно, если эволюция была задержана, и „автономия“ различных молекул нарушена, результатом является так называемый урод, т.е. существо, не пригодное для среды, где оно должно развиваться, не жизнеспособное; если оно может, несмотря на свое уродство, продолжать существование, то влечет жалкую немощную жизнь, оставаясь всегда болезненным и безобразным. Таковы наши общества; болезненные элементы, которыми они наполнены, причиняют перевороты, постоянно их потрясающие.

Вот почему анархисты хотят здорового общества, устроенного совершенно, хотят, чтобы свобода личностей—этих молекул общества—была уважаема. Стремясь к тому, чтобы все люди, со сходными способностями, могли свободно ассоциироваться, согласно наклонностям каждого, мы отвергаем всякую власть, долженствующую привести всех людей к одной мерке,—хотя бы эта власть была и „научной“.

Чтобы властвовать, люди должны были бы быть ангелами. Широким умов, могущих вместить все человеческие знания, не существует. Каково бы ни было наше уважение к ученым, мы вынуждены признать, что самые величайшие социальные несправедливости оставляют их, в большинстве, равнодушными, если в худшем случае они ради милостей власть имущих не пользуются своими знаниями, чтобы попытаться оправдать их беззаконие.

Равным образом, достаточно проследить научные исследования, чтобы понять, что многие среди ученых, отдаваясь изучению какой-либо отрасли человеческого знания, раньше или позже превращают ее в свой „конек“, который они седлают по всякому поводу и делают из него первопричину всех вещей, видя в других науках только побочные принадлежности своей специальной науки, если не бесполезные, то, по крайней мере, весьма маловажные.

Конечно, наука прекрасна, но при условии, что выполняет только свое назначение: констатировать совершающиеся явления, изучать

следствие, розыскивать причины, и формулировать данные, но каждый должен оставаться свободным усваивать ее открытие сообразно со своими способностями и степенью своего развития.

Кроме того, разве не высокомерное желание управлять всем на „основании науки“, тогда как еще столько не выясненных вопросов ждет решение ученых?

Не результатом ли прошлых стремлений регламентировать ассоциацию интересов и деятельности индивидуумов является уродливое „современное общество“?

Некоторые утверждают, что чем более развивается человек, и расширяются научные знания, тем более индивидуум теряет свою самостоятельность. Употребление машин и разнообразные двигательные силы, предоставленные в распоряжение человека наукой, принуждая его к ассоциации с другими, отнимают, якобы, у него, соответственно, часть его самостоятельности, подчиняя его личную деятельность деятельности машин и сотоварищей. Утверждают, что для того, что бы найти общество, в котором царила бы полная свобода личности, нужно возвратиться к колыбели человечества, или к самым низким из современных рас. Из этого можно заключить, что идеальным обществом сторонников власти было бы такое, в котором человек не мог бы даже отправлять естественные надобности, не спросив на то разрешение!

Чем более развивается наука, тем свободнее становится человеческая личность. Если в современном обществе каждое научное открытие, действительно, усиливает зависимость рабочих от капиталистов, то это потому, что современные учреждения обращают силы всех в пользу нескольких. Но в будущем обществе, основанном на справедливости и равенстве, новые открытия только увеличат свободу индивидуума.

Нужно действительно быть ослепленным манной власти, чтобы осмелиться утверждать, что нужно возвратиться к колыбели общества или низким расам *), чтобы встретить свободу личности. Разве человек был свободен, когда голый и беззащитный, обладая лишь зачаточным интеллектом, был предоставлен всем случайностям жизни и вынужден бороться против природы, которую он еще не научился понимать, вследствие чего стал боготворить ее во всех ее проявлениях, причина коих ему была неизвестна? Был ли человек свободен, когда был вынужден розыскивать себе пищу и бороться за нее с большими хищными животными, превосходившими его силой? Какую свободу мог он проявить, если он был принужден вести постоянно суровую борьбу за существование? Современные, так называемые, низшие расы ясно доказывают, что, действительно, нет свободы там, где человек принужден постоянно держать наготове те небольшие способности, кото-

*) Низшим по степени развития но не по жизнеспособности их.

рыми он владеет, чтобы быть в состоянии удовлетворить свои материальные нужды.

Мы, конечно, признаем, что великие открытия, как, например, пар и электричество, уничтожили границы отделявшие некогда общины и нации, давая свободу всеобщей солидарности; но из того, что рабочие вынуждены соединять свои силы, чтобы победить препятствия, чинимые природой, не следует, что их свобода стеснена в смысле подчинения кому-нибудь. — Так как общины и нации находятся ныне в постоянных сношениях, то всякая власть, направленная к установлению таковых сношений и навязанная, чтобы социализировать силы отдельных людей и групп, делается все более и более вредной.

Если в первые времена человечества федерация изолированных групп и социализация сил происходили при помощи внешней власти, то теперь эта солидаризация происходит добровольно, не нарушая автономии групп, и именно благодаря пару и техническому прогрессу, установившим частые и продолжительные сношения между людьми, которые узнали лучше друг друга, когда оказались подчиненными власти этих новейших изобретений. — Уменьшится ли от этого независимость отдельных людей и групп? Мы этого не думаем, потому что пар, электричество и техника предоставят человеку значительные силы, позволяющие победить расстояние и время, увеличат его независимость, уменьшая количество времени, необходимого на борьбу за существование — борьбу с природой, надо это помнить — и дадут таким образом ему возможность тратить самую большую часть своего времени на труд, не изнурительный, в обществе, основанном на солидарности и свободе.

Да, мы признаем и во всеуслышание заявляем: научные открытия все более и более ведут людей к ассоциации сил и к солидаризации интересов. И мы хотим разрушить современное общество, основанное на их антагонизме. Отсюда далеко до вывода о необходимости власти, и сторонники ее ошибаются, полагая, что когда-нибудь можно достичь солидарности интересов тех, кто приказывает, и тех, кто подчиняется.

Не обязано ли, действительно, человечество своим прогрессом тому духу неповиновения и непокорности, который побуждает людей устранять препятствия вредящие его развитию; тому высшему духу, который его влек бороться против традиций и квиетизма и забираться в самые темные области науки, чтобы раскрыть тайны природы и научиться владеть ею? В самом деле, кто может сказать, какой степени развитие достигло бы ныне человечество, еслибы оно свободно эволюционировало в прошлом? Известно, что многие открытия которыми гордился XIX век, были сделаны или предугаданы ранее, но ученые должны были держать их в тайне и прекращать исследование, чтобы не быть сожженными за колдовство.

Если человеческий мозг выдержал двойные тиски светской и духовной власти, если прогресс совершался несмотря на гнет, от которого человечество страдает со времени, когда человек стал мыслящим существом, то это потому, что дух неповиновения был сильнее гнета.

Сторонники власти говорят, что они стремятся к ней лишь ради того, чтобы руководить эволюцией идей и человечества. Но разве они не видят, что желать принудить всех людей подчиниться одинаковому способу эволюции—что неизбежно произойдет, если какая-либо власть возьмется ею руководить—значит остановить цивилизацию в том положении, в каком она пребывает в настоящее время. Какие были бы мы теперь, если бы среди невежественных людей первых времен человечества нашлись „научные“ умы, достаточно могучие, чтобы направлять эволюцию людей сообразно с теми знаниями, каковыми они владели в ту эпоху?

Из этого не следует, что идеал анархистов заключается в том, что дарвинисты в социологии называют „борьбой за существование“. Уничтожение более слабых видов видами более сильными могло быть одной из форм эволюции в прошлом, но теперь, когда человек сознательное существо, теперь, когда мы начинаем предусматривать и понимать законы, управляющие человечеством, мы думаем, что эволюция должна принять другую форму.

Мы сказали, что такой формой служит солидаризация интересов и индивидуальных сил для достижения лучшего будущего. Но мы убеждены также, что солидаризация целей и сил может произойти только от полной свободы индивидуумов. Получив свободу познавать друг друга и соединять свои силы способом, лучше всего соответствующим их способностям и стремлениям, люди не будут никого угнетать, ибо никто не будет угнетать их. В наши дни человек достаточно развит, чтобы знать по опыту хорошую и дурную сторону поступка; следовательно, в обществе без власти группы или отдельные люди сбившиеся на дурную дорогу, видя рядом с собой лучше организованные группы, сумеют покинуть дурную дорогу, и присоединиться к той группе, которая им покажется лучшей.

Так как прогрессивное развитие человечества будет освобождено от преград, мешавших ему по настоящее время, то эволюция идей и индивидуумов будет борьбой, в которой каждый будет соперничать в усердии, чтобы производить лучше других, и которая нас приведет к конечной цели: счастью отдельной личности среди всеобщего благополучия.

Заключение.

Никакая доктрина не вызывала столько негодования и клеветнических обвинений со стороны всех политических партий, как анархизм. Испугавшись успехов, делаемых идеей независимости в ее новой формулировке, все те, кто живет за счет эксплуатации—промышленной, капиталистической, политической, моральной и интеллектуальной,—все они дружно соединились, чтобы сообща защищаться от новых пришельцев, осмелившихся нарушить их покой, выдвигая теории „ниспровергающие все, что они условились уважать“.

Анархистские теории признали прирожденное право всякого индивидуума восстать против того, что угнетает; но представители буржуазии не ждали первых ударов: каторга и тюрьма обрушились на пропагандистов философской идеи. Максимум наказания падал на всякого обвинявшегося в том, что осмелился выразить, будто бы не все идет к лучшему в этой лучшей из буржуазных республик, и что нужно поработать над изменением социального строя.

Насилие вызывает насилие, террор порождает террор. Зная, что за статью или речь карают так же, как и за действительно революционный акт, некоторые более нетерпеливые анархисты отказались спорить и решили отплачивать той же монетой; тогда появились репрессивные законы, которыми правительства надеялись убить анархистскую идею; события нам когда-нибудь покажут, что нужно думать об этом.

Но прежде чем издать ретроградные законы, не будучи в состоянии опровергнуть теории, понимать которые большинству мешала их интеллектуальная слабость; чувствуя, что если новые идеи привьются, наступит конец эксплуатации и привилегий; угрожаемые ударом в самое сердце, и не вида никакой возможности продолжать паразитизм при новом порядке вещей, представители буржуазии, чтобы убить философскую мысль, помимо тюрьмы, прибегли к своему любимому оружию: клевете.

„Анархисты“, кричат они на все голоса (причем в этой кампании им помогают сторонники власти всех родов, имеющие намерение работать в пользу социальной реформы) „анархисты не составляют партии! У них нет идей относительно будущей социальной организации, у них есть только вождедения!“—Социалисты, сторонники власти,

прибавляют: „это провокаторы“! и все вместе кричат: „они хотят вернуть нас к господству силы и первобытному состоянию!“ И так как оскорбление и клевета дают возможность обходиться без доказательств, то они создали в газетах анархистам славу не нормальных и бессмысленно-жесточких людей, и все глупцы, черпающие убеждения только из их газет, приняли за истину их лживые наветы и смотрят на анархистов, как на банду бешенных людей, не знающих, чего они хотят.

Мы не будем судить тех, кто делал свое дело, и заплатил за заблуждение, если таковое было, жизнью и свободой. Заслуживают глубокого уважения те, кто жертвует жизнью за свои идеи. Но мы должны признать, что некоторые неразумные поступки, некоторые неуместные жестокости способствовали укоренению вышеуказанного мнения.

Смелость и бескорыстие пострадавших в борьбе, из которых многие умерли в каторге или на эшафоте, заставляли тем не менее мыслящих людей изучать идеи, порождающие столько самопожертвования, и только люди, удовлетворенные существующим строем, покрывали их грязью.

Для этих сытых людей всякий анархист существо злобное, завистливое, желающее хорошо жить, не работая. Им ли, пресытившимся, говорить нам об аппетитах и вожделениях? Они присвоили себе все радости жизни; они так пресытились ими, что чувствуют отвращение ко всем естественным наслаждениям и, действительно, не ощущают к ним никакого „аппетита“... Сытые, с притупившимися чувствами, они дошли до того, что ищут наслаждений в противоестественных пороках, в извращениях природы... Бедные люди!

Анархисты письменно и устно пропагандируют свои идеалы и объясняют их основания. Мы надеемся, что этой книгой вложили свой камешек в стены здания будущей мысли; что нам за дело, если буржуа будут продолжать вопить, что у нас нет идеала?

Для них анархисты, жертвующие своим существованием и свободой ради осуществления социальной организации, которая дала бы простор эволюции всех,—корыстные люди! Они корыстные! но, ведь, при характеризующем их отсутствии предрассудков они могли бы пробиться и занять хорошие положения в современном обществе, во все учреждения коего открыт доступ честолюбию, жадности и всему чудовищному, вытекающему из ложного и порочного воспитания, лишь бы тот, кто хочет выдвинуться, умел закрыть глаза и не видеть тех, кого он опрокинет на своей дороге; заткнуть уши, чтобы не слышать криков агонии попавших под его ноги во время его бешеной погони за добычей!

Этих корыстных людей, анархистов, мы видели во всех процессах, которыми рассчитывали задушить партию; одни из них—буржуа, порвавшие связь с своим классом и пожертвовавшие прочным положением; другие, рабочие, после трудового дня, вместо отдыха, шел-

шие к своим братьям по нищете возвещать то лучшее будущее, которое они видели в своих мечтах, и указывать им настоящих врагов рабочего класса, объяснять им истинные причины их нищеты.

Они корыстные люди! когда большинству из них достаточно было согласиться признать современное общество и уметь, где нужно, гнуть спину, чтобы стать в ряды наших нынешних эксплуататоров.

Наконец, неужели корыстные люди все рабочие, которые, стремясь к лучшему будущему и производя все: предметы богатства и наслаждения—сами нищенствуют все время своего существования? Алчные и завистливые люди они, которые требуют своей доли из богатств им самими производимых!

Но что же мы скажем о тех, которые нас эксплуатируют? Ну, конечно, они не алчные, завистливые люди!

Послушаем их после весело проведенной ночи; они не станут будить дурные страсти, намекая на какое-то невозможное будущее; нет, они проповедуют любовь к семье, ее удобства, почтение к приобретенным положениям, нравственность, умеренность и бескорыстие; и все это в перемежку с икотой от обильного ужина, за которым каждым из них проглочено состояние нескольких бедных семейств...

Они жадные люди? Вы плохо знаете их! Если они согласились переполнять свои желудки, рискуя умереть от несварения, то вы думаете, что это для личного удовольствия? Вовсе нет—это ради человечества.

Нужно пустить в обращение деньги, добытые ими в поте лица торговлей и промышленностью от своих крепостных, работающих в поле, в рудниках, на фабрике и в конторе! Разве вы их считаете эгоистами, способными накапливать и ничего не тратить? Радуйтесь, бедняки, истощенные, оборванные; дрожите на морозе и корчитесь от голода! Чтобы вам сделать удовольствие и доставить вам работу, ваши эксплуататоры ради вас одеваются в щегольские платья, укутываются в шубы, бросают золото на безделушки, наслаждаются дорогими обедами; и вечером, когда вы протягиваете на скверной кровати свои члены, измученные трудовым днем, они, выйдя от своих любовниц—чаще всего ваших дочерей—или из клуба, где они проиграли целое состояние, идут домой нежить в мягкой постели свой поврежденный излишествами остов и счастливо засыпают. Они заслужили спокойный сон... Они работали, чтобы вас все более и более прикрешить к земле, или фабрике.

Мы знаем, конечно, что анархисты скажут этим буржуа: „лучше бы не эксплуатировать рабочих и предоставить им свободу тратить плоды своего труда, как им будет удобнее;“ но ведь вы, анархисты, грабители; у вас нет социального идеала; вы мечтаете о грабеже, убийстве и поджоге! Вами руководит только алчность!... Просто, и не требует доказательств.

Если все партии, в поистине трогательном единении, забыли взаимные ссоры, чтобы вместе преследовать анархистов, то это по-

тому, что принадлежат к классу современных эксплуататоров или намереваясь к нему примкнуть, они считают нужным защитить то, из чего надеются когда-нибудь извлечь себе пользу. Хотя они и ссорятся из-за тарелки с маслом, но не хотят ее разбить; поэтому им нужно освободиться от тех, кто заграждает им дорогу, доказывая рабочим, что они не должны соглашаться иметь господ.

Чтобы возмутить наивных, удобнее всего изобразить тех, кто требует прекращения эксплуатации человека человеком, грабителями, голодными, бросающимися на чужое имущество, как на добычу.

Послушайте, как они жалеют тех, „кто трудом и бережливостью обеспечил себе кусок хлеба на старость“; они не находят выражений, чтобы достойно восхвалять „мелкого собственника или промышленника, труд и энергия которых составляют силу нации!“ И глупцы, осужденные умереть в больнице, которым следовало бы знать, что выражение: „капитал есть плод бережливости и труда“ только обман, что рабочий скорее должен ждать в будущем голодных дней, чем денег, тем не менее боится за безопасность своих... воображаемых сбережений!

Глупцы могут верить, что анархисты жадны; но как могут сторонники власти обмануть людей, сознательных, когда анархисты, ведь, постоянно говорят рабочим: „Земля, которой вас лишили, и которую вы принуждены защищать, принадлежит вам, и никто не имеет право ею владеть и заставлять вас работать на него; плоды земли принадлежат всем, и никто не имеет право сберегать их, когда другие голодают; все должно быть в волю насколько это возможно на пиру природы, по количеству продуктов“; как можно надеяться суметь представить анархистов, так говорящих, корыстными людьми? Когда они стараются об'яснить рабочим, что те должны способствовать созданию общества, в котором все найдут удовлетворение своих физических и интеллектуальных потребностей и не будет уродливых явлений, как в современном, где полные сил умирают от нищеты или ищут в самоубийстве средства избежать мучений голода, в то время, как рядом с ними тратятся на безумные празднества и баснословные оргии огромные суммы, достаточные для содержания до конца жизни многих семейств, неужели можно сравнивать их с грабителями?!

Как могут быть анархисты названы честолюбивыми, когда их пропаганда направлена, главным образом, на то, чтобы об'яснить людям, что нужно уничтожить все положения, позволяющие интриганам господствовать над массой; когда они твердят беспрестанно, что кто бы не стоял у власти, таковая будет произвольна, потому что служит только подкреплением воли нескольких, на чем бы они ее ни основывали: на божественном ли праве, или на праве силы, или на праве большинства.!

Все это ополчает против анархистской идеи представителей буржуазии и сторонников власти; и они злобно негодуют, ибо идея эта

учит рабочих самим вести свое дело, никому его не доверяя, и никому не передавать принадлежащей им верховной власти, чтобы остаться всегда свободными.

Все, кто живет политической эксплуатацией, почувствовали, что если идея эта распространится, то не останется места их возжеланиям, и вся голодная стая в погоне за местами и почестями, и, в особенности, за доходами, ворчит, оскаливая зубы; они чувствуют, что их роль сыграна; будучи слишком развращены, чтобы открыто присоединиться к рабочим, они клеветают на всех, кто работает в пользу освобождения человечества.

Клеветайте, сколько вам угодно! ваши оскорбления и клевета не остановят движение человечества! Да, человек корыстен. Что же из этого? Значение этого слова—относительное. Да, мы хотим общества, в котором каждый сможет удовлетворить в полной мере все свои физические и интеллектуальные потребности; да, мы мечтаем об обществе, в котором все материальные и духовные наслаждения не будут предназначены привилегированному меньшинству, но будут предоставлены всем. Да, мы люди, и все человеческие потребности не чужды нам, и мы не находим нужным скрывать этого!

Но мы также жаждем справедливости и свободы и требуем общества, в котором не было бы ни судей, ни правительства, ни паразитов, ибо из них составляется чудовищный социальный организм, угнетающий человечество за все время его существования.

Что же касается упрека в неимении идеала, то заявление анархистов в газетах, брошюрах, собраниях, судах, везде, где можно было говорить публично, достаточно доказали ложность этого упрека. В этом труде мы пытались выяснить наш идеал и привести доказательства, что инициатива и свобода в нормально устроенном обществе должны быть единственными двигателями человеческой деятельности. Мы видели, что все современные учреждения созданы единственно в пользу особых интересов одного класса, и ради защиты его от притязаний обездоленных; что, несколько не вытекая из „естественных законов“, эти учреждения основаны на произволе и совершенно противны законам природы.

Затем мы видели, что наука и природа вместо того, чтобы опровергнуть наши идеи, вопреки утверждениям наших противников, присоединяются к нашим требованиям полной свободы личности, как во всем мире, так и в среде себе подобных людей. Пусть над этим поразмыслят рабочие.

Клерво, 1894—95.

Оглавление:

Жан Грав, теоретик анархизма
(вступительная статья В. В. Дамье) III

	стр.
Глава I. На следующий день после революции	3
„ II. Революция и Дарвинизм	11
„ III. Борьба с природой и взаимопомощь	25
„ IV. Революция и интернациональность	33
„ V. Революция—детище эволюции	41
„ VI. Механические орудия производства	50
„ VII. Роковая неизбежность революции	58
„ VIII. О переходном периоде	64
„ IX. О моральном влиянии революции	74
„ X. Индивидуальная личность и общество	82
„ IX. Социальное равенство. Естественные неравенства . . .	94
„ XII. Эгоизм.—Альтруизм	107
„ XIII. Власть и организация	112
„ XIV. Ценность	119
„ XV. Мера ценности и статистические комиссии	126
„ XIV. Диктатура класса	134
„ XVII. Общественные службы	139
„ XVIII. Туземцы	153
„ XIX. Свободный выбор труда	159
„ XX. Коммунизм и анархия	170
„ XXI. Гармония.—Солидарность	175
„ XXII. Женщина.—Брак	182
„ XXIII. Дети в будущем обществе	193
„ XXIV. Искусство и художники	202
„ XXV. Традиция и обычай	209
„ XXVI. Свобода с точки зрения науки	216
Заключение	222

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Размышляя об анархизме»

Кропоткин П. А. Речи бунтовщика.

Боровой А. А. Анархизм.

Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма.

Лурье С. Я. Антифон — творец древнейшей анархической системы.

Нэбб К. Радость революции.

Валлерстайн И. После либерализма.

Пугачев В. П. Управление свободой.

Фулье А. Нищие и имморализм.

Бугера В. Е. Социальная сущность и роль философии Нищие.

Ковалев А. М. Человеческое сообщество на рубеже столетий.

Бузалин А. В. Ренессанс социализма.

Бузалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»).

Бузалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.

Бузалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.

Булавка Л. А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России.

Славин Б. Ф. Социализм в России.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочие в России: исторический опыт и современное положение.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочий в XX веке (российский опыт).

Шкапиров Ф. Л. Надрыз: Правда и ложь отечественной истории XX века.

Науумов В. И. Преднамеренный развал СССР. Вселенская трагедия.

Хорос В. Г., Красильщиков В. А. (ред.) Постиндустриальный мир и Россия.

Кагарлицкий Б. Ю. Реставрация в России.

Батыров К. А. Почему фрут лиха в казино-капитализме: Заметки промышленника.

Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации.

Шелейкова Н. И. Перспектива перехода России и человечества к новой парадигме жизнедеятельности.

Амосов А. И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития.

Гавров С. Н. Модернизация во имя империи.

Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции.

Хайтун С. Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:

тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46

или электронной почтой URSS@URSS.ru

Полный каталог изданий представлен

в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Жан ГРАВ (1854–1939)

Деятель французского анархистского движения, писатель, публицист, один из самых известных французских анархистов конца XIX – начала XX вв. Родился в городке Брейль, в бедной семье. Работал учеником механика, потом в сапожной мастерской отца. С 1877 г. регулярно ходил на социалистические собрания, через 2 года вступил в Рабочую партию Ж. Гада. С ноября 1881 г. возглавил издание ежемесячного бюллетеня французских анархистских групп. В 1881–1882 гг. увидели свет первые анархистские статьи и брошюры Ж. Грера. В начале 1883 г. по приглашению Э. Реклю переехал в Женеву, где стал главным редактором газеты «Револьте» («Бунтовщик»). С 1895 по 1914 гг. газета выходила под новым именем «Тан нуво» («Новые времена»).

Ж. Граву удалось превратить издаваемую им газету в фактически главное издание французского анархистского движения, его неофициальный печатный орган. Он не только сам писал статьи, но и привлек к сотрудничеству наиболее известных анархистских теоретиков и публицистов того времени — П. А. Кропоткина, Б. Лазара, О. Мирбо, Э. Малатеста и др. Сам Ж. Грав в своих статьях и книгах отстаивал «чистую» доктрину анархистского коммунизма. Он считал, что громких акций «инициативного меньшинства» недостаточно, чтобы разбудить народ, этого «великого спящего», и необходимо распространять анархистские идеи в массах. Социальная революция, по его мнению, может начаться и победить только тогда, когда произойдут глубокие изменения в сознании, для чего следует «вдохнуть идеи в головы людей». Именно этому делу и отдал все свои силы Жан Грав.

Наше издательство предлагает следующие книги:

6344 ID 87503

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
Тел./факс: 7 (499) 135–42–46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>